

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
РЖАВЫЙ МЕЧ
ЦАРЯ ГОРОХА

Annotation

Если есть минутка тишины и свободного времени, то почему бы не раскрыть потрепанный служебный блокнот и не вспомнить старые дела... В Лукошкино вроде бы как раз начала приходить осень. Мы отдыхали. Ничего не предвещало проблем, пока Бабу-ягу не угораздило рассказать нам сказочку на ночь. И началось... Таинственные кражи, отчаянные погони, бесы-наёмники-тройняшки, Кощеевы происки, неуловимые отравители, троюродная сестричка нашего Гороха, драка в женском монастыре, дьяк в сватовстве, Митька в капусте и я с белыми крыльями за спиной... Эх, всего и не перескажешь! Да и кто бы поверил, что всё это ради старого ржавого меча?

- [Андрей Белянин](#)
    -
    - [Предисловие](#)
    - [*****](#)
-

Андрей Белянин

Ржавый меч царя Гороха

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Предисловие

...Я долго сомневался, перед тем как взяться за эту рукопись.

Честно. Просто не знал, так ли уж обязательно надо рассказывать про каждое дело нашей лукошкинской опергруппы. Что-то было более ярким, что-то значительным, а что-то забывалось на следующий же день. Да и у меня тоже далеко не всегда было время и желание всё подряд записывать. Много на тот момент казалось слишком простым или обыденным, в общем, не самым важным. Хотя вот сейчас как-то само собой образовалась небольшая передышка. И тогда вдруг полезло из служебного блокнота и постепенно написалось...

Сам я предпочёл бы молчать, потому что в той истории меня похоронили.

Но если вам интересно?

В общем, дело начиналось так...

*****

Поздний вечер. В небе молодая луна со звёздами. Тихое отделение милиции стольного города Лукошкина. Все дела закончены, стрельцы с пищалями на дежурстве, суматохи нет, служба охраны правопорядка идёт своим чередом, почему бы и не прерваться на сказку, как вы считаете?

Ну вот мы и прервались. Уже, кажется, часа на полтора...

– А Змей Горыныч тот собою дюже страшный был, – продолжала нагнетать бабка, сама распаляясь с каждым героическим эпизодом. – Весь в шкуре чёрной, в чешуе дамасской да ещё ить о трёх головах, гад! Одна – огнём палит, другая – дымом душит, третья – жгучим ядом во все стороны плюётся!

– Напалм, отравляющие газы и, положим, соляная кислота, – зевая, предположил я, но Митька невежливо ткнул меня локтем в бок.

– Тьфу на вас, Никита Иванович! Не интересно – не слушайте, а врать не мешайте!

– Да кто врёт-то? – беззлобно фыркнула на нас Яга. – Чистую правду я говорю, предание древнее, ещё с языческих времён до нас дошедшее да в светлой памяти простонародной с честью сохранённое. Так сказывать ли дальше?

Я молча поднял обе руки, типа сдаюсь, продолжайте развлекаться, делать всё равно нечего. Город спит, еремеевцы на посту, мне к царю с докладом аж после обеда – чего бы и не потрепаться на сон грядущий корпоративного духа ради? Тем более что рассказывала Баба-яга мастерски, куда там театральным актрисам, ей бы и сам Станиславский с первого слова поверил. Ну уж кричать «не верю!» точно бы не рискнул...

– И стал тут злой Змей всё войско добрых русичей губить нещадно! Кого огнём не спалит, того дымом задушит. Кого ядом не заплюёт, того когтями порвёт да и сожрёт без соли, без жалости! Воспечалилось тогда всё войско русское, замолилось оно отцу Яриле Ясну Солнышку, да Хорсу на Семи ветрах, да Перуну – Громовержцу небесному, и по вере их и выехал из-за леса сам Бова-королевич!

– Бова? Может, Вова? Ну там одну букву перепутали, бывает же...

– Нет, Никитушка. Бова он и есть Бова! С ударением на последнюю букву.

– А почему королевич? У вас... То есть у нас тут, на Руси, отродясь королей не было, – подковырнул я, радуясь редкой возможности показать

среднее образование. – Учёные говорят, что само слово «король» происходит от имени Карла Великого. То есть как ни верти, а европейское это слово...

– Дык и наше «царь» греко-римского происхождения, – безмятежно отмахнулась бабка. – От ихнего слова «цезарь» произошло. У нас-то ранее никаких царей не было, тока князья.

– Что, однако, не меняет исторической сути филологического вопроса: почему «Бова» и почему «королевич»?

– Никита Иванович! Бабуля! Да тьфу уже на вас обоих! – взвыл бедный Митька, обиженной колокольней возвышаясь над столом. – Сказку людям верните, а?!

– Да, да, прошу прощения, – первым повинился я. – Действительно, чем же там дело кончилось? Ну вот выехал из-за леса Бова и...?

Яга неспешно налила себе свежего чаю из самовара, придвинула ватрушку, вспомнила про талию, отодвинула, плюнула, придвинула снова, откусила кусочек и храбро продолжила:

– Вот и вышел Бова-королевич супротив Змея Горыныча. Тот его огнём палил – не спалил! Дымом его душил – не задушил! Ядом в него плевал, да сам поперхнулся! А Бова-королевич выхватил из ножен меч-кладенец да как срубил Змею среднюю голову! Тут-то Горыныч поганый и опомнился, крыльями замахал, так что небо закрыл, ветры пустил сильные...

– Воздух испортил, что ли? – не удержавшись, хихикнул я.

– И на тех ветрах, – не обращая на меня внимания, неслась бабка, – до самых небес взлетел да в сторону гор далёких афганских отправился. Молва людская за то Бове-королевичу по сей день славу поёт. А Змей поганый о двух головах, говорят, и доселе в глубоких пещерах Гиндукуша прячется, время выжидает, месть тайную в сердце чёрном лелеет...

– Ух ты, страшно-то как, – с восхищением потянулся наш младший сотрудник. – А что ж теперь будет-то? Коли Бовы-королевича нет, Змей Горыныч и до нас прилететь может?

– Не прилетит, Митенька, заботится. Меч-кладенец-то у царя нашего Гороха в тайных подвалах заперт. А в нужный час возьмёт его надёжа-государь да и прогонит самолично Змея бесчинного!

– Вы серьёзно, бабуль? – зевнул я.

– Про меч-то? А то! – поднялась Яга, убирая со стола. – Люди говорят, есть он. Сама-то не видела, а коли тебе невтерпёж, так завтра сам у царя и спроси.

Мы спровадили сонного Митьку на его лежак в сени, я помог бабке прибраться, спать всё ещё не хотелось. Прошное громкое дело о заговоре

Чёрной Мессы отняло так много сил, что к своим скромным записям я вернулся не скоро.

Да, собственно, и причины-то особой возвращаться не было. Для себя пишу, рассчитывать на публикацию бестселлера во времена царя Гороха не приходилось, хоть ты растрижды гений вроде Достоевского или Льва Толстого. Типографий раз-два и обчёлся, все при монастырях. Они церковные книги печатают, а чтоб детективчик для народа, так это извини-подвинься, ни боже мой! Грех содомский, искушение дьявольское! Пусть люди лучше Святое Писание читают, житиями святых просвещаются или уж совсем простенькие ярмарочные лубки на стену в избе вешают. А что? Зато душеспасительная и проверенная временем литература...

Я даже как-то с думным дьяком Груздевым на эту тему консультировался. Ну, в смысле на предмет создания местного частного книгопечатания. Я пишу, он издаёт, а реализуем в ларьке у нас при отделении. Дело выгодное, кто хочет пятнадцать суток скостить, всегда книжку купит, правда же? Но даже жадный дьяк упёрся – без разрешения Святого Синода никак нельзя-с! Ну и в пень бы их всех (кроме отца Кондрата), а я писал свои служебные заметки и буду...

Да, забыл. Позвольте представиться. Ивашов Никита Иванович, младший лейтенант милиции из Москвы. Волей хихикающего рока переброшен сюда, в сказочную Русь времён царя Гороха. Увы, никакими волшебными талантами или предметами награждён не был, поэтому страдал недолго и устроился на службу в первое и единственное милицейское отделение стольного города Лукошкина, которое сам же и организовал, получив чин сыскного воеводы. Поселён в тихом (это прошлое!) тереме Бабы-яги, недалеко от Базарной площади.

Бабка до меня жила себе скромно, грехи молодости замаливала, но сейчас стала активнейшим членом нашей сыскной опергруппы, второго такого эксперта-криминалиста не только у нас, но и ещё минимум в пяти сопредельных государствах не проявилось! Да и куда им...

Что ещё? Ах да, ещё подчинённая нам стрелецкая сотня под началом Фомы Еремеева город охраняет, и на рукавах у них наши милицейские шевроны. Серьёзные бородатые ребята, с пищалями и саблями, дисциплинированные, без фанатизма, но с перегибами. Это не страшно, хорошего от них всё равно больше.

И ещё у нас... этот... Митька. Митя Лобов. Кто знает (а кто его не знает?! – известен на всё Лукошкино. Рост за два метра, полтора в плечах, храбрости немереной, энтузиазм вообще разумных границ не знает, за любую работу берётся, фантазия неконтролируемая из всех щелей прёт, а

суммарная полезного мозга ближе к нулю.

Вообще-то мне иногда кажется, что он у него только костный и есть. Младший сотрудник нашего отделения. Регулярно его увольняю, но пока без толку, возвращается, зараза, прямо бумеранг какой-то...

И ведь при такой вот разношёрстной команде мы тем не менее как-то умудряемся работать. То есть обеспечиваем раскрываемость, проводим акции по профилактике преступлений, организуем охрану общественных мероприятий, встречу иностранных послов и дипломатических миссий. Впрочем, в последнем нас чаще царские стрельцы подменяют, а вот в предыдущих темах тут уж только мы стараемся как можем.

В профилактической работе с населением, конечно, не всё ещё гладко, но мы стараемся. Народ просто не привык к тому, что о нём заботятся, поэтому казусы имели место быть, и неоднократно. Вот разок задержали стрельцы на базаре малолетнего воришку, что делать?

– До четырнадцати лет ничего. Дайте ему воспитательный подзатыльник, и пусть идёт, делом займётся. Закон есть закон!

Я-то, как вы понимаете, только как лучше хотел. Думал, оценит малец. Ну он и оценил. По-своему, конечно, по-детски...

На следующий день ко мне стрельцы с докладом:

– Батюшка сыскной воевода, там у ворот толпа воришек собралась, мал мала меньше. Требуют, чтоб им сей же час по подзатыльнику выдали, да они пойдут, «делом» займутся. Возмущаются, торопят наших: дескать, закон есть закон! Украл, получил подзатыльник, свободен! Так уж они сразу, заранее хотят, так сказать, для профилактики...

Или вот ещё было. Выстроил я как-то дежурных стрельцов на небольшую лекцию о толерантности и терпимости. Ну, с иностранцами или представителями братских народов у нас проблем нет. В массе своей все ведут себя прилично, а если кому и приходится объяснять правила вежливости, то с этим стрельцы и без моих подсказок отлично справлялись. Чёрт же меня дёрнул за язык провести коротенький инструктаж по представителям сексуальных меньшинств. У меня стрельцы разбежались! Бросили пищали с бердышами и брызнули наутёк во все стороны! Мне потом их начальник Фома Еремеев вечером отчитывался:

– Нельзя ж так парней пугать! Они как услышали, что в Лукошкине... эти... твои... водятся, что сзаду к мужикам примериваются со своим аршином, но бить их за такие дела нельзя, а тока улыбаться вежливо... Теперича на службу выходить не хотят! Друг на дружку косятся, опасаются: ты ж сказал, что нормально сие и мода на то по всей Европе да у половины творческого люду. Кабы нас иконописцы не побили за такое на

них подозрение...

Так что вот, профилактика преступлений у нас ведётся, только не всегда на высоте и не часто с положительным результатом.

Ну и гражданское население к общественно полезной деятельности тоже привлекаем, как можем. Последнее, кстати, чревато – народ у нас в Лукошкине социально активный, им милиция до сих пор в диковинку, но руки чешутся, поэтому помогать нам лезут сами, вне зависимости – надо не надо, просили не просили, как-то вот так...

Помнится, вот буквально на той неделе поступили два заявления на конокрадов. Ну вроде как заезжие цыгане украли у кого-то кобылку, перекрасили из пегой в вороную, гриву накладную присобачили, хвост нарастили, а потом ещё и надули несчастную всем табором. Надули – это без кавычек, это через трубочку в задн... пардон, вставляют и дуют по очереди. Короче, лошадка вышла – загляденье: круглая, сытая, красивая, блестящая, словно праворульная иномарка!

Шоу в том, что эти пройдохи ту кобылу краденую её же хозяину сбыть попытались. А он свою скотину по глазам узнал, всплакнул у неё на шее да к людям с перемазанной чернилами рожей и обернулся. Двое особо впечатлительных цыган рухнули в обморок. Ещё одного с сердечным приступом отметелили на базаре. Так у нас два заявления и сохранились: первое о краже кобылы, второе о том, что цыган за побои претензий не имеет, вину осознал, впредь умнее будет. Я так понял, просто постарается не попадаться...

Что я сегодня расписался, а? Наверное, потому, что спать не хочу, хотя время уже давно за полночь. Вставать утром, с петухами. С петухом. В хорошем смысле этого слова. Я имею в виду традиционный деревенский будильник с перьями и гребешком. С первых побудок моей заветной мечтой стало увидеть его в супе или на сковороде. И хотя Яга пока против, мечтать не запретишь!

Отложив блокнот, я сбежал в сортир на заднем дворе, хотя бабка с регулярной настырной заботой ставила мне ночной горшок под кровать, вернулся, разделся, взял с подоконника большущее красное яблоко, не удержался и с хрустом откусил кусок. Мысль о том, что раньше у меня на подоконнике яблок никогда не было, пришла слишком поздно. Вроде после того, как упал на колени и на губах запузырилась пена...

Не имея возможности даже позвать на помощь от режущей боли в желудке, я каким-то чудом доковылял до лестницы и, кажется, грохнулся оттуда, пересчитывая каждую ступеньку. Потом всё кончилось. Наступила

темнота...

Больше ничего не помню. Обрывки...

Ночь. Жар. Ночь. И боль, боль, боль...

Чьё-то тёплое дыхание коснулось моей щеки.

– Никитушка-а-а, сокол ясный, – жалостливо пропел мне на ухо бабкин голос. – Да ты живой ли?

Я с трудом разлепил глаза. Судя по солнечному свету, бьющему из окна моей горницы, давно утро. Тогда почему меня не разбудил петух? Я опять закрыл глаза.

– Бабуль, да что ж вы его так допрашиваете? А то сами не слышали, как Никита Иванович с лестницы-то навернулся и весь мозг отшиб?! С ним сейчас нежно обращаться надобно, ровно с дитём малым...

– Ты ещё меня поучи!

– Ай-ай-ай, обидели лялечку. – Чья-то тяжеленная ладонь начала безжалостно гладить меня по затылку. – Лялечке бо-бо! Тьфу на лялечку красивую, чтоб не сглазили! Чур меня, чур!

– Уберите идиота с моей головы, или я за себя не отвечаю, – неуверенно ворочая языком, потребовал я, пытаюсь сесть.

Яга с Митькой в четыре руки вернули меня обратно в подушки.

– Живёхонек, – умилённо всплеснула руками бабка. – Говорила я тебе, Митенька, рано гробовщика звать. Теперь и заказ на кутью отменяй до кучи!

– А я ить ещё и стрельцам по чарке обещался, на помин души участкового...

– Вот, твердили ж неслуху: поспешишь – людей насмешишь. Не до смерти враги сысканого воеводу отравили, выкарабкается Никитушка наш, правда ить?!

Я почувствовал жгучее желание встать и со всеми разобраться. Встать мне опять никто не дал, но даже лёжа я отметил стоящий в углу горницы венок с надписью «От сотрульников» и занавешенное зеркало. Вот, значит, как, да-а:

– Митя! Бабуля! Кто-нибудь объяснит мне, что у вас тут происходит?!

– Дык похороны же... вроде... – честно потупились оба.

– Угу. Нормально. И кого хороним?

– Тебя, касатик.

– Ещё раз угу. А с чего это вдруг, позвольте заметить?

Баба-яга чинно поправила чёрный платочек, жестом заткнула моего младшего напарника с комментариями и как можно подробнее осветила

мне всю ситуацию от моего падения с лестницы до сегодняшнего пробуждения.

Во-первых, прошло два дня.

– Что-о-о?!!

– Митенька, прижми сыскного воеводу хоть вон подушкой, чтоб не подсакивал. Да не на лицо подушку, на грудь, горе ты наше луковое! Так вот бишь, на чём я остановилась-то...

В общем, как я её понял, ровно два дня назад какая-то наиподлейшая скотина типа ниндзя ловко проникла на территорию отделения, охраняемую, кстати, стрельцами Еремеева, коим бабка фитиль уже вставила. Так вот, в результате данного проникновения на подоконнике в моей комнате было оставлено яблочко наливное. А налито оно было быстродействующим нервнопаралитическим ядом. По-местному называется «карачунов корень». И то, что я как-то сумел добраться до лестницы, – почти чудо...

На грохот моего упавшего тела прибежали квартирующие здесь же сотрудники нашего отделения – Баба-яга, в нижней рубашке, с ухватом наперевес, и Митя, в исподнем, но с топором! Поняв, что бить некого, они дружно кинулись меня спасать и... Фанфары! У них получилось!

Бабка напоила меня, бессознательного, рвотным, а верный Митяй жал мне на живот до тех пор, пока последнее яблочное пюре не вышло наружу. Однако, несмотря ни на что, в чувство я так и не пришёл, зато бледнел не по дням, а по часам. Это чисто местное выражение, в наших милицейских протоколах редко употребляемое. Ну, короче, они предпочли обо всём позаботиться заранее: причащение, отпевание, гробовщик, козырное место на кладбище, оповещение печальной вестью всех заинтересованных лиц.

Э-э... не в смысле заинтересованных в моей смерти! Но вы меня поняли, да?

– Царь в курсе?

– А то, сокол ты наш! Горох уж, поди, первым соболезнования прислал и на крест каменный из казны отсыпать обещался.

– Деньги пришли? – зачем-то уточнил я.

– Ну-у, – неуверенно замялась Яга. – Ежели по совести говоря, то час назад гонец под роспись доставил.

– Сколько?

– Пятьдесят рублей золотом! Не пожадничал государь за-ради любимого участкового.

– Кто ещё денег дал? – продолжал дожимать я.

Как оказалось, дали многие. Кнут Гамсунович от лица всей Немецкой

слободы прислал сто пятьдесят рейхмарок и венки с готической надписью по-немецки. Текст нуждался в переводе, но всё равно очень красиво. Боярская дума отправила аж шесть венков и два ведра самогона на упокой. Армянская диаспора послала двенадцать рублей мелкими деньгами и две свежие гвоздики. Общеизвестный ростовщик-гробовщик Шмулинсон сделал скидку в десять процентов, пообещав обить гроб не чёрным, а серым, в цвет милицейского мундира. Дьяк Филимон Груздев на словах передал фигу и пообещал сплясать у меня на могиле в максимально нетрезвом состоянии, потому как уже ничего ему за это не будет.

Вроде всё. Ах да, ещё тётка Матрёна пообещала прислать бочонок кислой капусты, но, узнав, что получателем будет наш Митя, отказалась...

– Приказываю отпустить начальника отделения, – взвесив все «за» и «против», предложил я.

Мои сотрудники, подумав, убрали руки и отвалили в стороны.

– Бабуль, деньги придержите. Нам ведь есть на что потратить похоронные, правда?

– Дык, а как же, милоч?! – всплеснула сухонькими ладошками Яга. – Кобылу рыжую подковать, на телеге два колеса менять надобно, в бане крыша течёт, а поруб мне вообще преступники да всякие задержанные до выяснения так загадили, что хоть не заходи! На пол плюют, ироды, и срамоту всякую на стенах гвоздём пишут...

– Отлично, – согласился я. – Есть повод произвести капитальный ремонт отделения. Или хватит только на косметический?

– Ещё купцы прислать обещались, – старательно припомнил Митька, хлопнув себя по лбу. – Вроде как три свечи пудовые, пчелиного воска, на меду. А ещё три мешка соли заказать. Ну чтоб могилку от души посыпать. Любят они вас, Никита Иванович...

Ага, после наших милицейских рейдов на предмет обмера, обвеса и ненадлежащего качества обслуживания покупателей меня так всё купечество «любит», что представить страшно. Однако три мешка соли – это тоже деньги, а деньги лишними не бывают.

– Ты бы, Никитушка, поумирал ещё чуток, хоть до вечера? Мы бы, глядишь, и забор под энто дело обновили...

– Не могу, бабуля, меня царь ждёт.

– Дак он тебя позавчерась ждал. А ноне-то уж что... Уже свершилось всё.

– Что свершилось? – не понял я.

– Сестра евонная, двоюродная, Марьяна-царевна из монастыря прибыла. Жениха себе хочет. Так что опоздал ты, Никитушка, к государю с

советом прибыть. Ныне сам Горох выкручиваться будет без помощи родной милиции...

– Стоп! – Я резко сел. Митяй сунулся было второй раз давить подушкой, но я выкрутил ему мизинец, и наш богатырь обмяк. – А зачем государь хотел меня видеть? И при чём тут его двоюродная сестра?

Бабка с Митькой выразительно переглянулись и дружно покраснели. Я что-то не то и не так спросил?

– Ну энто с какого боку заглянуть, Никитушка. Может, тебе, сокол ясный, и впрямь покуда в отделении полежать. Ты бы дал девке время подуспокоиться чуток, а то, не ровён час, надорвёт сердечко невинное буйными рыданиями-то...

Я окончательно потерял нить логики, потому что так они меня ещё ни разу не запутывали. С какого бодуна надобно быть царской родственнице, чтобы рыдать по какому-то там сыскному воеводе, которого она вообще ни разу в глаза не видела?! Если только не...

– Горох что, опять хотел меня женить? – прозрел я.

– Да ты у нас ясновидящий, что ль, Никитушка? – восхищённо всплеснула руками Баба-яга, а наш младший сотрудник поднял вверх большой палец.

– Митя, не ноги.

– Чегось?

– Большой палец руки поднимать надо, – напомнил я, и он послушно сунул босую ступню обратно в сапог, а правую руку вскинул в красноречивом жесте римских императоров над гладиаторской ареной Колизея. Это тоже я научил, но ладно...

В дверь постучали стрельцы. Не как обычно, громко и настырно, а эдак тихо, скорбно и с пониманием. Наш младший сотрудник на минуточку выбежал во двор и почти сразу же вернулся, сияя, как царский пятак.

– Шмулинсон гроб привёз! Кра-си-ы-вый!

– Ить вот еврей, а за-ради похорон родной милиции расстарался и скидку сделал, – вытирая сентиментальную слезу, улыбнулась бабка. – Ну давай тащи, поглядим хоть, чего он там нахудожничал...

– Эй, а ничего, что я вообще-то ещё живой?!!

– Да тю на вас, Никита Иванович! Нешто за-ради таких мелочей нам работу Шмулинсонову оплаченную взад возвращать прикажете? А ну как он во второй раз не так расстарается да и, поди, денег заломит? Под гарантию, чё вы и впрямь без обману дуба дали...

– Бабуль, – взглядом попросил я.

Яга мигом отвесила Митяю воспитательный подзатыльник и елейно

обернулась ко мне:

– Дак мы его в горницу пущать и не станем. Тока гроб занесём. Ты уж не прогневайся, а?..

В этот момент кто-то деликатнейше поскрёбся в дверь и прокашлялся. Если, конечно, вы можете представить грассирующий кашель с местечковым акцентом...

– Шмулинсон?! – в ужасе переглянулись мы.

Яга сориентировалась быстрее всех, одним махом выдрала из-под меня мятую простыню да меня же той простынёй и накрыла. С головы до пят, как положено. Подскачивший Митька сорвал со стены тяжеленную икону и бухнул её мне на грудь, так что я чуть не застонал от боли, а сам встал в стороночке с самым скорбным выражением лица. Моя домохозяйка ещё раз поправила простыню, чтоб я не подсматривал, и смиренно, опустив очи долу, отворила дверь.

– Заходите, Абрам Моисеевич...

– Таки здравствуйте всем, ой вей, какое горе, такой молодой, мог бы жить и жить, все его любили, но что делать, он там, а мы тут, ай-ай-ай, я плакал, моя жена плакала, даже дети, ви их знаете, такие шалопаи, шоб они жили сто лет, и те плакали! – на одной ноте зачастил наш популярный гробовщик-ростовщик-осведомитель, осторожно шагнув в комнату.

– Гроб-то доставил? – печальным голосом, но деловым тоном уточнила Баба-яга.

– Оно уже в сенях! Серый бархат, обивка с люрексом, ни одного гвоздика не торчит, ароматизация лавандой и шалфеем – ваши стрелыцки таки умиляются до слёз и хотят себе такой же! Я честно сказал Фоме Еремееву, шо за оптовый заказ на всю стрелецкую сотню может быть хорошая скидка, но он меня не услышал. У него тоже горе, смерть любимого начальника, я всё понимаю, но гешефт есть гешефт. Таки, может, вы ему повторите вслух на предмет скидки? Мы могли бы с вами иметь с того неплохой процент...

– Митенька, – едва вклинилась бедная бабка, – отдай ты болтуну энтому иудейскому его сребреники и проводи до ворот, а то у меня уже уши закладывает...

Раздался звук долго пересчитываемой мелочи.

– Нет-нет, гривенничек оставьте себе! Оставьте, оставьте, у меня тоже есть сердце и даже совесть, а у вас такие траты, шо упаси Господь! Тем более я таки намерен прийти на поминки всем семейством, и дети уже со вчерашнего вечера ничего не кушают. Так шо насчёт скидки...

– Митя, проводи!

Судя по кратковременным звукам борьбы, Абрам Моисеевич упирался изо всех сил, но с моим младшим сотрудником едва ли могли бы справиться все силы Сиона. Ну, с последним я, возможно, переборщил. Хотя как знать, в рукопашных боях против превосходящих сил шамаханов, разбойников или даже самого Кощея Кирдыкбабаевича Бессмертного он очень неплохо себя зарекомендовал.

– Вставать можно?

– Можно, но осторожно, касатик, – тихо ответила глава экспертного отдела, шагнув к окошку. – Кажись, к нам ещё гости нежданные пожаловали.

– Кто это, интересно? – приподнялся я, глянул одним глазком и сам сунулся под простынку. Вот только этого счастья мне ещё не доставало...

Во дворе отделения медленно сползал с могучего коня дородный боярин Бодров, мой главный враг по думской фракции. Это шутка. На самом деле он не главный враг, потому что вся боярская дума меня на дух не принимает. Просто гражданин Бодров у них главный по возрасту, богатству и именитости рода. А вот по уровню развития мозга лично я бы ему и управление курятником не доверил, не то что в думе законотворчеством заниматься...

– Никитушка, ты уж лежи ещё минуточку, дай честному боярству от смерти сыскного воеводы удовольствие огрести. Мы им потом сюрприз устроим...

– Бабуль, вы только побыстрее их отсюда выпроводите, пожалуйста, а?

Ответить Яга не успела, потому что в дверь ввалился грузный боярин Бодров. Судя по агрессивному перегару, которым можно было насмерть травить даже не убиваемых тапкой тараканов, мои похороны этот тип начал праздновать ещё вчера...

– Здорова была, хозяйюшка, – вежливо прогудел он, потому как за невежливость Баба-яга карала строго. – Слыхали... ик, горе у вас? Сыскной воевода... ик!.. да вроде как богу душу отдал?

– Да тебе-то что с того...

– Как что?! Я ить... ик!.. удостовериться пришёл. Всея думой боярской... ик!.. направлен с соболезнованиями... – Он, тяжело переваливаясь, подошёл ко мне, встал рядом, видимо присматриваясь.

Я затаил дыхание. Да я и так от его амбре дышал через раз...

– И впрямь... ик!.. опочил участковый. Панихиду-то в каком... ик!.. храме заказали?

– Тем отец Кондрат озабочен. – Бабка решительно отодвинула нехилого боярина в сторону, и я осторожно выдохнул.

– Соб... ик!.. соболезную-у... – Судя по трём глухим ударам и одному звонкому, Бодров от души перекрестился. – Свечу пудовую жертвую-у... ик! И от всей думы камень могильный, пудов на шесть! Чтоб уж... наверняка... Прощевай, хозяйюшка, пой... ик!.. ду ужо. Ждут меня в кабаке, помянем... ик!.. безвременно усопшего... ик! Праздник-то како... тьфу ты! Горе, горе, говорю... ик!.. какое, а?!

Уходил он танцующей походкой, едва ли не вприсядку, шепча: «Всё ж таки есть Бог, есть!» А во дворе отделения ещё и счастливо обнялся с двумя сотоварищами, облобызал обоих в щёки, и вся троица, заломив высокие боярские шапки набекрень, пошла за ворота обмывать скорбное событие.

– Кто ещё в курсе, что я помер?

– Дык, Никита Иванович, – радостно открыл рот доселе молчавший Митя, – почитай весь город рыдает! Простой люд на базаре волосы рвёт, торговля встала, бабы воют, мужички виноватого ищут, на царский терем кулаками грозят...

– А царь-то им чем не угодил?

– А не пособлезновал прилюдно!

– Так, – обернулся я к Яге, быстро сложив в уме дважды два. – То есть Горох-то на самом деле знает, что я живой?

– Государю врать не осмелилась, – скромно потупилась наша домохозяйка. – Был он тут около тебя вчера. Велел мне про выздоровление твоё помалкивать.

– Уже спасибо. Но это не помешало вам взять с него деньги?

– А он зато с меня слово взял крепкое, ежели оклемается участковый, так чтоб в сей же миг к нему прибыл!

– Вот прямо сейчас, да? – криво улыбнулся я, вставая с Митькиной помощью. – Что ж там у него такого сверхсрочного? Ну исключая его брачные фантазии обо мне и царевне...

Яга развела руками. Думаю, на тот момент она и сама не знала, на что мы подписываемся, отправляясь по очередному царскому вызову. С другой стороны, если б и знала, что бы это изменило? Отказались бы мы, что ли?! Нет, нам в помощи никому отказывать нельзя, мы – первое и единственное отделение милиции на всё Лукошкино. Да и на всё наше царство-государство в целом другой милиции, увы, нет...

– Митяй, запрягай телегу. Опергруппа, на выезд! – громко приказал я, закашлялся и ничком рухнул обратно в подушки. Голова ещё кружилась, и ноги были как ватные.

Ох, мать моя прокуратура, чем же меня тут так траванули-то, а?!

– Никитушка, – сразу кинулась ко мне бабка, – ты тока не спеши, ты

сейчас ровно зайчонок новорождённый – ни сил, ни умишка. Ну да мы сейчас это дело живо поправим...

Как понимаете, дальше всё было словно в сказке. Яга только хлопнула в ладоши, как в горницу вбежал счастливый Фома Еремеев, обнял меня, не скрывая слёз, и доложил, что баня истоплена. Митя на руках унёс меня в нашу маленькую баньку, вымыл, выпарил, отхлестал веником, отпоил квасом, передел в чистое бельё и так же на руках вернул в дом. В горнице уже был накрыт стол. Самый скромный, больничный, видимо, есть сразу много и всякого мне было нельзя.

– Вот, Никитушка, бульончик куриный с сухариками пшеничными. Вот кашка овсяная на воде, тоже желудку весьма полезительная. Вот и чаёк слабенький, медку немного, ну и наливочки глоток... Она непростая, она на сорока травах настоящая, в ней сила великая бродит, она и мёртвого из гробу поднимет!

Ну что тут скажешь? Меня с её наливки едва опять навзничь не уложило, алкоголь же всё-таки. Поэтому я весьма смутно помню, как меня одели в мою милицейскую форму, вывели во двор, уложили на солому в телегу и засыпали сверху ароматным сеном. В ногах у меня угнездилась Баба-яга, младший напарник взялся за вожжи, и рыжая кобыла тряской рысью повезла всю нашу слаженную опергруппу через весь город на царский двор.

Еремеев хотел было послать с нами десяток стрельцов в охрану, но бабка отговорила. Типа подозрительно, что её одну столько мужиков в форме охраняют, да и рожи у наших слишком уж счастливые. Пущай уж лучше в отделении друг на дружку лыбятся, а ей надобно вплоть до Гороховых палат скорбное выражение лица пронести, как траурный платочек, и не забывать слезу горячую на дорогу пыльную смахивать...

– Выйду я на улицу, гляну на село, девки гуляют, и мне... развлечение, – со всей дури, во всю глотку завёл было Митя, но, получив от Яги клюкой по затылку, опомнился: – Извела-а меня-а кручина, подколотная-а змея-а...

На последних двух словах он сделал заметный акцент, за что словил и во второй раз.

Телега свернула к базару, и я, лёжа в духмяном сене, с тихим удовольствием прислушивался к громким стонам общенародной скорби.

– Какого человека не уберегли, а? Не защитили, не спасли от беды неминуемой... Эх, да что мы за люди после этого?! Пошли, что ль, выпьем?! А то уж и поджечь хоть что-нибудь хочется или поломать, от широты души...

– А я ить говорил, что милиция энта не от Бога! Когда, значится, полотенцем жена меня била, так ей ништо, а как я её оглоблей, так мне, значится, пятнадцать суток, да?

Далее последовал звук глухого удара, вроде как если на чью-то пустую голову опустили мешок с песком. Критика в адрес милиции прекратилась одномоментно.

– Ой, и прости ж ты нас грешны-ых! Ой, и не слушай мужика моего-о! Ой, он как выпьет, так дурной, чего только про родную жену не навывдумывае-эт! Ой, и не била ж я его, чё ж у меня, совести нет? Так, придушила слегка полотенчиком...

– Охолонись, бабы неразумные! Ишь развылись, как на похоронах, а ить ещё и не вынос. Успеете потом наголоситься, дуры мокрохвостые! Дайте и мужику грубую слезу пустить. Ой-й, и на кого ж ты нас покинул, Ива-а-ны-ы-ыч...

Наш народ, российский. Ничего за века не меняется. Я почувствовал, что краснею даже под слоем сена. Что тут будет, когда из отделения появится официальная информация о том, что я жив-здоров, даже подумать страшно. Лукошкинцы либо весь город разнесут от радости, либо меня раздавят от избытка чувств. Обе перспективы выглядели вполне логичными, а потому не радовали. Но хуже всего оказалось другое...

– Бабуленька экспертизная, не откажись принять окорочок копчёный за упокой души раба божьего участкового!

Мне в ноги рухнуло что-то тяжёлое. То есть окорочок отнюдь не куриный. Скорее какой-то свинье крупно не поздоровилось.

– Спасибо на добром слове, – со слезой в голосе отозвалась Яга. – Ужо я-то небось той доброты вовек не забуду. Бог даст, сочтёмся...

После этой многозначительной фразы повисло кратковременное молчание. Минуты на полторы, не больше. Как раз чтобы все значимо осознали, кто заменит меня, «усопшего», на посту сыскного воеводы. Ну не Митька же?!

И вот тогда началось...

– А вот от нас прими ситцу василькового, весёленького, за упокой!

– И от нашей лавки гвоздей полпуда малых да подкову чугунную, подарочную, на стену! Тащи подкову, парни, мне одному не поднять...

– Требуха, требуха свежая, возьми, бабушка, не прогневайся! Небось уважал покойный требуху-то... А нет, так собакам скормите!

– Медку царского, хоть напёрсточек отведайте! Чтоб и участковому за гробовой доской жизнь такой же сладкой показалась, на все сорок два градуса-а!

В общем, не буду никого утомлять, но, когда перегруженная телега кое-как доволочилась до царского двора, лично я уже едва дышал под подарками. Митя ещё с полпути слез, передал поводья бабке и помогал нашей кобыле, толкая телегу сзади. Сама лошадь уже не справлялась...

Бабка, «пригубившая» по пути хмельной мёд, пиво, квас, настойку на берёзовых бруньках, самогонку и всего того, что у нас тут наливают под «ну, земля ему пухом!», очень нетвёрдо держалась на ногах. Тем более что левая, «костяная», у неё вечно ныла к непогоде. Я высвободил себе дырку в соломе, свистом подзывая нашу бессменную главу экспертного отдела, но Яга даже не подошла.

– погоди, Никитушк...ка, не до тебя щас, сокол яс...ный. Ох и мутит же меня, грешн...ную...

– Митька-а! Вытащи меня, – переключился я, но и тут облом.

– Ни-ки-та... Ива-но-вич... Уф! Дайте ж хоть дух... перевести... Я, ка-жи-сь... спину потянул... мама-а... – Мой младший сотрудник рухнул мачтовой сосной у переднего колеса телеги. К рыжей кобыле обращаться тоже смысла не имело, бедняжка и так едва держалась на ногах.

А тут ещё чёрт принёс дьяка. Поверьте, его всегда черти носят, а не кто другой. Груздев Филимон Митрофанович – тощий, скандальный думский подпевала, вернейший и преданнейший враг всего нашего отделения.

– Это чёй-то, а? Это ктой-то тут на ногах не стоит, лыка не вяжет? А-а, да ить энто опергруппа безбожная зенки бесстыжие залила да и на царский двор за опохмелкой сунулась...

Ответом послужил хоровой стон Митьки, Яги, кобылы и меня, которому проклятая чугунная подкова окончательно отдала ногу. По счастью, на мой голос дьяк внимания не обратил, ибо резко опомнился.

– А вот энто что, во телеге? Нешто совесть у милиции проснулась и вы в первый раз к царю-батюшке с подарками заявились? Вот за то хвалю, вот энто правильно! Однако же тут каждый подарок описи требует, взвешивания и оценки. Подайте тележеньку вон туда, за забор, от стрелецких глаз подальше, там и поделимся... тьфу ты, дела наши грешные, то исть взвесимся!

– Митя, – тихо попросила Яга, – ты вон ту подковку передай Филимону Митрофановичу, пуцай взвесит...

Шум, богатырский взмах, хруст костей, падение тела – и, как я понимаю, хитрозадый дьяк лежит в пыли, с двухпудовым чугунным изделием на воробыиной груди, смешно дёргая лапками.

– Пропустить ко мне родную опергруппу! – громогласно приказал Горох откуда-то сверху. – А ты, добрый молодец милицейский, сенца с

собой захвати. Да поболее!

Столь странному приказу Гороха никто особенно не удивился, государь у нас известен своими закидонами. Все привыкли, никто не дёргается, да и смысл? Ну, бывает, на каторгу пошлёт, – конечно, как без этого? Однако голов по праздникам не рубят, и ни одной виселицы я за всю свою службу не видел. Да и не то чтоб царь у нас слишком добренький был, а просто после того, как он догадался ввести милицейскую службу по охране закона и правопорядка, многое изменилось в положительную сторону. Не идеал, идеальных государственных систем вообще в природе не бывает, но власть хотя бы стала с нами советоваться и прислушиваться.

«Не сразу, не всё, не всегда, но в целом прогресс есть – теперь без милиции в Лукошкине ничего не решается. Ни суда, ни делопроизводства, ни казней! Это, несомненно, плюс», – думал я, пока Митя на руках нёс копну сена с моей светлостью в государевы апартаменты. Яга торопливо семенила следом.

Царские стрельцы демонстративно закатывали глаза. Хоть мы с ними никак не пересекаемся (куда уж нам, простой милиции, до их благородий?!), но в целом парни относились ко мне вполне лояльно. Сколько себя помню, ни разу не было случая, чтоб наши стрельцы с царскими схлестнулись, тьфу-тьфу, не сглазить. Вроде как два разных ведомства, но от служебных недоразумений удерживаемся покуда...

– Жив? – Горох пропустил нашу троицу в свои покои и самолично выкопал меня из сена. – Жив, хороняка! Ох и напугал ты меня, Никита Иванович... Ещё раз попробуешь так помереть, я ж за тобой следом от сердечного приступа в ящик сыграю!

Государь от всей души обнял меня, троекратно, по-русски, расцеловав в обе щеки, и осторожно усадил на лавку.

– Может, попотчевать чем? Пряники есть, тульские медовые печатные, хошь рыбкой, а хошь котиком! Наливка малиновая, полезная, а ежели нервы винтом, так и на боярышнике пара стопочек сыщется...

– Мне пряник! – первым поднял руку доверчивый Митяй и в ту же минуту был безапелляционно выдворен за дверь. Бдить на всякий случай! Но, разумеется, с пряником! Царь у нас умный, знает, как любое наказание превратить в поощрение...

– Ты уж не серчай, Никита Иванович, а только разговор у нас серьёзный будет. Не для твоего балабола ушей.

– Может, и мне выйтить? – скромненько потупила очи Баба-яга.

– Да как же мы без вас-то, бабушка?! – в непритворном ужасе

всплеснул руками Горох. – Тут ить дело тонкое, семейное, души нежной девичьей касаемое. Без вашего женского пригляду в такой ситуации никак нельзя!

– Давайте уж по существу, гражданин царь, – тихо, но твёрдо потребовал я. – В чём, собственно, суть вопроса?

– Рассказываю как на духу, – честно перекрестился Горох. – Сестра у меня есть двоюродная, до зрелых лет в нарофоминском монастыре проживавшая, а ныне...

Далее пуцу дело по короткому милицейскому протоколу, потому что если всё воспроизводить дословно, прямым текстом, как нам царь-батюшка рассказывал, то никакой бумаги не хватит. Короче, перехожу к сжатой и выверенной информации.

Дочь двоюродной сестры мамы нашего Гороха (то есть ему-то она уже троюродная сестра получается), милейшая девица Марьянка, после смерти родителей до осознания себя в совершеннолетнем возрасте воспитывалась в монастыре. Попала туда ещё совсем крохой, лет пяти, и по причине большущих глаз и длиннющих ресниц сразу угодила под личную опеку матери настоятельницы. А та хоть и держала весь монастырь в ежовых рукавицах за... эти самые (тьфу, о чём это я?!), в общем, сама матушка молодость провела бурную и в келье сохранила немало французских романов. Да-да, тех самых, о любви, естественно! Всякие там, знаете ли, рыцари короля Артура, Лоэнгрины, Роланды с разбитыми рогами... или одним рогом?

Ну, суть не в этом, а в том, что малолетняя мартышка царской крови уже к девяти годам свободно говорила, читала и писала на трёх европейских языках! Соответственно, когда государю пришло письмишко, что девушка созрела, то он, не задумываясь, вызвал её в столицу, изображая доброго старшего брата. Причём, зная нашего Гороха, я охотно поверю, что он был искренен и от всей души желал дальней сестрице счастья в личной жизни. Просто бедняга никак не ожидал, что взгляды на это «счастье» у них настолько разные. Ну приблизительно как Сочи и Нижневартовск, как-то так...

Мадемуазель Марьяна (именно мадемуазель, ибо образ традиционно русской девицы для неё уже не прокатывал) честно обозначила все свои взгляды на грядущее замужество в первый же день приезда. И мать моя юриспруденция, если они не были запредельно нереальными...

– Требует с каждого знания шести иностранных языков! – явно нервничая, загибал пальцы царь. – Обширное королевство с работающим и любящим народом, выходом к морю, золотой горой, серебряной или

медной. Никаких родственников, но благородное, желательно волшебное, происхождение! Да и чтоб белый конь был, а сам рыцарь – золотоволос, учтив, начитан и чтоб своего же коня одной рукой поднимал! Не, ну она просто издевается, да?!

– Угу, – не сговариваясь, поддакнули мы с Ягой, поскольку именно так оно и было.

– А я ить, честно говоря, думал тебя, Никита Иванович, до неё пристроить. Был бы ты государев зять, ни одна дума боярская на тебя б хвост пушить не посмела. Да вдруг ты отравился не вовремя...

– По-моему, так очень даже вовремя, – пробормотал я, стуча себя кулаком в грудь.

Перспектива иметь рядом столь начитанную и, главное, требовательную супругу венценосных кровей не прельщала ни на миллиметр. Ну его, институт брака, к лешему, мне пока и так не очень хорошо, мутит, как котёнка. Куда уж и дальше ещё самому себе жизнь портить...

– Э-э, прошу прощения, ваше величество, но тогда мне неясно, зачем мы вам тут вообще понадобились? Милиция насильно никого замуж не выдаёт и психологической консультацией по матримониальным вопросам не занимается. Это ж не уголовщина какая-нибудь...

– Да тут, понимаешь, с какого боку посмотреть, – вновь грустно вздохнул царь. – Тут, вишь, у нас ещё и женишки вдруг объявились.

– Ну так и слава богу! Выдавайте девицу.

– Так-то оно так, я не против, да ведь за ней полцарства отпиливать придётся, а энто уже серьёзная геополитика.

Я хотел было хихикнуть, но, подумав, захлопнул рот. О таком перспективном развитии событий меня почему-то не предупреждали. Хотя по идее почти во всех сказках в приданое царевне отдаётся полцарства, но я, честно говоря, почему-то думал, что это чисто литературное выражение. Однако вот она, прямо тут, патовая ситуация, потому что из-за брачных женских капризов резать целую страну по живому никак нельзя! Но надо...

– Хорошо, давайте по порядку. Кто у нас женихи?

Оказалось, что претендентов на данный момент всего трое. Классика, конечно, лично я почему-то думал, что их будет куда больше. Ну там хотя бы штук десять – пятнадцать. Оказалось всё и проще, и сложнее: перед тем как просить руки царевны, требуется предоставить ряд определённых документов и соблюсти кучу обязательных условий.

Во-первых, титул претендента никак не ниже чем принц, царевич, королевич. Во-вторых, возраст не моложе шести и не старше восьмидесяти.

Люфт приличный, однако тут же вклинивалось обязательное требование по знанию русского языка. Не экзамен по правописанию, но всё-таки на бытовом разговорном уровне знать должен. Да, плюс ещё серьёзные требования религиозного характера. Жениху было бы желательно иметь православную веру либо католическую, в самом крайнем случае мусульманское вероисповедание, но уж никак не индуизм, буддизм или, ещё того хлеще, иудаизм! Ну и ещё желательно, чтобы свадьба была не односторонним актом передачи юной девы из одного государства в другое, а ещё и неким политическим актом, с далеко идущими добрососедскими отношениями, совместными военными действиями и серьёзными льготами в торговле...

– Первый претендент с Таллинауса, младший сынок ихнего королька Клауса. В рифму сказал, да? Фон Паулюсус вроде. Весь из себя европейский рыцарь в дедовских латах. Второй только-только с гор спустился, грузинский царевич Сосо Павлиношвили, с кинжалом до колен. А третий – средний сын Бухатур-хана из Крымских степей, молодой Бельдым-бек, – торопливо пояснял Горох. – Их всех на постоялом дворе поселили, чтоб у терема царского лишнее время не тёрлись. Ну и с моих гневливых глаз, от греха подалее...

– Понял. – Я быстренько сделал очередную пометку в блокнот. – И всё равно получается, что вопрос выдачи замуж вашей милой сестры относится скорее к ведомству боярской думы, но уж никак не к милиции. Состав преступления нет.

– Щас будет! – Горячий Горох резво вскочил со скамьи и бросился к дверям. – Марьянку сюда! Сей же час поставить предо мной сестру мою двоюродно любимую!

Я поднял на него недоумевающий взгляд. Бабка тоже мало что поняла...

– Вот щас она при вас про свои пожелания к женитьбе петъ начнёт, а я её прибью, ибо нервы не железные, и вот те на состав преступления!

Мы с Ягой попробовали было протестовать, но государь, как говорится, уже закусил удила и пёр на танки грудью в рваной тельняшке и с нездоровым блеском в глазах. Вот благодаря такой породе русских людей мы и победили Гитлера...

– По рюмочке наливки не желаете ли, покуда ждём?

– Мы на работе.

– А ежели сам царь угощает? – привычно выгнул бровь соболиную Горох, но на нас оно давно не действовало. Да и ждать, честно говоря, пришлось недолго.

С чего-то жутко вежливый Митя, предварительно постучав, распахнул дверь, впустив в горницу рыжеволосую копию классической Настеньки из «Морозко». Царевна Марьяна, чинно шурша подолами, поклонилась сначала царю, потом Бабе-яге, потом мне, а моего младшего сотрудника опять вытолкали за дверь. Пряник со стола он успел цапнуть сам и без спросу. Мы же лицом к лицу встали с новой проблемой нашего государя...

– Здравствуйте. Садитесь. Представьтесь, пожалуйста, – буднично попросил я.

Царевна даже не повернула в мою сторону чуть вздёрнутый носик, полностью игнорируя вопрос. И почему мне кажется, что всё это уже где-то было...

– Отвечать, когда тебя сам участковый спрашивает! – рявкнул Горох, хлопая по столу ладонью.

От неожиданности подпрыгнули все, даже стрельцы за дверями. Но не царевна!

– И как же мне представиться? – холодно уточнила она. – Нешто я уже преступница какая или грех за мной смертный, что меня без суда да следствия в Сибирь на каторгу шлют?!

– Марьянка, не начинай...

– Нешто я не царского роду, что простой холоп в погонах, без чину, без звания, без роду-племени, мне допрос чинит? И ладно б ещё был красавец писанный, что ты мне на его счёт намёки всякие делал. Кому угодно готов сестрицу с рук сбыть...

– Марьянка, уймись, богом прошу... – скрипнув зубом, во второй раз попытался влезть Горох, но я остановил его.

Знаете, таких экзальтированных девиц мне в Москве столько насмотреться пришлось, что уже ничем не удивишь. Будут орать, ныть, оскорблять, цепляться к мелочам, требовать семейного адвоката, грозить звонками папе, рвать на себе колготки, пытаться курить в отделении, материться, плакать, угрожать, но на самом деле – пшик... Пустышка беспомощная и закомплексованная.

– Гражданка Марьяна...

– Рюриковна, – подсказал царь.

– Рюриковна, – с нажимом записал я. – Пожалуйста, сядьте. Никто ни в чём вас не обвиняет. Ни на какую каторгу вы не пойдёте, не надо портить людям законный отдых в Сибири. Мы просто хотели поговорить о вашем предстоящем замужестве. И поскольку...

– А-а-а-а-а!!! – Без малейшего предупреждения и хоть какой-нибудь логики царевна запрокинула голову в кокошнике и ударилась в

неконтролируемый слезоразлив.

– Начинаются дни золотые-е... – дружно вздохнули мы.

Царь ещё раз молча подмигнул в сторону заветного шкафчика, я подумал и согласился. Моя домохозяйка отрицательно покачала головой, честно терпела минут пять, а потом встала и закатила девице такую оплеуху, что та едва удержалась на ногах! Каких усилий стоило нам с царём не заплодировать, кто бы знал...

– У? – спросила девица Марьяна, мгновенно прекращая рёв.

– Угу, – дополнила бабка. – Ты чего орёшь-то как оглашенная?

– Замуж хочу.

– Дура, – чётко определила Яга. – Ты на меня глянь, я по жизни стольким мужикам головы крутила, что со счёту сбилась. Но замуж свободу свою девичью никогда не продавала. Так что давай, девка, не мути, говори правду! А не то...

– Заарестуете, что ли? – недоверчиво шмыгнула носом царевна.

– Факт, и к гадалке не ходи!

Марьянка исподлобья глянула на нас с царём, подумала и со вздохом перешла к конструктивному диалогу. Детально пересказывать всё, о чём они там с Бабой-ягой болтали, у меня ни сил, ни терпения не хватит. А вы сами пробовали хоть когда-нибудь законспектировать разговор вашей тёщи из деревни с курящей девушкой из соседнего подъезда? Это ж одних выяснений отношений на полтора часа, если без драки. Вот и мы с государем не вмешивались...

В общем, вкратце выходило, что девица замуж пойти очень даже не против, но категорически отказывается быть разменной монетой в политических играх венценосного брата.

– Хочу сама себе суженого выбирать! А чего?! Вон в их цивилизованной Европе эпохи Возрождения все так делают! Чем я хуже ихней Гвинеvры, или Брунгильды, или королевны Либуше с Джульеттой да Дездемоной?

Я бы, конечно, сказал чем, но сдержался ради Гороха. Он-то мужик правильный, чего ему за девичьи бредни лишний раз извиняться. Раз милашке уже восемнадцать стукнуло, значит, девица вполне дееспособна и может по полной отвечать за свои поступки. Тем более что и в рекламируемой ею Европе со свободой женщин тоже всё было далеко не так гладко, но сама суть претензий вскрылась в следующем...

– Почему у них рыцарский турнир в честь Прекрасной Дамы, а у нас шиш с маслом и полцарства в придачу?! А может, я с той половиной сбегу от жениха постылого? Может, я ему стекла толчёного в варенье подсыплю?

Может, после брачной ночи напою да подушкой придуш... Ой, чегой-то я сразу все тайны выбалтываю?

– Продолжайте, продолжайте, мне очень интересно, – попросил я, делая очередные пометки в блокноте, но Марьяна опять ушла в глухую отказку.

– Да я ж уже все её претензии глупые наизусть знаю! Хошь, по памяти повторю?! – вскочил было покрасневший Горох, но я, похлопав царя по плечу, вежливо попросил удержаться от скоропалительных выводов и всё же выслушать оппонентку. Хотя нам с Ягой общий диагноз был совершенно ясен – романтикус передоз, причём в критической форме.

Царевна открыла было ротик, но...

– Пусти, ирод милицейский! Мне, может, к царю шибко надобно! – раздался за дверями визгливый голос дьяка Филимона. – Да, вот представь ты, блин, по делу! А по какому, тебе не скажу! Пусти, барбос блохастый, ить тебе же хуже будет...

Судя по шуму борьбы, деятельного дьяка удерживал не только наш Митька, но и четверо стрельцов царской охраны. Тем не менее он всё равно умудрился втиснуться меж дверью и косяком, на уровне метра от пола, осклабившись в счастливой улыбке:

– А-а... слово и дело государево-о!

– Молви, – тревожно приподнялся Горох.

– Так это... я чего... царь-батюшка, может, тебе водички, а?

Надо было видеть выражение лица надежи-государя. У него и так нервы ни к чёрту, и прежде чем я успел хоть словом вмешаться, он прыгнул вперёд и просто вышиб заботливого дьяка коленом в лоб!

– Уф... Даже полегчало как-то. Но ежели до вечера душой не отмякну, на кол посажу доброддея в скуфейке! Так что там у тебя, сестрица, продолжай...

Марьяна сначала округлила, потом скромненько потупила очи, видимо, царский гнев произвёл своё впечатление, и тихонько попросила:

– Турнир бы...

– Ага, они там поубивают друг дружку, а на меня за это дело их отцы войной пойдут?! И не мечтай!

– Ну так и бескровный сообразить можно, – из чисто женской солидарности заступилась бабка. – Пущай содеют чего героическое в борьбе за сердце нашей красавицы...

– В мешках наперегонки попрыгают?

– А меч в камне у вас в Лукошкине нет? – игнорируя наш мужланский сарказм, вздохнула царевна, и на её ресницах вновь задрожали крупные

слёзы.

– Ладно, ладно, не реви. – Горох встал и обнял сестру. – В камне мы мечей не держим, но если подумать, в подвалах навряд ли есть один меч. Подходящий...

Царевна недоверчиво всхлипнула, а меня ещё раз отпотчевали долгоиграющей сказкой про Змея Горыныча и меч-кладенец. Короче, всё по сюжету, практически всё одно и то же, но во втором чтении главный упор делался на преемственность поколений. Вроде как прапра... и прадедушка нашего Гороха получил этот меч из рук самого Бовы-королевича и уже по традиции передавал своим детям как надёжный знак незыблемости царской власти, ну и всё такое квасное и патриотичное...

– Вот ежели, к примеру, мы твоим женихам такой турнир устроим: кто в одной руке дольше всех меч-кладенец удержит, тот и победил?

– Ну-у, так мы узнаем только самого сильного, – надула губки Марьяна. – А ежели он дурак? Ежели обхождения европейского не знает? Ежели в литературе классической не подкован? Ежели...

– Дак нешто он тебе жеребец какой, чтоб подкованным быть? – решительно вмешалась Яга, потому что спор грозил затянуться до вечера, с перерывом на ночь и плавным переходом в утро. – Ты уж, красавица, сама реши, мужа себе ищешь али иллюстрацию книжную? Живой человек завсегда свои недостатки имеет. Ну так и что ж? На то ты и умница-разумница, чтоб из любого чурбана принца сказочного сделать!

Глазки царевны восторженно загорелись педагогическим азартом. Если б я в тот момент хоть близко представлял, какие страшные всходы даст бабкина идея...

– Ну вот и ладушки, – решил за всех Горох. – Хватаем меч и всех взащей, на турнир!

Я кивнул. Безопасность претендентов мы обеспечим, площадку стрельцы организуют, можно под это дело даже скоморохов каких-нибудь пригласить. Ну там музыку организовать, сбить горячий, песни хоровые. Вроде всё нормально. Один вопрос...

– Вот только не могу понять, если ваш Бова-королевич был великаном, который со Змеем Горынычем один на один дрался, а вы потом этим же кладенцом ещё в детстве лопухи рубили, то при предположительных габаритах богатыря у него не меч был, а перочинный ножик...

– Не любо, не слушай, а врать не... – сорвался было на меня царь. – Вот скучный ты человек, Никита Иванович, всегда умеешь добрым людям всю сказку испортить. Да я тебе его покажу!

– А кстати, очень интересно, – охотно привстал я, но едва не упал

обратно на лавку, ноги были ещё слабые.

Горох сочувственно похлопал меня по плечу, вышел на минуточку – дать указания по поводу срочного объявления грядущего «турниру» и, вернувшись, собственноручно накинул мне на плечи свой парчовый кафтан, нахлобучив на голову стрелецкую шапку.

– И это, лицо как-нибудь вниз опусти. Не дай бог, кто прознает, что ты живой, ить весь праздник боярской думе на корню испортишь. Пущай уж нынче выпьют «за упокой», а завтра огорчатся на похмельную голову.

Я был слишком слаб, чтобы всерьёз ко всему этому относиться. Если, по его мнению, так будет милосерднее, ради бога, кушайте на здоровье, не обляпайтесь. Раз уж я не помер, то в какой именно момент воскреснуть, возможно, и не так важно. Воскресну завтра, пусть не говорят потом, что милиция к боярам относится без сочувствия.

Под плотным конвоем царских стрельцов разнаряженного меня, весёленького Гороха, прихрамывающую бабку и подпрыгивающую, как воробышек, царевну торжественно сопроводили вниз, в подземелья. Бывать нам тут уже приходилось, но не на экскурсии, а по делу.

Мы прошли мимо охраняемой казны, потом другим коридором миновали камеры для заключённых и уже оттуда, ещё через две железные двери, вошли под крохотную арку с тяжёлым воздухом и запахом затхлости.

– Вы что же, антикварный предмет в таких жутких условиях храните?

– Не бойсь, мы тот предмет маслом мажем. – Государь щёлкнул ключом в замке и, распахнув скрипящую дверку, жестом пригласил нас внутрь.

– Чего мажете-то? – первой спросила бабка.

– Меч! – всё ещё не понимая произошедшего, хмыкнул царь.

– А надо бы мозги, чтоб лучше соображали. – Мы трое вышли из помещения, демонстрируя Гороху пустую витрину. Никакого кладенца в ней не было.

– Украли? – не поверил царь, опуская челюсть до колена и протирая глаза.

– Это вы у меня спрашиваете? Так я тут в первый раз, но если действительно уверены, что имеет место быть факт кражи, то вызывайте милицию.

– Ми-ли-ци-я-а!!!

– Никитушка, ты б перестал издеваться над государем-то, – укоризненно обернулась ко мне Яга, обеими руками прикрывая рот вопящему самодержцу. – Мы ж милиция и есть.

– Угу, только кое-кто из нас «официально» умер. Вот сейчас я воскресну и сразу...

– Огра-би-ли-и!!!

От резонирующего эха у меня заложило уши. Я попросил стрельцов увести пострадавшего и попытался взять ситуацию в свои руки. Получалось не очень хорошо. Если честно, уже минут через пять я вновь чуть не потерял сознание, и бабка, потребовав оцепить «место преступления», увела меня из подвалов на свежий воздух.

Как возвращались домой, уже не помню, потому что в себя пришёл только к обеду, в стенах родного отделения. Голова гудела, как самогонный аппарат, в желудке было тоскливо и какой-то комок метался из угла в угол, время от времени подпрыгивая до самого горла. Бдительный Митя сидел у моей кровати, кормя меня куриным бульоном с ложечки...

Моей заботливой домохозяйки видно не было, но, судя по тому, как внизу громыхла посуда, наверное, возится у печи. Проглотив пять или шесть ложек, я почувствовал себя немного лучше и даже сумел сесть.

– Докладывай.

– Не-э, вы больной, Никита Иванович, вам волноваться нельзя...

– Митя, я не больной, я выздоравливающий. Докладывай обстановку.

– Не могу. Вдруг вы нервничать начнёте, жар опять поднимется, да и отбросите тапки прямо тут, а я отвечай?

– Митя, я тебя уволю, если ты сию же минуту не...

– А и увольняйте сироту! – Он одним махом выпил весь недоеденный мною суп и рванул на груди красную рубашку. – Всё одно в родном отделении жизни нет! Одна кричит: батюшке-участковому покой нужен, не дай бог, взволнуется – в кочерыжку превращу! Или кочерыжку в морковку, чтоб девки смеялись!.. А другой, чуть что, – уволю, выгоню, жалованья лишу, без пенсии оставлю! Да почему ж я один вечно крайний-то?!!

Мне пришлось честно ждать добрых минут пятнадцать, прежде чем он утомился и притих. Я поманил его пальцем:

– Китель подай. Сунь руку в левый карман. Теперь достань деньги.

– Это зачем это, а? На воровство проверяете, что ли? Дак я вам так скажу: отродясь Митька Любов ничего чужого не брал и у своих же товарищей в крысачестве замечен не был! А за недоверие таковое... прямо аж в сердце кольнуло... я ить от такой-то обиды... я и самоубитца могу об стенку! Ежели стена выдержит...

– Отсчитай рубль мелочью и дуй в кабак, – удалось вставить мне, пока он держал театральную паузу.

Митяй замер с раскрытым ртом, полным патетики.

– Куда, батюшка сыскной воевода?!

– В кабак. То есть обойди их все и найди трёх женихов царевны Марьяны. Присмотрись издалека, что за люди, как себя ведут, чем занимаются и всё такое прочее...

– Жизни не пожалею, а исполню! Тока...

– Нет. Арестовывать никого не надо.

– Уловил. Так, значит...

– Нет, и в доверие ни к кому втираться не требуется. Просто присмотрись...

– Да легко! Ну позвольте хоть...

– Митя, узнаю, что ты на брудершафт с женихами пил, я тебя с ними же в поруб суну, как в вытрезвитель! Только наблюдение и никакой твоей любимой самодеятельности, понял?!

– А то! – торопливо пятясь к выходу с зажатым в кулаке рублём, похвалился он. – Небось не тупее печки будем. Вы обо мне ещё услышите!

– Митя, я о тебе каждый день слышу, этим меня уже не запугаешь...

Он быстро умёлся на задание, а я повернулся к окну. Во дворе сотник Еремеев за что-то распекал своих подчинённых, у ворот вежливо толклась очередная делегация с чёрными венками, на этот раз представители персидской диаспоры, а с ними вместе и троица девиц с Лялиной улицы. Местный аналог «ночных бабочек» с Тверской или Рублёвки. Мы были там пару раз с профилактическими рейдами, видимо, запомнились, раз пришли помянуть и даже не плюнули ни разу...

Я осторожно дотянулся до табурета и взял планшетку, вытащил блокнот, освежил в памяти все события сегодняшнего дня, а потом попробовал нарисовать для себя хотя бы приблизительную схему того, как могла произойти кража в царских подвалах. Изрисовал стрелками и квадратами два листа, но так ни до чего и не додумался. Записал в столбик все вопросы, ответов не придумал ни к одному. Кто украл меч? Зачем? Когда? Каким образом? Какой вообще смысл в краже раритетного оружия, если в Лукошкине, да и во всём государстве, нет даже такого понятия, как подпольный или свободный рынок антиквариата?

Кажется, с этими мыслями я и задремал, потому что проснулся от скрипучих шагов моей заботливой домохозяйки, которая положила руку мне на лоб и ещё раз заставила выпить какую-то сладкую настойку...

– Ну вот и ладушки, вот ты и на поправку пошёл, Никитушка. А ту заразу, что тебе яблоко травленое подсунула, я сама сыщу, своим методом, и за всё поквитаюсь. Дай только срок...

– Срок прокурор даст, – привычно отшутился я, прекрасно зная, что поперёк дороги Бабе-яге становиться не стоит. – Вы там не слишком личной мстью увлекайтесь, нам ещё и с царской кражей разобраться надо.

– Что ж там разбираться-то? – насмешливо фыркнула она. – И так всё ясно, опять, поди, козни Кощеевы!

– У вас на все виды преступлений один ответ?

– Да он энто, Никитушка, он, больше некому! Покуда тебя стрельцы тайно в телегу нашу укладывали, я чуток на месте преступления осмотрелась. Замки отмычкой вскрыты были, царапины мелкие видны. Гроб хрустальный, где кладенец лежал, камнем алмазом резали. А он немалых денег стоит, да и хороший алмаз ещё поискать надобно. Внутри все следы тряпицей протёрты. Ни запахов странных, ни улики каких ни есть. Всё чисто!

– Идеальная кража?

– Она самая, соколик, – согласилась Яга. – Вот и считай, кто из криминального миру на такое способен? Как ни верти, а окромя злодея Кощеюшки и некому.

– То есть, кроме подозрений, зацепиться не за что?

– Ни сучка ни задоринки.

– Тогда получается, что Горох вчера поторопился со своим объявлением турнира. – Я закусил губу. – Отменить, надеюсь, не поздно?

– Дак мы ещё до подвалов не дошли, когда на площади царёв указ прокричали: кто из женихов с мечом-кладенцом управится, тому и прекрасную царевну Марьяну в жёны! Уж весь город гудит, представления ждут, интересно же людям.

– А заменить?

– Меч-то? – невесело усмехнулась бабка. – Да кто ж нам такой обман простит, Никитушка? Старики небось все его помнят, второго такого нет.

– Да-а, получается, его очень вовремя украли. И уж точно не надеялись, что так быстро хватятся.

Естественно, предположить, что меч был похищен сразу же, как только мы дошли до идеи соревнования женихов, было бы слишком наивно. Тот, кто его украл, должен был очень серьёзно подготовиться и наверняка надеялся, что в подземелье кладенца хватятся не скоро. Да как я понимаю, если бы Гороху не взбрело в голову вот прямо сейчас нас им порадовать, о факте кражи этого музейного экспоната никто бы не знал годами. То есть возможную связь похищения меча и замужества царевны Марьяны стоило смело исключить. Хотя и не хотелось...

– Надо побольше узнать о том монастыре, где воспитывалась

сестричка нашего государя, – решил я. – И будьте добры, позовите ко мне Еремеева. Надо, чтобы стрельцы проверяли всех, кто попытается покинуть город. Есть маленький шанс, что меч ещё находится на территории Лукошкина.

– Щас кликну, Никитушка...

– Только не сюда. Я спущусь вниз.

Нет ничего хорошего в том, что подчинённые видят начальство валяющимся больным в постели. Фома, конечно, свой человек и всё поймёт, но нужно уже вставать на ноги. Мне лучше, значит, пора за дела.

Яга покосилась на меня, но спорить не стала. Вытерла уголочком платка набежавшую слезинку и помогла мне встать.

– Митеньку-то куда отправил?

– По кабакам.

– Господи, спаси и помилуй. Дак опять же на бровях приползёт. За что ты так с невинным парнишкой, а?

– Я просто попросил его незаметно присмотреться к потенциальным женихам.

– А ему-то зачем на них смотреть? Не он же на них женится! Иль ты чего противоестественного пожелал младшему сотруднику?..

– Бабуль, когда он меня доводит, я ему и не такого желаю, – поспешил успокоить я. – Но не в этот раз. Обычное служебное задание. Придёт пьяным, накажу.

– Ну, тады предупрежу стрельцов, чтоб заранее поруб готовили. Рассолу туда занесли, воды колодезной, тулупчик, подушечек пару...

– Так, минуточку. У нас там вытрезвитель или санаторий?

Яга проворчала что-то себе под нос насчёт того, что сгубим же окончательно дитя деревенское на работе милицейской, но на дальнейшее раздувание конфликта не пошла. Я осторожно спустился по скрипучей лестнице, сел за стол, попросил кота Ваську сбегать за моим блокнотом и уже через пару минут пожимал крепкую руку Фомы Еремеева. В прошлом деле о заговоре Чёрной Мессы мы с ним не слабо цапались, даже подрались вроде, но потом друг друга поняли и зауважали. Сейчас я работы отделения без помощи еремеевцев вообще не представляю.

– Здоров ли, Никита Иванович?

– Спасибо, Фома, жить буду. Присаживайся. Тут такое дело...

В двух словах обрисовывать ему задачу я не стал. Еремеев относится к тем доверенным людям, которых стоит снабжать всей полной информацией.

– Город перекроем, – выслушав меня, кивнул он. – На въезд-выезд

будем каждого проверять. А только знать бы, как тот меч выглядит? Ну чтоб наверняка уж...

– Бабуль! – позвал я. – Вы не в курсе, как выглядит этот царский меч-кладенец?

– Дык откуль мне знать-то... – пожала плечами наша эксперт-криминалистка, легко ставя на стол тяжёлый самовар. – Про то у Гороха спросить надобно, а я об том мече только сказки и слышала. Да меч и меч, какая разница-то?

– Ну, собственно говоря, никакой, – переглянулись мы с Фомой. – Конфискуйте любой меч, который будут пытаться законно или незаконно вывезти за городские стены. Реально?

– Попробуем, – чинно кивнул стрелецкий сотник, вежливо отказался от предложенного чая и, ещё раз пожав мне руку, ушёл во двор, к подчинённым.

Яга же присела на табуретку напротив меня:

– Так что делать-то будем, сыскной воевода? Времени у нас мало, не дай бог, по городу слух пойдёт, что у царя меч-кладенец украли.

– А что такого? Это всего лишь музейный экспонат, антикварная древность. Вы же не всерьёз полагаете, что в нём что-то есть...

– Меч-кладенец для всего народа русского словно мощи святые! – строго перебила меня моя домохозяйка. – Покуда он в Лукошкине, степняки никогда Змея Горыныча не разбудят и на Русь не пошлют. А коли нет меча, так жди беды-ы...

– Вот вы ещё раз так протянете зловеще «жди беды-ы...», и я окончательно напугаюсь. Давайте-ка поменьше народного фольклора и побольше к делу, ок?

– Чего?

– В смысле?

– Ну, чего «ок»?

Я хлопнул себя ладонью по лбу, в очередной раз мысленно признавая, что дурацкие американизмы здесь не катят, и, переводя тему, честно раскрыл перед Ягой блокнот. Увы, ни одного ответа на заданные вопросы не было и у неё. Так же как не было ни одной серьёзной улики, подтверждающей хотя бы косвенное участие в нашем деле печально известного уголовника Коцея Бессмертного. А домыслы и чаяния к протоколу не пришьёшь.

– Я тебе так скажу, сокол ты наш участковый, надо бы нам вдругорядь по царёвым подвалам пройтись. Может, я, старая, чего не углядела? А может, и экпр... экспрет...

– Экспертизу?
– Её, её, окаянную, на морозе непроизносимую, произвести! Поискать следы какого-никакого чародейства да чёрной магии?
– Согласен, пойдём в ночь.
– А с чего в ночь-то, Никитушка?
– Ну, днём мне нельзя. Я ж, по вашей с Митей версии, ещё вчера умер. А покойник, разгуливающий по царским подземельям ночью, ни у кого ни вопросов не вызовет, ни паники.

Моя домохозяйка взвесила сказанное и кивнула, одобрительно цыкнув зубом. Время до вечера пролетело незаметно. Памятуя советы незабвенного Шерлока Холмса, я старался не думать о предстоящем деле предвзято и, самое главное, не строить никаких версий ввиду практического отсутствия улик. Все те факты, которые считала важными Баба-яга, подгоняя участие Кощея в свою версию, на самом деле только генерировали всё новые и новые вопросы, ничего не доказывая.

Допустим, дверь действительно была открыта отмычками. Но кто их изготовил? Где? К первому попавшемуся кузнецу с таким запросом не сунешься. За предложение отмычки отковать у нас в Лукошкине можно и наковальней натурально в лоб словить! Значит, их где-то делали тайно, по специальному заказу, максимально подходящими под большинство замков.

То же самое и с алмазом. Для резки стекла или натурального хрусталя подойдёт далеко не любой камень. А местные ювелирные лавки принадлежат иностранцам, и торгуют там совсем мелкими алмазиками, уже оправленными в золото, да и то, как правило, в неподходящей для преступных целей огранке. Значит, опять-таки речь о неслабом специалисте по краже редких антикварных предметов.

Есть ли таковые в нашем столичном городе? Очень сомневаюсь. Нет, ворья и всякого криминального элемента, разумеется, у нас всё ещё хватает, но не того уровня и качества. Что, в свою очередь, увы, но возвращает нас к тому же гражданину Бессмертному. Этот может всё...

Солнышко плавно укатилось за горизонт. Я даже ещё успел вздремнуть пару часов, когда моя заботливая старушка с кривым зубом навывпуск осторожно потрепала меня по плечу. Встал я довольно бодрым, отдохнувшим, так, словно бы и не валялся ещё вчера, балансируя между жизнью и смертью.

– Вот, держи. – Баба-яга протянула мне что-то вроде длинного белого балахона.

– Э-это ваша ночнушка?

– А тебе-то что за дело? Али слишком брезгливый? Дак не вороти нос,

она стираемая...

– Нет, но... я... всё равно не буду вашу ночную рубашку надевать! Она женская!

– Так ты сверху на голову фуражку свою милицейскую надень, оно и незаметно будет! – продолжала давить бабка, едва ли не силой облачая меня в это дурацкое одеяние свободного покроя, с рюшечками.

– Да зачем мне всё это?! – беспомощно ныл я, дёргая подол.

– А ежели вдруг заметит кто? В таком-то виде ты, соколик наш, легко за привидение сойдёшь!

– С мотором?

– С чем?!

– Нет, это я к слову. Карлсона вспомнил.

– Швед, что ль?

– Вроде да. Или датчанин, не помню, давно мультфильм смотрел, – горестно вздохнул я, смиряясь с неизбежным.

– Ты уж не серчай, Никитушка, а только фуражечку я тебе тоже мукой обсыпала. Ну, для полной достоверности...

Яга водрузила на меня практически белый, словно вылепленный из теста, головной убор.

– Ужо опосля отчищу, не переживай.

– Угу, спасибо... Митька не вернулся?

– С чего бы это? Раз ты его по кабакам отправил, так раньше третьих петухов и не жди. Всю ноченьку гулять будет. И вот ещё... – Она достала откуда-то из-за печки небольшой свечной огарок жёлтого цвета. – Держи, да не потеряй! Это не простая свеча, а волшебная. Вот дунь на неё...

– И что будет? – опасливо отодвинулся я.

– Ну дунь, дунь, не бойсь!

– Зажжётся, что ли?

– Да дунь уже!

Ага, с неё станется и вспыхнуть каким-нибудь весёлым пламенем в потолок – и я без бровей. Ладно, осторожно вытянув губы, я зажмурился и дунул.

– Вот! Видишь, и не страшно совсем. – Яга передала мне загоревшуюся зелёным огоньком свечку. – Обратно дунешь – погаснет, снова свет понадобится – ещё раз дуй.

– Ясно, спасибо. – Я погасил свечу и сунул её в карман брюк.

– Ну что, сам-то готов, что ли?

– Готов, – уныло вздохнул я.

– Тады перекрестимся, да и пойдём не спеша шороху на спящее

Лукошкино наводить, – хитро подмигнула бабка. – Ох я по молодости и чудила с переодеваниями! Бедовая была-а... Оденусь, бывало, попом нетрезвым, бороду приклею – и ходу в Синод, поскандальничать! Или по ночи в белом сарафане, с косой на плече, вдоль кладбища гуляю, народ до кондратия веселю...

– Надеюсь, мне этого делать не придётся. Несolidно как-то, чтоб начальник отделения милиции по городу в женской ночной рубашке бегал.

– А уж энто как свезёт, – философски пожал плечиками Яга. – Ежели заметут, так беги не глядя, тока подол повыше подымай! Не то скопытишься с непривычки...

Я подумал про себя, что привыкать к бабушкиным ночнушкам и в страшных снах не хочу, но развивать тему не стал. Не то время, да и смысла нет, пора идти. Еремеев с дежурным стрельцом уже подогнали телегу к крыльцу. Так что до царского терема они меня довезут и, если что, подстрахуют, по возможности. Должно получиться.

Оно и получилось. Своеобразно, конечно, но лучше по порядку.

Ну, во-первых, стоило мне выйти во двор, как...

– Бу-га-га-га-а!!!

Четверо дежурных стрельцов, включая самого Еремеева, едва не повалились наземь от хохота! Да что они, надо мной в голос ржала наша тихая рыжая кобыла! Говорил же, не надо было выходить на люди в женском...

– Цыц, охальники! – Давясь от распирающего её саму смеха, Баба-яга решительно спустилась с крылечка, раздавая подзатыльники налево-направо. – Не видите разве, что батюшка сыскной воевода на тайное задание идёт?! Опасное, аж жуть! Для того и оделся особым образом, чтоб на привидение походить...

Стрельцы на миг притихли. Видимо, с трудом представляя себе, куда и зачем можно пойти в таком виде. Не получилось. Поэтому вежливо уточнили:

– А... Никита Иванович точно здоровы ли? – с сомнением протянул кто-то.

Я чуть не плакал. Бабка быстро свистнула чёрного кота, и уже через минуту самый любопытный был обряжен в точно такую же ночнушку, а перепуганные сотоварищи сами обсыпали парня мукой. Больше дурацких вопросов не было, буга-гаканья тоже. Примолкла даже кобыла. Видно, решила не искушать хозяйку ещё на одно белое одеяние...

– Поехали, – приказал я, быстренько забираясь в телегу.

Еремеев прикрыл меня сеном, оставил провинившегося стрельца как

есть охранять ворота, и мы выдвинулись в спящий ночной город.

– Горох предупреждён? – по ходу спросил я.

– Государь одобрил, – тихо подтвердил Фома. – Просил с заднего ходу прибыть, а ежели что, так он случайных свидетелей в тюрьму посадит.

– Зачем?

– Чтоб языками не мололи.

– Тоже вполне себе вариант, – вынужденно признал я.

Вроде уже не первый день в Лукошкине, и царь у нас неглупый, даже прогрессивный по-своему, однако все мои попытки построить тут правовое государство регулярно летели коту под хвост. Что бы ни делал, честное слово! Ну не срабатывает здесь ничего без постоянного контроля царя-батюшки, ни хорошее, ни плохое. Неконституционная монархия, чтоб её...

Я не жалуясь, я просто привыкнуть не могу. Куда ни ткнишь – «а нам государь приказ не отдал», «а указ царский ещё не оглашён», «а без письменной воли самодержца никак-с»... Тьфу! Я плюнул в сердцах, и, видимо, неудачно, потому что попал на собственный рукав. Хорошо ещё бабкиной ночнушки...

Город был тих, воздух прохладен, впрочем, лежать под сеном оказалось очень даже тепло и уютно. Стрельцы шли без факелов, и так прекрасно зная каждую улочку. Я в принципе тоже уже довольно неплохо ориентировался в столице, поскольку это входит в первейший список служебных обязанностей, но, честно говоря, немного путался в темноте. Сотник Еремеев уверенно вёл кобылу невнятными закоулками, мимо чьих-то бань и огородов, пока мы не выбрались к самым задворкам гороховского подворья.

– Всё. Стопорись, братва. – Он подал мне руку, помогая выбраться из-под сена. – Ну что, Никита Иванович, уверен, что один пойдёшь? Может, всё ж таки подмогнуть чем?

– Нет. Ждите здесь. Держи телегу в режиме готовности, если что пойдёт не так – сваливаем все, и быстро.

– Добро. И ты энто... ежели вдруг увидит кто, уж ты уважь – попрыгай, повой, рожу какую скорчи, зубами поскрипи! У нас народец до привидений дюже пугливый...

Тепло поблагодарив начальника стрелецкой сотни за кучу полезных деловых советов, я поправил на голове фуражку и белой молью скользнул в приоткрытую калиточку. Дворовые псы меня отлично знали, поэтому лая не подняли, хотя необычный наряд обнюхали с плохо скрываемым хихиканьем. Собаки в этом плане чувств не скрывают, я снова ощутил себя

звездой гей-парада на тихих улочках деревни Гадюкино Пермской области.

На какой-то миг, глядя на двух здоровущих псин, катающихся на спине, держась за животы, мне захотелось стянуть эту дурацкую ночнушку, порвать её на лоскутки прямо тут, чтобы обсыпать кобелей тряпочками. Но, во-первых, она не моя, а моей домохозяйки. Во-вторых, бабка желала мне только добра, и, в-третьих, ладно уж, поздно сейчас менять маскировку. Надо доводить дело до конца...

Учитывая, что предупредительный Горох заранее обеспечил мне все ходы-выходы, операция по несанкционированному проникновению в помещение не обещала быть сложной. По крайней мере, до подвалов я добрался без проблем. Две пары стрельцов из царской охраны при виде меня старательно отвернулись, сдержанно гогоча в кулачок. Я в сотый раз поклялся всё припомнить Яге, но сейчас не её ночная сорочка являлась моей первоочередной задачей. С моим позором тоже будем разбираться позднее, служба превыше всего...

До железной двери в «музейное хранилище» я добирался едва ли не на ощупь, зажигать заветную свечу раньше времени казалось нецелесообразным. Правда, наткнулся пару раз в темноте на низкие своды потолка, крепко треснулся лбом, но не так чтоб до крови или потери сознания, в общем, нормально.

– Ну, как там у меня получалось? – Я достал из кармана брюк жёлтый огарок, поднёс поближе к губам и осторожно дунул. Фитилёк мгновенно откликнулся, вспыхнув ярким зелёным огоньком.

Уф, получилось. До чего же приятно иногда почувствовать себя Гарри Поттером в милицейской фуражке! Я задрал подол и опустился на одно колено, внимательно осматривая врезной замок. Да, наша эксперт-криминалистка не ошиблась, здесь работали не ключом, а именно отмычками.

– Вот только тот, кто тут ковырялся, явно не был профессиональным взломщиком, – отметил для себя я. – Слишком много царапин, он далеко не сразу справился с замком и привык скорее действовать силой, чем умом. Старинные замки надо вскрывать нежно... А это что такое?

Я едва успел задуть зелёное пламя свечи, потому что вдалеке, по коридору, мелькнул ответный оранжевый огонёк. Кто это? Почему? Зачем? С чего вдруг, мы так не договаривались!

Мне пришлось прижаться спиной к двери, прекрасно понимая, что бежать отсюда некуда и прятаться тоже. Огонёк неумолимо приближался, обрисовывая тёмный колеблющийся силуэт. Ещё три-четыре шага, и я буду банально пойман на месте преступления. Но в этот момент дверь без

скрипа открылась, и чья-то сильная рука сгребла меня за воротник и втянула внутрь...

– Тихо, Никита Иванович, – коснулся моего уха жаркий шёпот Гороха. – Не шуми, авось и пронесёт...

Я чуть было не ляпнул, что меня со страха и так уже почти пронесло, но сдержался. С бо-о-ольшим трудом...

– Свет не зажигай!

– И не собирался. – Я силой воли унял бешено бьющееся сердце, боясь, что стук будет слышен и за дверью. – А вы чего здесь делаете?

– Тебе помочь решил. Да и не спится, честно говоря...

– А ночнушку женскую зачем надели?!

– Не ори, – шёпотом шикнул царь. – Тебя в оконце в таком виде разглядел и решил, что, стало быть, так надо. Коли кто чужой увидит, так решит, будто призрак какой...

– Вон кто-то уже увидел. – Я кивком головы указал на дверь.

– Не, если б видел, так уже назад бы летел, земли не касаясь, да орал нечеловеческим голосом: «При-ви-де-ни-е-е!!!»

– Да не орите же вы, – теперь уже я затыкал рот весёлому государю.

С обратной стороны двери послышалось тяжёлое сопение, мы рассосались по углам. Дверь очень медленно распахнулась, при колеблющемся свете церковной свечи показался характерный козлиный профиль с недощипанной бородкой. Ну правильно, куда ж нам без него, он же у нас один такой на весь город, в каждой дырке затычка...

– Чё, открыто, что ль? Непорядок... Доложить бы царю-батюшке, что стрельцы охрану несут спустя рукава. У нас ить тут меч-кладенец лежал, а ноне он...

– Руки вверх, – негромко приказал я. – Гражданин Груздев, вы арестованы!

Он обернулся, увидел нас с царём, свёл глаза в кучку и рухнул навзничь, где стоял.

– А-ха-ха, бу-бу-бу! – попытался поподпрыгивать Горох, но дьяк уже не реагировал. – Ты чего вредничаешь, Никита Иванович, я ж ещё в привидению не наигрался.

– Зато первый подозреваемый у нас уже есть. Вы слышали, как он сказал, что знает про кражу меча? Ну то есть почти намекнул...

Договорить мне не удалось: только что лежавший пластом Филимон Митрофанович вдруг резво вскочил на ноги, сквозанул мимо нас и опрометью дунул из дверей по коридору с воплем:

– Привидения-а-а!!!

– Стой, дурак! Не шуми, на кол же посажу, ей-богу!

От такого предложения скандальный дьяк обезумел окончательно, ударившись в абсолютно неконтролируемую истерику:

– Спаси-тя-а! Помоги-тя-а! Матерь Божия, Заступница, Царица Небесная, умоли Сына Своего, Иисуса Христа, избавить мя от призрачной напасти, коя меня на кол посадить грозит-ца-а!

Горох кинулся за ним в надежде догнать и образумить кулаком по затылку, а я, не тратя драгоценного времени, зажёл зелёный огонёк свечи и попытался за оставшиеся секунды хоть как-то осмотреть место преступления.

На первый взгляд Яга всё описала правильно: стеклянная витрина, или хрустальный гроб, была взрезана алмазом. Смущала толщина стекла – полтора-два сантиметра. Какой же должен быть камень, чтобы одним движением вскрыть витрину, как консервную банку? На стекле видимых отпечатков пальцев не было. Никаких упавших волосков, брошенного воровского инструмента, забытых в спешке вещей, подозрительных следов на полу, кроме...

– Это что ещё за чертовщина?

Ближе к дверям, чудом не затоптанный всеми, кто здесь толкался вчера и сегодня, виднелся чёткий отпечаток раздвоенного копытца!

– Либо это очень крупная свинья, либо... – призадумался я, когда в комнату ворвался запыхавшийся царь.

– Уходим, Никита Иванович, дьяк психованный по двору кругами бегают, орёт, что мёртвого царя в подвалах видел!

– А вы... а?! – пискнул я, видя, как под его сапогом исчезает тот самый подозрительный след и последняя улика.

– Да что ж ты встал, ровно пень берёзовый?! Бежим же!

Горох почти волоком потащил меня по коридору, потом направо, потом налево, ещё раз направо и тайными переходами вывел к забору.

– Пресвятые угодники! – дружно перекрестились еремеевцы, когда мы оба неожиданно выскочили из калитки перед самым их носом.

– Не святые и не угодники, – чётко поправил я. – Но в целом задание выполнено, тема для размышления есть, рабочая версия тоже. Вы с нами?

– Нет, мне в опочивальню, хватятся, поди, скоро, – помотал бородой царь. – Сроку даю три дня. А до того момента об воскрешении и думать не смей! Найди вора, сыскной воевода-а...

Я хотел ему ответить, но не успел. Еремеев не удержался первым, фыркнув в кулак. Стрельцы подхватили в голос, потому что удержаться от хохота при виде сразу двух взрослых мужчин в женских ночных рубашках

просто невозможно. Даже я ржал, не стесняясь и не стыдясь.

Горох, естественно, вспыл, грозился всех казнить, что вызвало, столь же естественно, удвоенный всплеск неуправляемого веселья. Царь плюнул, обещал нам всем показать, но покуда не решил что, а потому, подобрав подол ночнушки, рысью припустил к себе в терем.

Мы же, отхохотавшись, спокойным, размеренным шагом отправились в отделение. Меня опять завалили сеном, и я чуть было не уснул, пока мы добрались до дома. Парни веселились всю дорогу, и не буду врать, что я на них сердился. Вспоминая себя и Гороха в беленьких «пеньюарах», я всё ещё помирал со смеху. Хорошо всё, что хорошо кончается.

Увы, не в нашем случае. Ну, я имел в виду, что у нас ничего не начиналось...

– Митька вернулся? – был первый вопрос, который я задал открывающим ворота стрельцам.

– А то!

– Спит уже?

– Наверное, – ухмыльнулись еремеевцы. – Мы ему тулуп в поруб бросили. Так, поди, пригрелся и спит.

– А с чего вдруг сразу в поруб?

– Дык за драку в кабаке! Никакушного доставили, а с ним ещё троих. Вроде прибалт какой, бледный, степняк узкоглазый да сын гор с вот такенным шнобелем!

Я закрипел зубами.

– То есть у нас в порубе четверо задержанных?

– Так точно, – радостно осклабились стрельцы.

– А вы в курсе, что один из них – будущий зять царя Гороха?

Бородачи на миг потупились, сдвинули шапки на затылок, а потом дружно решили:

– Лишь бы не Митя, а там... Перед остальными отбремся, поди, не впервой!

– Ну, вполне себе милицейский подход, – подумав, согласился я. – Ладно, пусть сидят, жалобы на произвол властей напишут утром, как раз и побеседуем.

– Слушаемся, батюшка сыскной воевода!

Вот и ладушки.

Еремеев лично сопровождал меня в дом, помог снять позорную ночнушку и передал с рук на руки бабке. Яга, отдать ей должное, ни о чём меня не спрашивала, а просто отправила наверх и уложила спать.

Подоткнула одеяло, как ребёнку, взбила подушку и даже спела колыбельную:

Баю-баю, баю-бай!
Ну-ка, глазки закрывай.
А не то придёт волчок
И ухватит за бочок.
Дам я волку вдоль хребта,
Хоть силёнка и не та.
Да коленом по зубам,
Но тебя ему не дам.
Такой мальчик дорогой
Очень нужен мне самой.
Баю-баюшки-баю,
Дай-кось я себе налью.
Для здоровья, для души,
Для хороших снов в тиши.
Баю-бай, а ты, гляди,
Меня завтра не буди...

...В том, что она себе нальёт исключительно «здоровья ради», я ни капельки не сомневался, а потому уснул быстро и спал без снов. Просто провалился в тёплую, мягкую темноту и дрых без задних ног, как какой-нибудь сурок-переросток в норке. Разбудить меня можно было бы, наверное, только землетрясением или целенаправленным выстрелом из гвардейского миномёта. Ну если я и преувеличил, то совсем немного, потому что в четыре утра...

– Ку-ка-ре-ку-у-у!!!

Меня плашмя подбросило на кровати, перевернуло и скинуло на пол. Выматериться я не успел, зато успел в ответном прыжке подскочить к подоконнику, схватить лежащее яблоко и с размаху, гандбольным броском, зафинтилить им в проклятого петуха.

Увы, мимо. Пернатый гад-будильник научился уворачиваться, а других снарядов у меня под рукой не было. Пришлось, скрипя зубами, признать своё поражение, посыпать голову пеплом (фигурально), два раза укусить подушку (реально) и, быстро одевшись, побежать по лестнице вниз, жаловаться Яге.

– О, Никитушка проснулся, – радостно улыбаясь, приветствовала меня разбурманенная бабка. – А я тебе с утра кашу гречневую запарила, с медком да молочком!

– Петуха хочу, – глухо попросил я, прекрасно осознавая, что ничего мне не светит.

И не то чтоб Яга как-то неправильно меня поняла, просто этот петух у неё какой-то любимчик. Орёт ни свет ни заря, клюётся, кур третирует, кота Ваську лупит периодически, мне спать не даёт, и всё равно ему всё сходит с рук. Или с крыльев? Скотина он, убью когда-нибудь. Зуб даю, сам сяду, но его убью...

– А ты кушай, кушай, сокол ты наш ясный, – привычно игнорируя любые мои намёки на петушатину, суетилась вокруг стола бабка. – Ты ить в курсе, что Митенька наш, добрая душа, вчерась пострадал безвинно?

– Нет. Стрельцы сказали, что он там подрался в пьяном виде?

– Врут! Врут, охальники! Вот я их уже помелом!

– То есть он не пил? – уточнил я, берясь за ложку. – Не пил, не дрался и в поруб сам полез, просто из чувства политической солидарности с задержанными иностранцами?

– Да... нет... ну, не... – стопорнулась глава экспертного отдела, не зная, с чего начать, и вывернулась чисто по-женски: – Вот не любишь ты его!

– Факт. Я только девушек люблю. Брутальные крестьянские парни не в моём вкусе.

– Не любишь, наговариваешь почём зря, а ить мальчишечка старался, как мог.

– Когда самогонку квасил или когда женихов царевны Марьяны под столом мутузил?

– Не он энтó, Никитушка, не он!

– Тогда кто? – Я вопросительно выгнул бровь.

– А ежели и он, – окончательно запуталась моя домохозяйка, промакивая платочком слезу и гордо выпрямляясь у печки, – дак не за-ради себя пил да дрался, а нашего отечества честь храбро защищаячи!

Я чуть не поперхнулся горячей кашей. Вообще-то Баба-яга у нас старушка мудрая, в дешёвых патриотических пиар-акциях не замечена, вместо мозгов у неё не опилки... Тогда что здесь за депутатский цирк творится?

– Не понял...

– Да я тебе вот прямо сейчас и объясню, – чуть не плача, завелась она. – Митенька наш, по твоему приказу начальственному, за тремя

женихами приглядывал. Ну и принял чуток... чтоб подозрений у окружающих не вызывать. Потом поближе подсел, потом к разговорам ихним прислушался, по твоему же заданию! А уж как они трое вдруг начали наше Лукошкино всякой грязью поливать да про самого царя насмешничать, тут и не сдержалось сердце ретивое. Да ежели б они при мне такие слова говорить стали, я б их сама... чего под рукой было, тем бы и накрыла!

– Почти частушка, – машинально похвалил я. – А поконкретнее: какие слова, оскорбления, угрозы, что ещё там?

– Да ты Митеньку призови, он тебе и скажет!

– А вы?

– А я сама не слыхала, – на миг опомнилась горячая заступница сельской молодёжи. – Мне ж... Митя чё-то такое намекнул, когда его в поруб складировали.

– И вы сразу поверили? Ладно, попросите ко мне дежурных стрельцов.

– Да ты хоть кашку доешь, чего ж без завтраку-то?

– Служба не ждёт. – Я отодвинул тарелку. – К тому же если у нас в порубе содержится подло оболганный герой и невинно осужденный защитник отечества, то томить его там в компании закоренелых преступников – просто грех! Зовите стрельцов, будем разбираться...

Яга насупилась, кликнула кота, тот сонно стёк по ступеням на порог горницы, выслушал приказ, зевнул, до хруста вывернув челюсть, и с мрачной мордой направился во двор, к Еремееву. Как он там с ним договаривался, ума не приложу, но буквально через две-три минуты передо мной навтыжку стояли двое стрельцов, при саблях и бердышах.

– Здравия желаем, батюшка сыскной воевода!

– И вам не хворать, – кивнул я. – Напомните-ка, братцы, сколько человек у нас в порубе?

– Навродь четверо, – неуверенно переглянулись они.

– Что значит «навродь»?

– Ну ежели Митьку вашего считать, так точно четверо.

– А почему б его не считать? Он что, не человек? – удивился я.

– Кто, Митька-то?! – так же удивились стрельцы.

Развивать тему сложных взаимоотношений моего младшего сотрудника с реестровыми стрелецкими частями было скучно и предсказуемо. Стрельцы, по букве устава, подчинялись сотнику Еремееву, Еремеев – мне, иногда Бабе-яге, но уж никак не Мите, а он-то как раз и любил порой поизображать из себя высокое начальство. Не по злобности характера, а исключительно из-за банальной лени...

Попросит его бабка дров нарубить – он норовит стрельцов заставить, попросит воды натаскать – он опять часовых у ворот тормозит. Ну те, конечно, помогут разок-другой, но на шею себе сажать не станут. Отсюда редкие, но меткие конфликты.

– Приведите его сюда. Остальных задержанных...

– Отпустить?

– Мм... нет, – подумав, решил я. – Вывести, выгулять в туалет, погреть на солнышке и назад, в поруб. Мы с ними потом разберёмся.

– Слушаемся, батюшка сыскной воевода!

Ну и замечательно. Парни ушли вытаскивать Митю из-под замка, а ко мне тихой ласковой лисой подседа улыбочивая бабка.

– Милок, а ить ты мне ещё не поведал, чем вчерашний поход в царёвы подвалы закончился? Свечу чародейную не обронил, часом?

– Всё в целости. – Я сунул руку в карман и вернул бабке жёлтый огарок.

– Вот и умница. – Яга деловито припрятала свечку. – А ещё чё полезное для дела углядел? Много, поди, улик-то я, старая, просмотрела?

– Одну. Но очень важную...

Я приложил палец к губам, потому что в сенях раздались шаги.

Суровые стрельцы вежливо, но твёрдо втолкнули в горницу упирающегося Митяя. Поборник царской чести и правозащитник всего святого в Лукошкине был помят, оборван, не умыт, грязен, как украинская свиноматка с ВДНХ, и местами хорошо побит.

Вот такой портрет полноценного милицейского сотрудника младшего звена. Со времён царя Гороха такой. И в будущем мало что изменится, я уверен...

– Докладывай, Митя.

– Чего ж тут докладывать-то, а? Расстреливайте!

– Непременно и с удовольствием, – положила руку на сердце, пообещал я. – А пока доложи, как ты выполнил задание и почему был задержан нарядом наших же стрельцов за безобразную драку в пьяном виде.

– Вот так уж сразу и безобразную, – тут же надул губы наш герой. – Вы ж её, поди, не видели? Красивая драка-то была, яркая, между прочим, всем понравилось...

Я повернулся к Яге. Бабка сделала вид, будто кого-то высматривает в окошко. Митя понял, что прямо сейчас наказывать не будут, а упустить такую аудиторию, как мы с Ягой, он бы ни за что себе не позволил. И начало-ось...

– Задание ваше начальственное я исполнял, как велено. Уж ежели

Митька Лобов с Подберёзовки за дело берётся, так, живота не жалея, голову за любимую милицию положит! На том и крест целовать буду, за то и на плаху пойду, а велите, так вот хоть сей же час прямо башкой чего-нибудь поломаю!

– Митя...

– Хотите, дверь?

Бедная моя домохозяйка и чирикнуть протестующе не успела, как от тяжёлого удара резная дверь едва не сорвалась с петель.

– Митя!!!

– А хотите, косяк?

Ещё один удар. По счастью, в этом спектакле последний, потому что косяки в тереме из тиснёного дуба, и с ним наш «омоновец» уже не справился. Рухнув всем телом, Митяй умудрился сбить скамью с бабкой, задеть стол, опрокинуть миску с моей кашей на обалдевшего кота, облить мои брюки молоком, а сам закатиться под стол, где и замереть в красивой позе буквы «зю»...

На шум и грохот вбежали грозные стрельцы с саблями наголо, а поскольку ни я, ни Яга толком ничего объяснить не успели, то парни крикнули подмогу, и в горнице стало ещё веселее. Общий бардак в шесть раз увеличил бабкин кот, когда один из стрельцов случайно наступил ему на хвост. Виновник не признался, поэтому от взбесившегося Васи досталось уже всем четверым.

Я же тихо уполз под стол, к Мите.

– Пиши рапорт об увольнении по собственному желанию.

– А ежели я не желаю?

– Тогда докладывай, что полезное выяснил на задании.

– Стало быть, то, что я за отечество безвинно пострадавший, уже значения не имеет?

– Нет, – подтвердил я.

– От так всегда. Ну и ладно, тады расскажу. Мне ить и самому интересно было, чё за женишки иноземные вокруг нашей рыжухи Марьянки толкутся. Их бы проверить надо на благонадёжность, да и справку про то какую ни есть вытребовать. Так вот я и...

Памятуя свой прошлый филёрский опыт, наш младший сотрудник особо выёживаться не стал, ни во что экзотическое переодеваться тоже, поэтому шастал из кабака в кабак в неброском имидже простого деревенского парня. Тут ему изображать ничего не приходилось, подозрения он не вызывал и на скромное местечко в дальнем уголке, с одной стопкой водки, всегда мог рассчитывать. Искомые женихи нашлись в

печально известном трактире «У языкастой тещеньки»...

Будь моя воля, я б его закрыл ещё до открытия, но хозяйка в своё время подсуежилась со взятками, и заведение процветало на дешёвизне, доступности, антисанитарии, подпольном самогоноварении и мелком криминале. Именно там представители трёх небратских народов нашли друг друга и даже попытались заключить некое противозаконное соглашение.

Сначала они играли в кости на то, кто станет мужем, а кто тайным (!!!) любовником сестры царя Гороха. Победили азиат и кавказец, прибалту досталась роль первого министра и советчика. После чего они плавно перешли к обсуждению прямой распродажи русских земель всем заинтересованным лицам, делёжке денег на троих с последующей эмиграцией «за море-окиян».

Полагаю, что речь шла о ещё толком не открытой Америке, но все трое, по словам нашего Мити, намылились именно туда. Дальнейшего посрамления и поругания веры, царя и отечества наш младший сотрудник не вынес. Зато вынес всю нетрезвую троицу в центр кабака и возил мордами по столам, покуда в общую драку не включились завсегдатаи. Стрельцы подросли примерно через часок, в основном чтобы повязать павших...

– Трактир восстановлению подлежит? – в конце рассказа осторожно поинтересовался я.

Митя отрицательно помотал головой.

Йес! Ну и как после такого хорошего известия я мог его уволить?

– Хорошо. Ты остаёшься. Ещё один вопрос. Какие лично у тебя мысли о женихах?

– Непростые, – всерьёз задумался наш герой. – Одно скажу: царевне Марьяне они не пара.

Тут наш конструктивный диалог прервался, потому что расцарапанные, как линогравюра, стрельцы под руководством Яги начали наводить порядок и вытащили нас из-под стола. Комнату быстро привели в порядок, наш младший сотрудник был отправлен в баню, а я вернулся к служебным обязанностям. Надо доводить это дело до конца...

– Бабуль, как вы насчёт допроса трёх свидетелей?

– Обвиняемых, – хмуро поправила наша эксперт-криминалистка. – Уж ежели даже Митенька в речах ихних оскорбление отечеству углядел, дык я тем более не помилую!

– Ну, судебные и прокурорские функции в наши обязанности не входят, – напомнил я. – Степень их вины пусть царь определяет. Не

забывайте, что главная цель у нас другая – мы должны все силы отделения бросить на кражу и вернуть указанный предмет.

– Да тьфу на тебя, Никитка! Что там с той кражей особенного? И не такие, поди, раскрывали...

Вместо ответа я молча достал блокнот, взял карандаш, нарисовал на чистой странице отпечаток свиного копытца размер в размер и сунул под нос бушующей бабке.

– Это ещё что такое? – фыркнула она.

– Улика. Один маленький след, отпечатавшийся на земле в том самом музейном хранилище, откуда и был похищен меч.

Яга охнула, перекрестилась и ушла в свою комнатку за своей фирменной настойкой от нервов. Самогон-мёд-пустырник-боярышник-валериана, смешать, но не взбалтывать, если не ошибаюсь. Действие убойное, на себе проверял.

Итак, Митя был отправлен топить баню, а стрельцов я попросил привести всех троих задержанных, по одному в произвольном порядке.

Никаких обвинений я им, разумеется, выдвигать не собирался, все эти кабацкие разговорчики под пьяную лавочку к серьёзному делу не пришьёшь. Однако припугнуть эту троицу стоило, лучше я напомним им о правилах культурного времяпровождения в столице, чем то же самое будут делать кулаками местные жители, потому что народец у нас попадает всякий. Разумеется, речи об их возможной причастности к царской краже не было, но что, если от пропажи кладенца кто-то один выигрывал больше, чем другие?..

– Бабуль, вы идёте? Я сейчас женихов допрашивать буду!

В ответ тишина, на миг прервавшаяся лёгким звоном хрустальных стопок. Ясно, пьют на пару с котом – Вася за валерьянку душу продаст. Ладно, сам справлюсь, не впервой.

В дверь постучали.

– Разрешите, батюшка сыскной воевода? Вот, первого доставили.

– Разрешаю. Заводите.

Я вновь раскрыл блокнот и сделал самое суровое выражение лица.

В горницу втокнули упирающегося молодого человека в традиционном азиатском платье, то есть полосатый халат, колпак с лисьей оторочкой, непонятно какие штаны, короткие сапожки и дорогуший пояс с золотым шитьём. Сам невысокий, круглолицый, узкоглазый, загорелый, с подведёнными бровями и словно бы нарисованными усиками. Пошловатый тип, я бы так выразился...

– Гражданин Бельдым-бек, средний сын хана Бухатура, прибывший из

степей солнечного полуострова Крым с целью заключения брачного союза и взаимовыгодного сотрудничества наших народов в свете долголетних экономических и политических позитивных отношений?

– Имя – правилна, про папу – тоже правилна, а больше моя ничего не понимай... – честно признался будущий наследник ханского престола, пытаясь прочистить грязным ногтем уши.

– Присаживайтесь.

– Э?!

– Садитесь, – повторил я, и догадливый жених тут же опустился на пол, привычно скрестив ноги.

– Сядьте чуть правее, там коврик, будет удобнее, – гостеприимно предложил я, пожав плечами. – Хорошо, теперь ответьте на пару вопросов.

– Ай, рехмет, начальник! Слушай, удобно так...

– Я же говорил. Но не будем отвлекаться. Итак, вчера вечером, ближе к ночи, вы были задержаны дежурными стрельцами и доставлены в отделение. Вину свою признаёте?

– Какую вину? Где вина? Давай вино!

– Не смешно! – строго прикрикнул я на радостно подпрыгнувшего сына хана. – Сколько помню, у вас алкогольная продукция под запретом. Папа не обрадуется.

– Э, мой папа сам пьёт! Многа пьёт! Только ночью пьёт, ночью Аллах не видит...

– Аллах всё видит! – завёлся было я, но вовремя опомнился. – Так, отложим спорные вопросы религии, вернёмся к моменту вашего задержания. Пьянство, нецензурные выражения на татарском, приставание к официанткам, грубые выражения в адрес правительства нашего города и в финале – безобразная драка. Вы понимаете, что подвели себя под статью?

– Ничего не панимаю, я неграмотный татарин, я всё папе скажу, э!

– Меч-кладенец? – наугад бросил я.

Молодой Бельдым-бек даже не почесался. Ну, если честно, то как гостю царя Гороха и гражданину другой страны мы пока ничего не могли ему инкриминировать. Хороший адвокат на раз-два-три бы «расщёлкал» все мои обвинения да ещё подал ответный иск за клевету.

– На первый раз ограничимся устным порицанием. Но имейте в виду, что при повторном аресте к вам будут применены самые строгие санкции вплоть до...

– Моя твоя не понимай?!

– Упс... Я и сам себя сейчас не очень понимаю. С кем вообще разговариваю, а? Пошёл вон с глаз моих!

– Э-э?

– Увижу ещё раз – расстреляю, засужу, кастрирую! Так понятнее?

– Всё понятнее, начальник! – счастливо разулыбался средний сын хана Бухатура и убрался с такой похвальной скоростью, что у дежурных стрельцов чуть шапки не сдуло.

Ладно, в этот раз я вполне справился без бабки, потому что ловить этого степного сайгака на вранье смысла не было никакого. Парень вырвался на волю из-под папиного крыла и отрывается у нас по полной программе. Пока никого не избил, ничего не украл, сажать его вообще-то не за что. Пусть гуляет. Мы проследим.

Хотя, конечно, на месте царевны Марьяны я бы лично от такого немытого красавца держался подальше...

– Следующий!

– Один момент, батюшка сыскной воевода, – раздалась невнятная возня из-за дверей. – Вырывается ещё, зараза горбоносая...

Минутой позже потрёпанный, но непобеждённый грузинский князь Сосо Павлиношвили кубарем влетел в горницу. Тощий, длинный, грудь попетушиному вперёд, с кучей газырей на черкеске до самой подмышки, в страшно лохматой папахе, из-под которой и глаз-то не видно, один нос, и, как водится, с семиэтажным кавказским гонором...

– Всех зарэжу! Тебя зарэжу. Их зарэжу, царя зарэжу! А что делать, так хачу?!

– Быстро сел на скамейку, руки за спину, рот открывать по моему разрешению, дышать через раз! – грозно рявкнул я, потому как эти горные орлы достали меня ещё в Москве по самое не балуйся. – Имя, возраст, пол? Отвечать, быстро!

– Сосо. Нэ помню, нэ знаю. Какой такой пол, э? Дэревянный, да?

– У тебя да, – согласился я, делая запись в блокноте. – И не только пол, но и вообще...

– Да?

– Вопросы здесь задаю я. Итак, вчера вечером вы были в компании гражданина Бельдым-бека и гражданина Паулюсуса. Так?

– Нэт!

– Неужели?

– Да!

– То есть вы с ними не пили?

– Слушай, я тэбя всё равно зарэжу, – честно обозначил свои планы потенциальный жених царевны Марьяны. – Паэтому честно скажу: что с ними пить? Как с ними пить? Они савсем пить не умеют, да!

– Понятно. Записал. А потом вы ругали царя Гороха?

– Зачем ругал?! Назвал его одын раз ослом, одын раз козлом! Одын или два, нэт, два, назвал сабакой такой. Ну, которая на соломе лежит и её не кушает. Знаешь, да?

– Догадываюсь, – сухо подтвердил я. – Про меч-кладенец слышали?

– Про какой леденец?

– Ясно. Свободны. Ещё раз попадёте к нам в отделение, отправлю в Сибирь, ёлки шатать. Сами уйдёте или коленом выпроводить?

– Э-э, сыскной воевода, – доверчиво зашептал кавказец, подаваясь вперёд. – Я праблем не хачу, но ты панимаешь... Я – князь! Мне честь дэржать надо! Пазови своих, пожалуйста, пусть меня выведут. Как будто я дрался, да? Не абижай, мамой прашу...

Я тяжело вздохнул и кликнул стрельцов.

– Выкиньте гражданина за ворота. Ну, так, чтоб и зрелищно, и без лишнего рукоприкладства.

– Спасибо! – хором грянули и стрельцы, и сын гор Павлиношвили.

Слава богу, все друг друга поняли, и всё складывается к взаимному удовлетворению.

Парень вылетит от нас героем дня, а еремеевские стрельцы парой подзатыльников отведут душу. Остался третий. Яга по-прежнему отказывалась появляться, хотя у меня были подозрения, что она всё-таки нас подслушивает и после обеда непременно выскажет своё профессиональное мнение по поводу мужского вранья. Хорошо бы Митя уже успел растопить баньку, отмыться сам и оставить мне горячей воды. Что-то быстро я почувствовал себя усталым, видимо, последствия отравления ещё сказывались.

О том, что вышедшие из отделения женихи начнут болтать обо мне в кабаках, можно было не беспокоиться, кто им поверит? Я же для всех умер, и это информация официальная, полгорода в трауре, венки шлют, свечи в храмах ставят, соболезнования выражают всячески, а то, что трое иноземцев, попав в милицию по пьяни, «самого участкового видели»?! Да тьфу! Пусть мелют языками, пока не побили за враньё...

– Следующего подавать ли?

– Заносите, – откликнулся я.

И через минуту в горницу сам, без малейших понуканий, вошёл молодой крепкий блондин в потёртой европейской одежде времён какого-нибудь Айвенго или Ричарда Львиное Сердце. Неприветливо улыбнулся мне, но тем не менее начал первым:

– Здраффстфуйте!

– Здоровеньки булы, – не совсем правильно ответил я, но он меня понял.

– Присаживайтесь.

– Спасибо.

– Прибалтика?

– Не поннял...

– Ну как это... Эстляндия?

– Та! – уверенно подтвердил третий жених нашей царевны.

Почему-то он мне нравился меньше всех: глаза какие-то блёклые, бесцветные и мутные, как у замороженной сёмги в супермаркете.

– Это что же происходит, гражданин фон Паулюсус? Вы прибыли к нам в столицу с целью женитьбы, а задержаны в связи со вчерашними безобразиями в кабаке. Ай-ай-ай, товарищ эстонец! Нарушаете?

– Я не ппил, они фсё сами выппили!

– Дыхните? – перегнулся я через стол.

Потомок рыцарского рода послушно наклонился и дыхнул. Ну, зубы не айс, однако и перегаром не пахнет.

– Как оказались в одной компании с драчунами и алкоголиками?

– Случайно.

– А поподробнее можно?

– Софсем случайно.

Да, а этот тип, мягко говоря, немногословен, придётся тянуть клещами. В фигуральном смысле, разумеется, мы ж не в царской пыточной, у нас другие методы.

– В драке с сотрудником милиции участвовали?

– Не учаффстфофал.

– Тогда за что вас задержали?

– За компаннию, – так же терпеливо, словно малому ребёнку, продолжал объяснять белокурый гость с янтарных берегов.

Что ещё у него можно было спросить, я просто уже не знал.

– Про меч-кладенец слышали?

– Нетт.

– Претензии к органам правопорядка за неправомерные действия имеете?

– Нетт.

– Другие ответы знаете?

– Нетт, – даже не моргнул он, и я сдался.

Мне пришлось честно отпустить и третьего претендента в гороховские зятя. Правда, взяв с него подписку о невыезде. С первых двух не стал

брать, а с этого взял. Чисто из вредности. Говорю же, не понравился он мне. И пусть в нашей милицейской работе апеллировать такими критериями и не положено, внутренне я был бы рад прищучить этого белобрысого хоть за что-нибудь...

– Батюшка сыскной воевода, – в дверях опять показались стрельцы, – так что, пятого заводить ли?

– Какого пятого?! – не понял я. – Погодите, у нас же вроде всего четверо задержанных. Три жениха и Митька. Чего вы меня со счёта сбиваете?

– Дык в ночь, под самое утро, ещё и дьяка Филимона Груздева доставили ребята, – смущённо пояснили еремеевцы. – Говорят, он по городу бегал в непотребном виде и речи орал крамольные...

– Какие?

– Что, дескать, царь преставился!

Ну этого типа я точно не мог принять. Он бы точно сдал меня с потрохами, и уж ему-то поверили бы! Пришлось вставать и идти на поклон к Яге, умоляя её разобраться с козлобородым нарушителем ночного спокойствия. А заодно и выяснить, чего он-то делал в неположенное время у царских подвалов? Причём крутился ведь, гад, вполне целенаправленно, именно там, где пропал меч. Так что вопросы и подозрения в его адрес самые серьёзные...

– Бабуль? – Я деликатно постучал в дверь её комнатки.

На стук неторопливо вышел мажордомистый Васька и вопросительно выгнул на меня бровь.

– Ягу можно? – прокашлявшись, уточнил я.

Кот поднял вторую бровь.

– Исключительно в служебных, а не в личных целях. Необходимо помочь с допросом важного свидетеля, а может быть, и подозреваемого.

Чёрный как смоль Вася подумал, поморщил нос и обернулся назад. Моя домохозяйка, тишайше сидевшая у себя у окошечка, так же молча встала и чинно прошла в горницу. Мне же было жестом предложено подняться за котом наверх, в мою комнату.

Собственно, совсем уж отлучаться от участия в допросе я никак не собирался, поэтому уселся на лестнице в надежде хоть что-то услышать.

Вскоре понятливые стрельцы за шиворот притащили грязно ругающегося дьяка.

– Деспоты сатанаиловы! Сатрапы диавольские! Палачи и душителю гражданских свобод! – надрывался Филимон Митрофанович, разумно адресуясь в потолок.

Наезжай он конкретно на стрельцов, так мог бы и по шеям словить на раз-два, а он у нас в этих делах тёртый калач, зазря не подставляется. Не припомню ни одного расследования нашей опергруппы, чтоб скандальный дьяк тем или иным боком в нём не отметился. Поэтому, как следует себя вести при очередном аресте, он тугο знает...

– Беспредельщики! Хриstopродавцы! Иуды в погонах! За что мя наказуеши, Господи?! За какие грехи в пасть львиную алкающую ввергаеши? Бо есмь дух мой в смятении, а тело хворое, бренное изъязвлено побоями злобными милицейскими! А ще и хулу на мя возводишима, аки в пекле чисто херувиму, паки...

– Цыть, охальник, – кротко попросила Яга, и ушлый дьяк мгновенно заткнулся.

Бабушку у нас вообще практически все слушаются с первого слова, дураки кончились в прошлом полугодии...

– Присел бы ты, Филимон Митрофанович. Ноженьки-то небось не казенные. Может, чайку отведаешь да с ватрушечкой?

– Да уж не откажуся. Ещё потребую и...

– А ну встал! Кто тебе позволил тут расслаживаться, морда уголовная?! – мигом сменила тон бабка, одновременно отыгрывая и плохого, и хорошего полицейского. – Пойдёшь навстречу следствию, будет тебе чай с ватрушкой, а не пойдёшь... Кочергой словишь – и на каторгу Нерчинскую, по этапу, без права переписки!

– Ну вот что с вами, фараонами египетскими, делать будешь? – философски вздохнул дьяк, поправляя спрыгнувшую от страха ермолку. – Попрошай, матушка следственная экспертиза, ответ смиренный как на духу держать буду. А коли хоть словом солгу, дак испепелит меня гром небесный...

– Грома посредь горницы не обещаю, – сурово поправила бабка, – но на пятнадцать суток оприходовать право имею. Давай ври, чего ты там про помершего царя плёл, чем народ смущал, а?!

Филимон Митрофанович перекрестился и начал:

– Вчерась накрыла меня бессонница. Дай, думаю, помолясь, полезным делом займусь, до терема государева прогуляюсь, бумаги проверю, порадею и ночным бдением за-ради нежно любимого отечества...

Эх, ну что тут скажешь? Фальшивые и надуманные объяснения гражданина Груздева могли бы кого угодно поставить в тупик, поскольку наш дьяк лжёт, как дышит. Честное милицейское, редко у кого это дело получается естественнее, чем у этого вечного борца за собственные корыстные интересы...

– И тут вижу, подозрительнейший злодей от калиточки через весь царский двор лыжи вострит. Пригляделся я к нему попристальней, да и ахнул – чистый призрак! Вот клянусь святыми угодниками, вылитый ваш покойничек. Дай бог ему царство небесное, Никите Ивановичу, душевнейшей теплоты был человек, радость-то какая... – вовремя поправился прожжённый аферист в рясе. – В смысле, говорю, трагедь-то какая, а?! Тока был он почему-то в бабском исподнем, и у меня от того ажно чуть сердце в пятки не упало, потом задержалось где-то выше колена, ниже пупка и уж там забилося-а...

Не знаю, как Яга, а вот лично я краснел, как первокурсник на дискотеке выпускниц в общежитии мединститута, куда парни не пошли, потому что курили в туалете, и девушки отрывались по-своему. Знаете, когда они не думают о том, что говорят...

– Хорошо, может, я и поверю, что тебе, коту нашкодившему, за орехи подвешенному, наш светлый участковый и привиделся в пьяном угаре. Но с какого ж бодуна ты, извращенец в ермолке, с бородёнкой козлиной да мозгом бараньим, государя-то там углядел, ась?!

Как я понял, дьяк в явлении царя Гороха так уж сильно уверен не был. То есть видеть-то видел, но вот умом поверить в то, что всеми любимый царь-батюшка шастал по собственному подворью в женской ночной рубашке, это уже слишком...

– Пил вчерась?

– Нет. Ни стопочки не пригубил.

– Врёшь, зараза!

– А чего сразу ругаться-то?! – вспыхнул гражданин Груздев. – Ну ежели и принял на грудь литр-другой... третий, так не за-ради чревоугодия, а причины избавления от бессонницы для!

Вопрос, с чего он вообще туда попёрся, даже не стоял. Дьяк задержался дольше, чем рассчитывал, разбирая царские бумаги. Прямым текстом это значило: занимался приписками, подтирками и подтасовками, выгадывая себе пять-шесть лишних монеток к жалованью. Ну и там, сами понимаете, чисто случайно углядел с высоты второго этажа нашу телегу опергруппы со стрельцами на борту. Вроде как решил вежливым образом спуститься, поздороваться, но вдруг увидел идущего от калиточки призрака в белой милицмейской фуражке.

– Так вот, пошёл я за ним, грешником, тихохонько. Думаю, мается, видать, щас сзади подкрадусь да как дуну в ухо, он и развеется. А тут участковый свечку зажёл с огоньком зелёным, по всему видать, сатанинское изобретение... Ай! Чего ж дерётесь-то, бабушка?

– Да так, рука случайно сорвалась, – даже не извинилась Яга. – Но ты продолжай, продолжай...

Поразительным оказался тот факт, что Филимон Митрофанович призраков совсем-таки не боится. Ну ни на грош! То есть вполне готов к общению с духами умерших, не испытывая ни малейшего страха к жителям потустороннего мира. Подозреваю, у него на это просто фантазии не хватает. Надо было хоть укусить его в прошлый раз для порядку, чтоб впредь не пристававал к безвинно блуждающим душам усопших...

– Иду я за ним коридорами подвальными, слежу за ним, а он, супостат, возьми вдруг да и провалился на ровном месте! Исчез, как не было, и серного запаха после себя не оставил! Я так, порядку ради, дверцу железную толкнул, да она вдруг открытой оказалась. Я туды нос тока сунул, а та-а-ам... цельных два привидения! Сыскной воевода да наш надёжа-государь! На полу сидят, в картишки дуются! И ведь чё особенно поразительно-то, оба в бабских ночнушках...

В общем, хвала всем богам (языческим, скандинавским, древнерусским и до кучи половине индусского пантеона), взбудораженный видениями дьяк ничего толком не помнил, щедро смешивая реальность с отсебятиной. Его можно было понять: от одного вида нашего весёлого Гороха с бородой и в пеньюаре серьёзные проблемы с психикой обеспечены на годы. У меня и то шок был...

– А тока меня ить ещё любопытство мучит, – вновь начал дьяк, видя, что Баба-яга несколько призадумалась, ища выход из некрасивой ситуации. – Гроб в сенях стоит, венки люди понатаскали, а где ж у вас сам покойничек? Глянуть бы...

– Тебе зачем?

– Дык хоронить-то на третий день положено, а чегой-то никто и не чешется.

– Милиционеров, не как нормальных людей, на четвёртый день хоронят, – сквозь зубы процедила бабка, максимально драматизируя сцену. – Да в закрытом гробу, в полночь, за церковной оградой, в неосвящённой земле, тока при своих. А всех свидетелей в погребальный костёр кидают и пляшут голыми вокруг огня...

– Ох ты ж срамотень какая-а, прости мя, Господи, грешного, – искренне, с придыханием, вдохновился старый скандалист. – А посмотреть-то можно? Ну хоть одним глазком, из кустов ракитовых, я опосля никому ничего не скажу...

– Ясное дело, коли подсмотришь, так уже не скажешь. – В голосе Яги проявились опасные нотки, и дьяк сразу всё понял.

– Убивают! Спаситя-а! Милиция экспертизная загрызает, аки хищники нероновские первых великомучени-ко-о-ов!!!

– Пошёл вон.

– Иду, – мигом прекратил орать гражданин Груздев.

– И чтоб у меня...

– Молчу, как петух в архиерейской ухе на Великий пост, – тишайше поклялся Филимон Митрофанович и, судя по хлопку воздуха, просто испарился из отделения.

На деле он, естественно, просто слинял с похвальной скоростью оповещать весь город о том, что милиционеров-де не по-христиански хоронят, а стало быть, милиция та не от Бога-а-а...

Мне даже показалось, что я это реально слышу, но, видимо, так, слуховая галлюцинация. Кто-то из дежурных стрельцов постучал в оконце, жестами докладывая, что банька готова. Моя домохозяйка, погружённая в мысли свои девичьи, так же молча принесла мне пару нижнего белья и большое расшитое полотенце. Со мной опять ни слова...

Надеюсь, её молчание не затянется слишком надолго, потому что я уже начинал нервничать. Вдруг бабка за что-то на меня крепко обиделась и теперь будет играть в молчанку аж до Нового года? С неё-то станется, но вся работа отделения насмарку!

Ладно, схожу в баню, размякну, приведу голову в порядок, а потом на всякий случай торжественно извинюсь перед старушкой пару раз, с меня не убудет. С этим и пошёл мыться...

– Митя, как парок? – с улыбкой спросил я, прикрывая за собой дверь и входя в предбанник.

Мой двухметровый напарник, голый, как Геракл, и красный, как конь Петрова-Водкина, встретил меня с шайкой кипятка в руках и подозрительно смущённым взглядом...

– Дык... ничё вроде парок. Заходите уже, Никита Иванович, всю баню выстудите.

– Это что?!! – едва не самым девчоночьим фальцетом взвизгнул я, замирая на пороге.

– Где?

– У тебя!

– У меня?! – Он зачем-то посмотрел на свою задницу слева и справа. – На чёй-то вы тут намекаете, нет у меня ничего такого...

– Не у тебя, естественно, а рядом с тобой! – наконец-то овладев нормальным голосом, прорычал я, тыча пальцем. – Вот это что?!

Митя обвёл невинным взором семь мёртвых кур, рядочком лежавших

на лавке для мытья. Мокрые, грязные, с высунутыми язычками, вытаращенными глазками и в таких мудрёных позах, что любой сингапурский йог от зависти все ногти сгрызёт.

– Эти, что ли?

– Да, Митя, эти! Я именно эту домашнюю птицу и имею в виду. Что здесь произошло? Откуда цыпочки в бане? С каких пор ты стал маньяком-некрофилом-извращенцем-куроцапом, а?!

– Последние четыре слова повторите, Христа ради, ничё не понял... – попросил он.

– Что ты делаешь в бане сдохлыми курами?! – взвыл я, поражаясь его трогательному тупоумию.

Митяй сообразил, что сейчас словит от меня тем же тазиком по лбу, и перестал прикидываться шлангом.

– Всё по слову вашему исполнял же! Как только вы приказали баньку топить, так я и приступил к исполнению задания служебного со всем моим рвением! Дровец наколот, печь затопил, за водицей с ведрами пошёл, да вдруг вижу, у колодезя курица на спине лежит, лапкой вздрагивает. Подошёл поближе, носком сапога в бок пнул аккуратненько, так она возьми да на пузо перевернись и сдохни! Думаю, вот уж Бабуленька-ягуленька огорчится, когда проведаёт. Глядь-поглядь по сторонам, а у забора-то, под вашим окошечком, энтих курей видимо-невидимо! И ведь все как есть дохлые...

– Хм, задачка, – призадумался я. – Одновременная скоропостижная смерть сразу семи кур. Кому оно надо? Может, их мор какой накрыл или массовое самоубийство? Ну там на почве обоюдной ревности к нашему петуху...

– Вот это запросто, – поддержал меня голый Митька. – Я самолично не раз видел, как он на соседний курятник заглядывался. А потом ещё на ворон посматривал, эдак из-под гребешка, многозначительно. Они уже и бояться его стали, летят с нашей крыши от греха подальше...

– Но вернёмся к теме. Ты на фиг ж эту дохлятину в баню-то притащить додумался?

– Спрятать. Вдруг бабуля из терема выйдет да углядит, что куры её любимые нехорошей смертью померли, и ведь что подозрительно, аккурат под вашими окнами, а?

– Разговор был бы серьёзный, – кусая губу, признал я. – Но сам петух, зараза, цел?

– Цел, зараза!

– Нет в жизни гармонии.

– Увы и ах...

– Ладно, Мить, быстренько вынеси все трупы во двор, пусть за банькой полежат. А то устроил тут какой-то птичий морг. Я, между прочим, помыться хотел.

– Да за-ради вас в единую минуточку! – радостно подскочил он и, сгребя дохлых хохлаток в одну кучу, кинулся исполнять.

Конечно, мыться и париться в такой бане меня бы никто уже не заставил. Так, поплескал слегка на плечи горячей водичкой, кое-как вытерся полотенцем, надел чистое бельё и вышел из бани как раз в тот момент, когда четверо стрельцов заносили в терем распростёртое тело бабки.

– Что случилось?!

– А это ты у своего напарника спроси! – зло бросил мне Фома Еремеев. – Довёл, дурачина, пожилую женщину, вот она и откинулась...

– Умерла? – ахнул я.

– Да типун тебе на язык, участковый! Жива! В обмороке только. Беги в дом, помаши над ней платочком, глядишь, и оживёт. А парня твоего пороть бы надо!

– Мы порем, – бессильно соврал я, ища взглядом Митю.

– Мало порете, – уверенно подчеркнул начальник стрелецкой охраны. – Хозяйка твоя, потягиваясь, из терему вышла освежиться, к уборной прошла да вдруг как заорёт! Мы к ней, а она уже лежит на земле сырой, руки в стороны, пятки врозь, а из-за уборной эта коломенская верста зубы скалит. Главное, сам голый, а в обеих руках по дохлой курице.

– Да-да, я в курсе. Но их вроде должно было быть семь.

– Дак остальных он уже в уборной утопил! Ты б, Никита Иванович, ещё разок подумал, кого в отделении держишь? А ну как он с кур безвинных на людей перейдёт?! В общем, задержали мы его до выяснения...

Я от всего сердца поблагодарил за совет и участие, попросил доставить Митю ко мне в горницу и бегом кинулся выяснять, как себя чувствует наша впечатлительная эксперт-криминалистка. Какой-то сегодня нервный денёк, не находите?..

Яга, видимо, пришла в сознание быстро, поскольку, пока я сбегал к себе наверх, переоделся и вернулся в горницу, она уже сидела у окна, скорбно вытирая слёзы платочком. Чёрный кот Васька героически подливал ей валерьянку в кружку и утешающе гладил по плечу. Бабка подняла на меня слезливый взгляд.

– Вот за что он со мной так, Никитушка, а?

– Бабуль, вы не... – попытался ответить я, но кот показал мне кулак и сделал страшные глаза – молчи, мол, дай пожилой женщине выговориться.

– Я ить их с цыпляток взрастила, всех по имени звала: Хохлатушка, Марфочка, Репка, Соплюшка, Кокетница, Поганка, Софочка. А он их... убивец... за что?! И кормила его, и поила, и спать в сених укладывала, и плюшками баловала, а уж коли когда и заколдовывала под горячую руку (мой грех!), дак ить и расколдовывала сразу же. Часок-другой спустя... но ить не по злобе! А тока в воспитательных целях, его же блага ради...

– Бабуль, – второй раз попытался вклиниться я.

– Вот что, Никита, судить мы его будем, – твёрдо сказала Яга, обращаясь даже скорее к самой себе, чем ко мне. – Щас стрельцов во свидетели кликну да и расстреляем подлеца у ворот. Я ему смерти моих курочек нипочём не спущу.

– Хорошо, – сдался я. – Суд так суд. Зовите Еремеева, будет у нас судьёй. Вы – обвинителем, я – защитником.

– Ты... так ты его ещё и защищать будешь?! – вспылила легковоспламеняющаяся бабка, но я стоял на своём.

– У каждого преступника должен быть защитник. Если своего адвоката нет, значит, предоставит государство. Государство у нас – царь, считайте, что он назначил меня.

– Да почему ж тебя?

– Ну не из боярской же думы кого-то звать.

– Так с чего ж ты? Вона пуцай ему мой Васенька защитником послужит! А я не обвинитель, я сторона пострадавшая. Я туточки вообще на лавочке сидеть буду, слезами на пол капать, сочувствие у вас, чурбанов, вызывать...

В общем, суд над Митей кончился не начавшись, потому что у меня вдруг появилась неожиданная идея. Я метнулся во двор, пошарил под своими окнами и через пять минут положил на стол чудом уцелевший хвостик от яблока. Суровая бабка надела очки и подняла на меня недоумевающий взгляд.

– Улика, – пояснил я. – Тут такая ситуация... Вы только не кричите сразу. Похоже, не Митя, а я виноват в смерти ваших ку...

– А-а-а-а-а!!!

– Вась? – Я подмигнул коту, и он мигом засунул моей домохозяйке в рот ложку с валерьянкой.

– Короче, утром меня ни свет ни заря разбудит ваш петух. Я спросонья бросил в него яблоком. Но вы ведь мне его на подоконник не клали, верно? И я не клал. Откуда там снова взялось это яблоко?

Яга вопросительно выгнула бровь и понятиливо закивала, не выпуская ложки из зубов.

– Я о нём только сейчас вспомнил. Сбегал, посмотрел, пошарил на месте преступления. Там куча куриных следов, видимо, они его просто склевали толпой и... Скорее всего, меня опять пытались отравить, но, увы, пострадали ваши Хохлатка, Марфочка, Свёколка...

– Репка, – на автомате поправила Баба-яга. – Не трави душу перечислениями. Митеньку кликнешь?

Я мысленно перекрестился, понимая, что гроза миновала.

Вошедший Митя получил пару сухих поцелуев в щёки, благодарность за перенос курочек в баню и два крепких подзатыльника за утопление тех же дохлых кур в сортире. Наш младший сотрудник ушёл с гудящей головой, но очень счастливый тем, что хоть доставать обратно не заставили. Мы же с подуспокоившейся Ягой сели за чай с мёдом и облепиховым вареньем.

Время двигалось к обеду, а надо было решить ещё много вопросов. Что делать с женихами? Где искать меч? Как выкручиваться из некрасивой истории с моими похоронами? И самое главное, как бы побезобиднее обставить моё воскрешение, чтоб и церковь не обидеть, и горожан параллелями с Христом в искушение не вводить? Последнее, кстати сказать, сложнее всего.

В целом народец у нас простодушный, социально активный, а потому на всякие чудеса падкий. Хотя аферистам вроде Чумака или Кашпировского в Лукошкине делать нечего – тут в заряженную воду не верят, а тех, кто чудесатит без благословения церковного, ловят и бьют смертным боем, чтоб впредь неповадно было.

Мы пару раз одного такого умника в отделении прятали. Первый раз его кузнецы принесли с полутораметровым ломом, завязанным в узел на шее за то, что у одного мастера дочку учил, как грудь нарастить. Надо, дескать, поутру на улицу выйти, покуда никого нет, на травке прилечь, а голые груди под первые лучи выставить, приговаривая типа «как трава-мурава расти, так и грудь девичья расти высока да кругла, как то солнышко!».

Она, дура, в пять утра вышла, легла на газон под батькиными окнами, а в пять пятнадцать её родители в храм, на заутреню, с домочадцами собрались. Искали дочку по дому, не нашли, а потом матушка окошко распахнула, а там... Сами понимаете, то ещё шоу гёрлз!

Короче, не убили его, и уже праздник. Но второй раз он к нам сам прятаться прибежал: добродее бабы у колодца коромыслами отходили.

Сейчас даже не вспомню точно, за что они его, но вроде он им воду заговором омолаживал. Дескать, заговорённой водицей в лицо плеснёшь и пять годков скинешь. Так одна дура сразу лицом в ведро окунулась от всей широты души! Ну что сказать? Потекла древнерусская косметика – с бровей сурьма, с ресниц сажа, с румяных щёчек свекольный сок. Бабы, как эту африканскую маску увидели, так и взялись с матом рукава закатывать, со всей женской солидарностью...

Мужичок тот от нас утром ухромал, по деревням чародейные советы продавать, наивный. Больше мы его не видели, надеюсь, хоть живой и переквалифицировался в управдомы...

– Вот что я тебе скажу, Никитушка, – решила Яга без всяких объяснений, сменив гнев на милость и возвращая наши крепкие доверительные отношения. – Никак нельзя тебе прямо сейчас воскресать.

– В смысле?

– Хоронить тебя будем.

– ...?! Я пр... против! Я ещё не...

– Глупый. – Баба-яга ласково постучала мне кулачком по лбу. – Да мы ж тебя не всерьёз похороним. Так, полежишь пару-тройку часиков в гробу для порядка, чтоб народ тебя видел, крышку забьём, в обед закопаем, а ночью и выкопаем!

Я сделал отчаянную попытку сбежать, но, увы, безуспешно. Бабка ловко подцепила меня клюкой за ногу и уронила на пол, а там уже кот Васька деловито закатал меня в вязаную ковровую дорожку. Оставалось чихать от пыли и мстительно раздувать щёки.

– Я ить как мыслю, сокол ты наш ясный, – спокойно, словно бы ничего не случилось, продолжила моя милая домохозяйка. – Вот оживи ты сейчас, так что будет? Праздник всенародный на всё Лукошкино с окрестностями! Люди на радостях в недельный загул пойдут, базар замрёт, работа встанет, мужиков из трактира не выгонишь, семьям сплошной раздор и поругание! Но ещё хуже, что вор таинственный на дно заляжет, и тогда мы энтот меч проклятуций до морковкина заговенья искать будем. Соображаешь?

Логика в словах бабки, конечно, была. Хромая, кривая, косая, спорная, женская, но была, тут против не попрёшь. Идея о том, чтоб затаиться и дать вору расслабиться, мне даже понравилась. Правда, отравитель вроде бы в курсе, что я жив. По крайней мере, пережил первое яблоко и не был добит вторым...

– Ладно, как вариант допускаю. Но пусть похороны будут тихими и незаметными. Не хватало ещё крестный ход с попами и старушками-плакальщицами на кладбище устраивать...

– А вот про энто, касатик, не тебе судить! – мечтательно выдохнула Яга. – Но не изволь сумлеваться, похороны мы тебе справим в наилучшем виде, опыт есть...

Я понял, что спасения нет, бабка уже настроилась и обманывать ожидания честной публики не намерена. Тем более включая все многочисленные пожертвования «за упокой души сысского воеводы», которые, как я полагаю, ещё изрядно пополнятся за сегодня-завтра.

Яга решила походить в чёрном, потому что это стройнит и скорбь ей к лицу. Верный Митя будет делать, что сказано. Ну, в своей своеобразной манере, разумеется, но открыто против бабки не пойдёт. Привлекать к нашим маленьким разборкам сотника Еремеева со стрельцами тоже не хочется, некрасиво это. Остаётся ещё пара нерешённых вопросов, но в целом моё вынужденное решение вызрело...

– Я согласен. Развяжите.

Яга подмигнула коту, и в четыре оборота на полу меня выпустили на свободу. Ваське счёт будет предъявлен потом, дайте срок, пока же вернёмся к делам служебным.

– Меня видели все трое женихов.

– Да тьфу на них! Кто ж им, пьяницам заграничным, поверит? А ежели что, Митенька каждого поодиночке выловит и припугнёт...

– Это он может. Вариант, – согласился я, садясь за стол. – Ещё царь в курсе, что я жив.

– Государь, поди, не выдаст...

– А царевна Марьяна?

Теперь крепко призадумалась бабка. Запугать можно мужчин, тем паче приезжих, никакими правами и льготами они у нас в Лукошкине не обеспеченные. Случись с ними что, будет мелкий дипломатический скандалчик, выдача тел, публичное наказание «виновных», ну и, может, ещё маленькая контрибуция с извинениями и уверениями в вечной дружбе. Наша боярская дума такое умеет и любит.

Но вот как заставить молчать троюродную сестру самого царя? Уж она-то не станет играть в закулисные игры, а будет требовать подать ей обещанный турнир с выбором претендента, свадьбу, белое платье, хор детишек, умилённые слёзы подруг, подарки, пьяного тамаду, похищение туфельки, торт на сто пятьдесят персон и всё такое.

Как это участковый умер?! Да он ещё вчера был жив и мне обещал! Верните дяденьку милиционера-а-а!!! А не то реветь буду! И будет, ещё как будет...

– Марьянку я на себя беру, – наконец решилась бабка. – Не могёт того

быть, чтоб я девку молодую, сопливую, на ум-разум не наставила. А ты давай...

– Минуточку, – перебил я, выглядывая в окно. – Там какой-то шум у ворот.

– Господи Иисусе Христе, – почти простонала Яга. – Вот ещё кого нам не хватало, так тока юродивого! А ведь и не прогоним же, святой человек, грех на нас будет...

Я знал его. Тихий юродивый Гришечка, седой как лунь, волосы немытые, лохмы ниже плеч, возрасту неопределённого, где-то между восемнадцатью и сорока пятью, борода коротенькая, растёт кустами, ногти длинные, грязные, одет в драную рубашку ниже колен и вериги. Это что-то вроде кандалов, но ещё с пудовыми крестами, у Гришечки их пять, разнокалиберных, медных и чугунных. Ко мне он всегда относился с явной симпатией, но чтоб вот так, запросто, зайти в отделение – это в первый раз...

– Мне опять наверх? – быстро сообразил я.

Бабка рассеянно кивнула. Обманывать юродивого нельзя, это как насмешка над божьим человеком, Господь не обрадуется и накажет по башке. А с другой стороны, Гришечка ведь врать не умеет и секреты не хранит, что где узнал – так всему честному народу и лепит с ближайшего забора, как Ленин с броневика. Узнает, что я жив, так в течение часа радостно оповестит об этом всё Лукошкино! И вот уж ему-то, не то что Марьяниним женихам, все поверят...

Стрельцы сопровождали юродивого гостя со всяческим почётом, с поклоном встретили, дверь перед ним распахнули, всё по уму и уважению. Баба-яга так же приняла бомжа-пророка в соответствии со статусом и с горьким видом безутешно-скорбной печали.

– Проходи-проходи, Гришечка. Благослови меня, сироту горемычную, вдову многократную, бабушку одинокую, ветку отрубленную, яблоньку засохшую...

Над последним я хихикнул, зная слабость Яги к лечебным настойкам на спирту. Как говорится, уж кто-кто, а она не даст себе засохнуть!

– Чаю не желаешь ли, Гришечка?

– Нет, благодарствую, бабушка.

– Может, плюшечек свежих али пирогов с капустою? У меня нонче Васенька замечательные пироги испёк, пальчики оближешь!

Это, кстати, неправда, пироги печёт домовой, а бабкин кот их лишь к столу подаёт на расписном блюде.

– Нет, и за то благодарствую, бабушка, – вежливо ответил юродивый. – Мне бы с участковым побеседовать надобно.

– Да ведь... представился он, Гришечка...

– А Господь и не знает...

– Да как же не знает, коли к себе его прибрал, насквозь вражьем яблоком потравленного? – фальшиво всхлипнула Яга.

– Этим?

Стоп! Вот тут уже я сам не мог бы толком объяснить себе, какая сила толкнула меня с лестницы взащей и турнула в горницу на расследование. Видимо, это называется милицейская честь. Слово высокопарное, но другого не нахожу.

– Так, гражданин Гришечка. – Отодвинув в сторону онемевшую бабку, я осторожнейше забрал из рук доверчивого юродивого крупное наливное яблоко. По виду, форме и сорту очень уж похоже на первые два. – Откуда оно у вас?

– Добрые люди угостили.

– Когда?

– Утречком.

– Кто конкретно? Надеюсь, у вас не по Булгакову все люди добрые? Так я тоже книжки почитывал, могу напомнить, чем там вся история закончилась.

– Я на земле сидел, у храма Иоанна Воина, милостыньку просил, – чуть краснея от смущения, ответил наш юродивый. – А мне кто-то яблочко у ног и положил да в толпе скрылся. Я его вслед, не думая, благословил за добрый поступок, а человек вдруг как закричит страшным голосом, как задымится... да и бежать!

– Вы его поподробнее описать можете? – перемигнулись мы с Ягой.

Гришечка виновато развёл руками. Что с него взять, он под такие вещи не заточен, у него мозги по-иному устроены. Если, конечно, вообще есть...

– Гриш, а почему ты решил отнести яблоко в отделение?

– Тебе, сыскной воевода, отдать хотел. Ты умный, ты разберёшься...

– Так ведь я... вроде бы помер по официальной версии.

– А Господь про то не знает, – улыбнулся он. – И мне не сказал. Я-то всех мёртвых вижу, за всех молюсь...

– Хорошо, мы разберёмся, обещаю. – Я протянул руку, и Гришечка с некоторым удивлением и опаской её пожал. – Вы там будьте поосторожней, пожалуйста. Если тот, кто дал вам яблоко, узнает, что вы ходили в милицию... Короче, могут быть проблемы.

Он непонимающе уставился на меня. Потом взял со стола плюшку,

поклонился Бабе-яге, зачем-то мелодично позвенел веригами и вышел вон. На мои слабо издаваемые звуки протеста даже не обернулся. Сумасшедший, в смысле юродивый... да практически одно и то же, что с него возьмёшь...

– Никитушка, я Митю кликну?

– Вы читаете мои мысли, бабуль! – подтвердил я, махая рукой в окно Еремееву.

Минуту спустя бодрый, прощённый и ко всему готовый Митька получил следующее оперативное задание:

– Только что от нас вышел широко известный в городе гражданин Гришечка. Кстати, кто-нибудь знает его фамилию? Нет? Что, вообще никто в городе не знает?! Ну ладно. Мить, ты ведь и без фамилии понял, о ком идёт речь, правда? Вот и отлично. Отправляйся вслед за ним и проследи, чтоб с его головы даже волоса не упало! Он очень ценный свидетель, понимаешь?

– Нешто у меня ума не палата, чтоб такенную малость не понять, – широко улыбнулся Митяй, поигрывая гиреобразными кулаками. – Оглобелку разрешите, спокойствия ради, с собой захватить?

– Одну оглоблю можно, – решили мы с Ягой.

– А ежели что серьёзное, наряд стрелецкий о взаимопомощи просить могу?

– Можешь, естественно.

– А когда их там всех постреляют, дружину государеву в ружьё самому поднимать али сначала до вас, в крови, израненным, доползти?

– Митя, пошёл вон со своими фронтовыми фантазиями...

– Куда прикажете с ними идтить?

– В задниц... За ворота! – так же одновременно запнувшись и так же спохватившись, в один голос определились мы.

Моего деятельного напарника снесло за двери, сбив двух еремеевцев по пути, перекинуло через забор и отправило вдоль по улице с такой скоростью, что любая скаковая кобыла в завидки впасть не постесняется.

Баба-яга стряхнула зелёные искорки с кончиков пальцев и подула на них.

– Да не смотри так, Никитушка, ничего такого не было. Ну колданула вслед разочек, для лёгкости шага, и только! Могла бы и пёрышко для ускорения в нужное место вставить, но не успела...

– Уже спасибо.

– А я про что?!

Мы церемонно пожали друг другу руки. Воспитание Мити – наш

ежедневный крест и святая обязанность, никуда от неё не убежишь и никак не избавишься, приходится с этим как-то жить. Нет, мы покуда справляемся. Где-то через пень колоду, где-то не мытьём, так катаньем, где-то кнутом, где-то пряником, но Митя тоже учится, он не безнадёжен, просто, как бы это выразиться-то поделикатнее... Не в меру активен и безмерно деятелен в том, чего, как правило, не умеет. Зато он с лихвой заменяет знания избытком энтузиазма, а расхлёбывать приходится нам...

– Может, хоть обед накрыть покуда? – после долгой профессиональной паузы предложила бабка.

– Я, пожалуй, за. Но только не на три перемены блюд, а перекусим побыстрому – и за работу. Если на яблоке остались отпечатки пальцев неизвестного дарителя, было бы хорошо всё про него выяснить.

– Эх, Никитушка, сокол ты наш ясный, – споро накрывая на стол, запричитала Яга. – Это ж сколько твержу: дались тебе энти отпечатки пальцев? Что мы с ними делать будем? Как в доказательную базу приобщать? Не верит у нас Горох в твою дактилоскопию...

– Не верит, – кивнул я. – Но за ней будущее. С прогрессом не поспоришь.

– Ну ясно, куда уж нам с сермяжным рылом супротив прогрессу-то...

Бабка даже не спорила со мной, так, слегка ворчала, по-стариковски. На самом деле в её-то годы сохранить физическую форму, здоровый ум, природную интуицию и искреннюю любовь ко всему нашему отделению... Это дорогого стоило! Я ценил её помощь превыше любой другой, и она это знала.

Мой обед ограничился прозрачной куриной лапшой и половинкой кулебяки. Сама бабка скромно сгрызла сухарик с бледным чаем и больше ничего себе не позволила.

Пока я прихлёбывал вкусное и полезное лекарство из большой миски, предатель Васька быстренько освободил большую часть стола и Баба-яга приступила к экспертизе. По-здешнему к банальному колдовству...

– Ой ты, яблочко наливное, весёлое, разбитное! С какой яблоньки скользнуло, во чьи рученьки нырнуло? Кто тебя в ладонях держал, над тобой перегаром дышал? Как на море-окияне, как на острове Буяне да камне Алатырь лежит старая псалтирь, кто её читает – всё на свете знает. Вот и я тебя спрошу, на краешке положу, да ты и не падай – ответом порадуй!

Это то, что я успел записать себе в блокнот. Редкий случай, кстати. Обычно моя домохозяйка бормочет что-то полунеразборчивое себе под нос, абсолютно не задаваясь вопросом о том, что стихотворно-фольклорное

творчество надо собирать по крупицам, беречь и лелеять.

Так в своё время говорила моя потерянная невеста. И хоть воспоминания о ней уже почти не ранили моё сердце, но в памяти ещё жили наши разговоры, телефонные звонки, редкие встречи. Останься я там, в современной Москве, всё могло бы быть иначе, мы могли бы...

– Никитка, ты о чём призадумался-то? – строго вернула меня к реальности Яга. – Куды рот раззявил? Ворон во время экспертизного чародейства ловить? Пиши давай!

Я нервно сглотнул и вновь схватился за карандаш. А ядовитое яблоко повисло над краем стола, словно на невидимой ниточке, и вертелось, как уж на сковороде, вереща препротивнейшим голоском:

– Ничего не знаю, не виноватое я, меня подставили! Нет у вас таких прав, чтоб задержанных пыткам подвергать!

– А разве мы его пытаем? – удивился я.

– Нет, что ты, соколик, – искренне возмутилась бабка. – Тока собираемся...

– В смысле? – Я оторвался от блокнота.

– Да щас его на тёрке натру, с ржаной мукой смешаю, шариков налеплю да и разбросаю по углам в сарае, крыс травить.

– Не посмеете! Я, может, иностранно подданный фрукт, у вас из-за меня международный скандал будет!

– Вася, тёрку подай.

На арену медленно и торжественно, словно палач на церемонии обезглавливания какого-нибудь английского короля, вышел бабкин кот, держа на вытянутых лапках обыкновенную кухонную тёрку.

Яблоко мигом сменило тон.

– Росло на ветке, в церковном саду отца Папуасия, деревня Хмелёвка, что под Охлобыстинкой, три версты не доезжая до Опупеловки, – зачастил наглый фрукт, не дожидаясь наших вопросов. – Сорвано и продано на базаре в Лукошкине вместе с пятью сородичами. Против собственной воли подвержено иглоукаливанию с ядовитым насыщением. Сверху всё из себя расчудесное, тока укуси, а на деле всё нутро гнилое, и гибну само от яда злодейского, как лютик под пятой орды шамаханской!

– Без поэзии можно? – поправил я. – Уточните, кто именно вас купил? Кто начинил вас ядом и было ли дано вам какое-то конкретно-определённое задание по причинению максимального вреда сотруднику милиции, находящемуся при исполнении?

– Я только половину понял, – после секундного размышления решилось яблоко. – Чтоб мне сухофруктом в компот попасть, огрызком

клянусь, что ничего личного супротив милиции не имею! А зачем меня дураку-юродивому в руки сунули, тем паче не ведаю. Нас не по его душу ядом накачивали...

– А по чью? – грозно фыркнула бабка. – Уж не курочки ли мои бедные твоему хозяину бессовестному где дорогу перешли, зёрнышко отняли, в тощий зад клюнули...

– Какие курочки? – на миг запнулось яблоко. – Чё-то я не в теме совсем...

– Хохлаточка, Марфочка, Репка, Соплюшка, Кокетница, Поганка, Софочка...

– Э-э! Бабушка, как вас там, вы что думаете, что, если вы их по именам назовёте, я их в лицо вспомню?! – упёрся болтливый фрукт. – Говорю же вам, ни о каких курах знать ничего не знаю! Нас вон на постояльца твоего фартового готовили. Достал он тут кое-кого...

– И кого же?

– Сказало бы, да имя больно труднопроизносимое. Хозяин загодя предупредил, что ежели только про Коще... – Яблоко поперхнулось, закашлялось и прямо на наших глазах стало вянуть, сжиматься, сохнуть, трескаться, так что меньше чем через минуту на стол упал комок мокрой вонючей слизи, мало чем похожий на бывшего наливного красавца...

– Никитушка, а ты прав был, надо бы нам программу защиты свидетелей как-то сообразить, – задумчиво резюмировала Баба-яга и пошла за тряпкой.

Я же дважды подчеркнул в блокноте последнее слово несчастного. Итак, опять гражданин Бессмертный? Давно не виделись, ещё бы столько не встречаться. Я отложил блокнот и пересел ближе к окну. Мысли крутились вокруг чего-то важного...

Во дворе безмятежно болтали трое дежурных стрельцов, ещё двое стояли на страже у ворот, Еремеева видно не было. Митя, надеюсь, справляется с охраной Гришечки.

Троица женихов пока может быть предоставлена самой себе, им уж никто не угрожает, если только по пьяному делу в кабаке на затрещины не наткнутся.

По идее надо бы обо всём доложить Гороху, но у меня в голове пока никаким боком не связывались два покушения на мою жизнь, кража мечакладенца и отпечаток...

О! Надо же, о нём-то я совсем позабыл!

– Бабуль, а что у нас по поводу того отпечатка свиного копыта, что я видел в царском подвале?

– Думаю покуда... – уклончиво ответила моя домохозяйка.

– Ладно. Нам бы ещё надо с государем переговорить. Выяснить, какая сейчас обстановка на его территории. И ещё вы обещали царевну Марьяну нейтрализовать.

– Чего?! – вспыхнула стыдливым румянцем бабка. – Нет... лизо... лизовать я у ей ничего не буду! И по молодости такой срамотой не маялась, а уж в седые годы так подавно не оскоромлюсь!

– Да я не в том смысле...

– Молчи, охальник! Ещё раз такое мне предложишь, я ить не посмотрю, что тебя сам царь сюда квартировать поставил, – такого пинка коленом дам, отсель до дворца шаха персидского лететь будешь, безобразник!

С большим трудом мне удалось успокоить Ягу, сто раз объясняя, что в слове «нейтрализовать» никаких неприличных смыслов нет, по определению не заложено. Хорошо ещё наша эксперт-криминалистка натура вспыльчивая, но отходчивая и почти всегда склонная к примирению сторон. Просто какие-то современные словечки ей приходится по пять раз растолковывать, пока поймёт. Да что там, помню, выразился разок о Горохе, в смысле, что мне «удалось склонить его к компромиссу». Вы не поверите, она нас с ним неделю во всех содомских грехах подозревала! Ладно, проехали...

– Никитушка, соколик, ты б отошёл от окошечка-то. Не дай бог, какая зараза тебя случайно углядит, а?

– Бабуль, вы уж честно скажите, чего боитесь...

– Я боюсь? Кто, я?! Да ты ещё мамкину титьку не бросил, когда я уже с такими-и... с богатырями, царевичами, королевичами один на один выходила! И всех, всех к ногтю ставила! – грудью попёрла на меня Яга, но как-то не очень уверенно.

– Вы боитесь, потому что не знаете, как отравленное яблоко дважды попало в дом. Думаете, в следующий раз отравленным может оказаться что угодно: и щи, и каша?

Бабка замерла с открытым ртом. Я подошёл и молча обнял её за плечи. Ягу била нервная дрожь. Мы оба чувствовали себя полностью беззащитными перед таинственными злодеями, способными легко подсунуть ядовитый фрукт (да что угодно!) в наше тихое отделение.

– Я попрошу Еремеева усилить наряды стрельцов. Может, нам ещё Ваську пустить по крышам ходить ночным дозором?

Последнее было чистой воды попыткой мести предательскому кошаку за завёртывание меня в коврик, но оно сработало...

– Энто хорошая мысль, Васенька помочь не откажется. А вот к стрельцам у меня доверия нет. Раззявы они, только Фому и слушаются, а попроси дровишек наколоть да колодец почистить, сразу службой своей прикрываются.

– Ну вообще-то чистка колодцев не входит в круг их прямых обязанностей, – взвешенно прикинул я. – Вам Митя помогает, он у нас на все руки. Но вернёмся к делу. Понятно, что наш таинственный отравитель не остановится. Значит, будем принимать все меры возможной самозащиты, однако...

– Что, Никитушка?

– Вы так и не ответили – этот отпечаток в гороховских подвалах, он чей? Ну хотя бы чисто гипотетически. Ведь не свинья же там дрессированная разгуливала...

Яга нерешительно опустила взгляд, поджав губки. Сколько знаю бабу, это для неё более чем нехарактерное состояние. Она у нас всегда бодрая, активная, деятельная и очень энергичная старушка. Чтобы хоть чем-то её напугать, это ж о-го-го как постараться надо. А тут молчит и, главное, боится...

– Повторяю свой вопрос, кто...

– Бесы.

– ...кто способен проникнуть на территорию отделения, чтобы...

– Бесы.

– ...оставить на подоконнике очередной отравленный плод местного садоводства. А следовательно...

Баба-яга молча прикрыла мой словесный поток сухонькой ладошкой и ещё раз, кажется в третий, терпеливо напомнила:

– Бесы, говорю тебе! Тока они, поганцы, на такое и способны.

– Бесы – это вроде чертей или шамаханов?

– К шамаханам ближе, – подумав, подтвердила Яга. – Черти, они твари солидные, где попало не светятся, на всякую ерунду не размениваются. Могут при кузне жить, могут при мельнице, а есть и такие, что свои поместья держат, во дворцах да теремах княжьих шику-шикотану дают! Ни деньги, ни слава им не интересны, они всё лишь души человеческие скупают. Милей грешной души для чёрта ничего нет!

– А бесы? – напомнил я, потому что бабка явно ударилась в романтические воспоминания.

– Эти рангом помельче будут, хоть внешне и похожи: рога да копыта, хвост, нос пяточком свинячьим. А тока на продажу души человека склонить у беса кишка тонка. Вот и берутся они за всякие мелкие пакости, так что

меч скрасть али яблоко отравленное подсунуть – это их работёнка, им оно на раз с левой ноздри через правое колено высморкаться!

– А как же...

– Личины бес менять может, а хвост, рога да копыта не сможет спрятать. Потому ходит в шапке по самые брови, в чёрных сапогах и длиннополой одежке. Видать, одного такого-то наш юродивый Гришечка в спину и благословил, аж дым пошёл...

– Получается, благословение действует против бесов?

– А энто смотря от кого. От меня, тебя да хоть и от царя Гороха благословение большой силы не возымеет, ибо грешные мы. О мирском животе заботимся, а не о жизни вечной, небесной. Вот Гришечка – это да! Ну, думаю, ещё и отец Кондрат по-своему сподобится, этот если уж приложит, так приложит, никакому бесу мало не покажется...

В общем, как я её понял, черти – это что-то вроде адского спецназа, элита элит, а бесы приблизительно как ВДВ – морда в цветах, задница в мыле. И потому хлопот с ними во много раз больше, а выхлопа (то есть практического результата) меньше, и ловить эту преступно-активную шелупонь себе дороже.

– Не спорю, вам виднее, но... Мы что же, будем теперь терпеливо ждать, пока нам не только яблоки отравят, но и весь колодец, например?

– Надобно ложку серебряную в воду опустить да и посмотреть: ежели за час почернеет – значит, есть в ней яд!

– Бабуль, вы сейчас издеваетесь, да?! Мы что, теперь во всё что можно будем серебряные ложки на час втыкать? А если мне элементарно умыться надо или зубы почистить? А если я...

– Да тьфу на тебя, привереда! Вот не можешь часок потерпеть, да?

– Могу. Но на всё про всё у нас никакого серебра не хватит, – уверенно добил я, развивая наступление. – Всё это однозначно не вариант! Я не намерен ждать, пока какие-то козлоногие недомерки на фиг потравят нам всё отделение. Мы – милиция! Орган охраны правопорядка, нас уважать должны. Иногда кое-кто – даже побаиваться. Подчёркиваю, не все! Но нарушители обязаны.

– Ты к чему энто, соколик, на банальности перешёл?

– К тому, что не мы от бесов серебром защищаться должны, а они от нас прятаться. Иначе арест, суд, каторга и рогами лес на Сахалине валить, пока пятнадцатилетний срок не отмотаешь. Так яснее?

Бабка надулась. Не потому что я был неправ. Просто, как я понимаю, ей сложно было найти нужное средство для защиты всех служащих нашего отделения. Не только меня и Мити, а ещё и еремеевской сотни. Как бы Яга

ни выёживалась, надевая греческую маску холодного равнодушия, она чисто по-матерински переживала за всех нас, и это доказательств не требовало...

– Бесу промеж ног нашей охраны прошмыгнуть – раз плюнуть, – сдалась наконец она, утомлённо растирая виски. – Вася их чувствует, ровно мышей, когда не спит, но ить на него одного тоже надежды мало. Может быть...

– Что? – с надеждой вскинулся я.

– На водку бесы падки. Вот думаю: прокрадись бес в твою горницу, чтоб третье яблоко подложить, да и увидь, что ты весь как есть пьян в стельку... Нешто удержится от того, чтобы тебе горло не порвать да алкогольной кровушки не хлебнуть, а?

Мне стало дурно. У меня вообще богатое воображение, в милиции такое не приветствуется. Просто насмотрелся в своё время голливудских ужасиков, снимать они их научились, поэтому и яркие предположения бабки насчёт бесовского интереса к пьяному мне доброжелательного отклика на попробовать не вызвали. Уж извините...

– А ежели б ты не пьян был, Никитушка? Ежели б притворился? Да мы б, поди, беса этого заарестовать сумели. Раз-два, а вот она, пропажа царская, заветный меч-кладенец! Тут и царевну Марьянку замуж бы выдали, и сами зажили без проблем, в тиши да на законных лаврах почиваючи, ась?

– Ваши предложения представляются мне несколько непродуманными, – скрипнув зубом, согласился я. – Но можем рискнуть. В конце концов, пора кончать с этой опасной неопределённостью. Третье отравленное яблоко я заставлю сожрать с семечками того, кто его мне на подоконник притаранит. План действий?

Яга одарила меня заговорщицким взглядом и зашептала на ухо. Сохраню интригу. Тем более что пока и сам не знаю, увенчается ли наше предприятие успехом. Ну, в том плане, что ведь нет никаких гарантий, что и сегодняшней ночью мелкий бес на свиных копытцах припрётся к нам со свежеотравленным фруктом...

– Да, кстати, а что насчёт Кощея? Как я понял из допроса яблока, бесов нанял именно он...

– Погоди судить, сокол ты наш участковый, – попридержала меня Яга, хотя именно она выступала первой главной обвинительницей гражданина Бессмертного во всех грехах. – А ты в оконце-то глянь, никак опять Митеньку привели, а?

Я осторожно сунулся к окну и тут же дал задний ход. Нашего

младшего сотрудника доставили богомольцы. Если точнее, то восемнадцать разновозрастных старушек от семидесяти и выше, все в чёрных платочках, видимо, вдовы, с иконками на груди и горящими взорами.

– Юродивого обидел! Сильничать хотел! На Гришечкину честь позарился, содомец милицейский!

Ну да, припомнил я свою учёбу в школе милиции, тоже верно, как нас только не называли лихие водители и подвыпившие хулиганы! Однако интересно, что же такого Митя с Гришей учудили, чтоб спровоцировать такую бучу? Стрельцы привычно приняли с рук на руки исцарапанного, как кот в марте, Митеньку, а богомольщиц вежливо попросили за ворота.

Бабульки, конечно, подняли вой, требовали сей же час поднять меня из гроба, на их негодование полюбоваться, а потом всех нас под суд отдать, а отделение официально обозвать Гоморрой и спалить к еловым шишкам, от греха подальше. Но тут на крылечко вышла Яга, цыкнула, показала зуб, взяла у ближайшего стрельца тяжеленную пищаль и для острастки пальнула в воздух. Богомольных старушек стайкой снесло через забор, вот уж кто бы ожидал в их возрасте такой прыти...

Наш младший сотрудник умылся у колодца, кое-как привёл себя в порядок и постучался с докладом по существу. Лицо у него было очень обиженное...

– Как у Митьки на носу черти драли колбасу, – без малейшего сострадания, издевательски добила Яга. – Ну ладно, с заданием не справился. Миром с богомольцами договориться не смог, тоже ладно. Но чтоб сотрудник милиции от хромых деревенских бабок сбежать не смог... Позор на всё Лукошкино!

– Да будет вам, – вступился я, хлопая парня по плечу. – Ему и так сегодня досталось, сначала чуть вы не убили, потом эти пожилые феминистки церковного толка. Тем более что ничем таким предосудительным они с Гришечкой стопроцентно не занимались...

Митя опустил голову и покраснел.

– Занимались, что ли?! – не поверил я.

Митя кивнул, полыхая ушами, как двухметровая морковка. Бабка перекрестилась и рухнула на скамью. Кот бросился обмахивать её тряпочкой. Я с трудом сглотнул, мысленно проклял всё на свете, поискал, когда же мы просмотрели зачатки нестандартного поведения нашего товарища по службе, и сел.

– Объяснительную напишешь, и уволен.

Он торопливо кивнул, разворачиваясь к дверям.

– Стой. Сначала дай честное милицейское, что врать не будешь.

– Чтоб меня в лондонской полиции Бобби звали, – побоялся он одной из моих шуточек.

– Тогда расскажи нам всё.

– Ну я... ить... это...

– Митя, – я встал и строго взглянул ему в глаза, – у меня ощущение, что истина где-то рядом, но ты её не узнаёшь или как-то не так понимаешь. Поэтому забудь все латинские слова и просто, по-русски, расскажи нам, как прошло твоё задание по ненавязчивой охране гражданина Гришечки? Блин, да хоть кто-нибудь знает его фамилию? А то неудобно уже...

Фамилию мне так и не сказали – как вы поняли, никто её не знал, – но протокол Митькиного допроса был приблизительно следующим...

Наш недалёкий герой честно ходил за юродивым, максимально стараясь не привлекать к себе внимания. Что очень трудно при его габаритах и неусмиримой молодёжной смекалке. Но он выкрутился... В смысле, что смекнул Митя: для лучшей охраны Гришечки надо просто идти за ним шаг в шаг и бдить по сторонам в поиске незримых врагов. Юродивый сначала воспринял всё это как детскую игру и с удовольствием бегал от него туда-сюда, беззаботно веселясь, когда Митя, пыхтя, перелезал плетни и заборы или уворачивался от цепных псов, которые на него бросались, а божьего человека не трогали. Потом Гришечке развлечение надоело, и он нашего героя прогнал. Ну то есть поклонился в пояс и вежливо попросил отстать «ради всего святого»...

– А ведь у меня приказ! – горько всхлипывая, продолжал рассказывать Митяй. – Ему-то что, юродивый себе куда хошь идёт-бредёт, веригами гремит, о безопасности не думает, а я ж вашу начальственную волю не исполнить не могу! Уж он и гнал меня, и ругал, и просил, и всякой дрянью кидался, да потом как побежит, тока пятки грязные мелькают! Я за ним. А у храма Петра и Павла богомольцы стоят, приезда святой иконы с самого Афону дожидаются. Так мы в их ряды на всей скорости, со всей дури, моим-то весом и...

В общем, получилась куча-мала. Митя отбивался, как мог, и, как мог, спасал от листопадом навалившихся старушек своего опекаемого клиента. Поэтому когда он встал наконец во весь рост, крепко держа Гришечку за ноги, то сразу и не понял, почему вокруг него образовался некий вакуум. Просто, если помните, наш гордый юродивый носил драную рубаху до колен. А под ней ничего. Ни штанов, ни подштанников. Ну и зрелище было, не пытайтесь себе представить...

Естественно, на божьего человека никто плохого не подумал, но виновного народный гнев отыскал поразительно быстро. Угадайте – кого?

– Удивляет только одно, как они тебя вообще там же в бульжную мостовую не закопали?

– Пытались, не дался...

– Лучше б дался, – тихо простонала из своего угла бабка. – Дожила до позора на свои седины – сотрудника милиции старушки богомольные в содомских грехах обвиняют...

– Да, Мить, нехорошо как-то, – поддержал я.

Он тяжело вздохнул, пожал плечами и с детской непосредственностью спросил:

– А энто... содомский грех, это драчливость, да?

Мы с Ягой нервно переглянулись. То есть он, бедолага, даже близко не понимал, в чём его обвиняют, и на всё согласился, думая, что казнят за обычную драку? Нет, ну вот как прикажете на него сердиться всерьёз? Бабкин кот поманил Митю лапкой, отвёл в сени и что-то там нашептал на ухо.

Мы и ахнуть не успели, как наш младший сотрудник уже рванул в ворота с рёвом:

– Поубиваю старых дур-р за такие намёки на сотрудника при исполнении-и-и!!!

Мы с Ягой выразительно помолчали. Мысли были схожие и в озвучивании не нуждались: убить не убьёт, но запомнят старушки надолго, как милицию нехорошими словами называть...

– А знаешь, Никитушка, свои плюсы в этом есть. И Митеньку в умных вопросах просветили, и Гришечка-дурачок день весело провёл, и люду богомольному нынче скучно не будет. Все довольны и все при деле. А вечер-то близок. Пора бы и нам с тобой за работу браться. Похороны на носу...

Ох, батюшка уголовный кодекс, о своих собственных похоронах-то я и забыл... Бабка же ориентировала дьяка – на четвёртые сутки милиционеров хоронят, да ночью, да тайно. Угу, зная болтливый язык гражданина Груздева, сегодня ночью на кладбище половина Лукошкина сбежится, поглазеть! Да и как можно людей за любопытство осуждать, тут некоторые старики трёх царей на своей памяти схоронили, а милиционера ни одного! Непорядок...

– Ладно, я уже на всё подписался. Что надо будет делать?

– Дык договорились же вроде, в гробу лежишь пару часиков, да и всех делов.

– А вы меня потом точно выкопаете?

– Тьфу на тебя, Никитка, да как тока мысли противные тебе в голову лезть могут?! Знамо дело, выкопаем! На что ж мы тебя хоронить-то будем, ежели не расследования ради? Да и как про то забыть, коли я и царя, и Митю, и Еремеева загодя предупредила? Всем миром заявимся да и выкопаем.

– Точно? – Подозрений у меня от её вдохновенного пыла почему-то не убавилось.

– Точнее некуда, Фома ты неверующий! – даже обиделась бабка. – Иди-ко давай в гроб ложись, хоть примеришься: не жмёт ли где в плечах, ноги ли вытянуть удобно?

Я махнул рукой и пошёл. Роскошный гроб, обитый серой тканью, с рюшечками и ленточками, в стиле вселенской скорби богоизбранного народа, стоял прислонённым к стене в сенях. Мы с Ягой аккуратно положили его на пол, и я попробовал, впервые в своей жизни, туда лечь.

Ну что могу сказать...

В принципе вполне удобно. Шмулинсон действительно хороший гробовщик и дело своё знает. Гроб был удобным, как колыбелька, не жал в плечах, позволял вольно вытянуть ноги и при закрытии крышкой оставлял достаточно пространства для дыхания. Думаю, в нём вполне можно продержаться часа два-три, пока меня не выкопают. Правда, кадры с Умой Турман из фильма «Убить Билла» упрямо лезли в голову, но я их гнал от себя, у нас всё-таки несколько другая ситуация...

– Значит, мне вот просто так лежать, и всё?

– Ну как тебе сказать, Никитушка... – порядком призадумалась Баба-яга. – Просто так ты не вылежишь, ить к тебе народу сколько прощаться пойдёт. Надобно, чтоб ты ровно труп был, без малейших подозрений...

– В смысле не дышать?

– В смысле дам я тебе одну настойку тайную, ты с неё ровно сном заснёшь. Но дыхание столь тихим будет, что человеческим глазом вовек не углядишь. А через три часа ты сам проснёшься, уже у нас в отделении.

– Вы уверены?

– Да не переживай ты так, сокол ясный, – всплеснула руками бабка. – А то мне уже и обидно становится, словно бы ты мне, старой, не доверяешь! Это когда ж я такое оскорбительство жестокое заслужить успела, а?!

Крыть было нечем. Моя домохозяйка и по совместительству бессменная эксперт-криминалистка нашей опергруппы не подводила меня ни разу. Приходилось вновь просто верить ей на слово. И я поверил. Боже, я поверил...

– Щас настоечки чудодейственной выпьешь, и ложись себе, спи-почивай! Ни про что не думай, ни о чём не беспокойся.

Я причесался, поправил мундир, застегнул все пуговицы, начистил ботинки, выпил и лёг. Последнее, что чётко помню, это как в горницу вбежал ещё более потрёпанный, чем час назад, Митька и в руках у него, как скальпы, трепыхались восемнадцать старушечьих чёрных платочков. Больше не видел ничего, глаза сами закрылись, тело перестало повиноваться сигналам мозга, и весь мир вокруг меня превратился в мягко растянутые звуки. То есть слышать я мог и, уж поверьте, наслушался всякого...

– Ох и на кого ж ты нас покинул, свет ты наш участковы-ый! Ох и кто теперь с преступностью бороться буде-эт?! Ох и осиротело без тебя всё отделение милиции-и! Митя...

– Гы?!

– Ежели вот так хоть раз на людях хихикнешь, я тя помелом пришибу!

Потом, как я понимаю, был «тайный» вынос тела во двор. Там гроб поставили на две табуреточки, дабы специально приглашённые лица могли подойти и удостовериться. Ну и, как всегда, первыми пробились наглые думцы.

– Посторонись, холопы! Пропусти боярскую думу удостовериться! Мы тож, поди, люди, тоже слезу пустить хотим...

Далее были неразборчивые всхлипы счастья, хлопанье друг дружки по плечам и короткие благодарности Богоматери-избавительнице. Потом тишина, затаённое дыхание, неслабый запах перегара от стоялых медов и крепких наливок. Судя по торжественному пыхтению, прибыл сам боярин Бодров. Да чтоб он самолично не удостоверился, как же...

– Господь дал, Господь взял. Чё ж мы тут, волю Божью осуждать посмеем? Об мёртвых, как говорится, либо хорошо, либо ничего. Ничего, сыскной воевода, ничего, в пекле-то, поди, и тепло всегда, и компания развесёлая. А я ещё свечечку пудовую за упокой поставлю, на такое-то дело не жаль ни копейки...

После чего, в довершение всего этого бреда, он ещё и от всей души чмокнул меня в губы! Если б не бабкина настойка, я бы умер в том же гробу от одного содрогания. Брр!

Потом подошёл сотник Еремев. Фома, как всегда, был короток и корректен, но чуть не сдал меня в конце:

– Прощевай, сыскной воевода. Все там будем. Поди, ненадолго расстаёмся.

Я получил сухой мужской поцелуй в лоб, и следующим стрелцы

сунули Митю.

– Э-э, чё я-то? Ладно, не деритесь сразу. Ну-у... покойтесь с миром, дорогой Никита Иванович. Не вставайте тока, я и без того покойников боюсь. Да не буду я его целовать, хоть стреляйте! Навалились на сироту, говорю ж вам русским языком, боюсь я их...

Потом все как-то так выразительно притихли, что стало понятно – царь пришёл.

Ну давайте, твоё величество, развлекайтесь, ваша очередь.

– Спи, Никита Иванович. Спи, друг дорогой, соратник верный... Вижу, сколько ворон на похороны твои слетелось... Но ничего, я им всем укорот дам! Будут знать ужо, как... как... Тьфу, паразиты, забыл, чего сказать-то хотел?! Да! И прости меня, грешного, за... за... Ну, в общем, ежели в чём не потрафил, так и прости!

И уже шёпотом, прямо в ухо:

– Ну ты и жучара майская! Ить лежит себе, как будто мёртвый, и в ус не дует. А ежели я тебя сейчас под рёбра щекотну, а? А?! Ладно, не бойсь, не выдам. Но чтоб поутру был у меня с докладом. Живой или мёртвый, мне без разницы, понял ли, сыскной воевода?

И мне снова достались два дружеских лобызания в обе щеки. Я невольно начинал чувствовать себя мёртвой царевной в хрустальном гробу из сказок Пушкина. Оставалось только дожждаться, когда подкатит королевич Елисей...

– Меня! Меня к телу допустить-тя! Я его так расцелую! Я его... всего... в честь такой-то радост... вселенской скорби! Да, пустить-тя же, волки по-зор-ные-а-а...

Нет!!! Чуть не взвыл я, прекрасно понимая, кто ко мне щемится. Всё-всё, хватит сказок, гоните некрофила, а меня закапывайте побыстрее, пока ещё кто-нибудь не привязался...

Словно бы вняв моим немым мольбам, гроб со мной подняли и куда-то потащили. Дохнуло свежим ночным ветерком, значит, за ворота уже вынесли. Судя по волне вздохов, стонов и молитв, народу на улице собралось немало. Да и кто бы удержался, когда тут такое...

– А-а-а-а-а!!!

– Уймите дуру, православные...

– А-а-а-а-а!!!

– Пущай орёт, у всех горе...

– А-а-а-а-а!!!

– Хоть энто мысль, не лишённая приятности. Придушите её слегка, кто там поблизости...

– А-а-а-уп...

– Слава тебе господи, спасибо всем добрым людям... Какого человека потеряли, а? Я не про бабу, разумеется...

– Ой вей! За шо такие беды на голову бедного еврея? Шо я скажу жене и детям, когда они спросят, таки где есть наш участковый? Где человек, который защищал всех без разбору и был мудрее Моисея, хоть и не так красив, но об мёртвых тока хорошо, а никак иначе, чтоб я тоже сдох, если вру, а кто я такой, шоб врать людям в святой день похорон Никиты Ивановича?! Таки мой старший мальчик уже просит отдать его учиться не на скрипку, а на милиционера!

– Вас ист дас? О майн гот, о майн гот... Доннер майне русиш... О чём это я? Ах да, друзья мои, майн камерад либен... Какой человек ушёл?! Ком цюрюк... Сколько прекрасных фройляйн сегодня льют слёзы по Лоэнгрину в милицейской фуражке?! Я-я...

– Слушай, вот как сказал, а? Ить немчура проклятая, а как красиво сказал... Аж в морду дать хочется!

– Храни аллах участкового, да? Зачем такой большой начальник весь умер, да? Чтоб шайтан на том свете с ним встретился, а милиционер его арестовал, да? Почему нет? Аллах везде акбар!

– Ой, люди, шо робится?! Ой, як мени жити? Ой, як мени спевати? Несе Галя воду, коромысло гнется. А за ней Никитка, як барвинок, вьється... Ой, у мени аж слёзы таки, шо трохи сопли... Ой, лышеньки, бейте мени, люди добри!

– У нас в гарах гаварят, кагда такой мужчина уходит в небо, на земле становится пуста. Пуста, пока дэтский крык нэ скажет: ищѐ одын милицианѐр родился, да!

Наверное, было что-то ещё. Да более того, я уверен, что пѐстрый лукошкинский люд высказывался долго, ярко, певуче, не скрывая своих чувств что в ту, что в другую сторону.

Я имею в виду, что не всем моя «смерть» была в радость. Далеко не всем! Да чѐрт подери, с чего это я вообще кокетничаю, когда такое количество народа рыдало и рвало на груди рубашки, так что только ткань на всю улицу трещала! Наверное, я впервые почувствовал себя очень важным и нужным для этого города.

И даже боярская дума, традиционно ненавидевшая и гнобившая меня при каждом удобном случае, сейчас тихо скорбела о том, какого замечательного оппонента они потеряли. Даже им я всё равно был нужен. Хотя бы как некий общий враг, объединяющий все думские фракции в едином порыве против единого антагониста в борьбе за единое влияние на

нашего всеми любимого государя.

Помню ещё, дорвался высказаться самоубийца дьяк Филимон Груздев. Не по существу, но, как всегда, эмоционально:

– А ить я предупреждал, участковый, что на могилу твою приду и два раза плюну?!

Вроде больше он ничего не сказал, поскольку его, кажется, всё-таки побили. Сам не видел, но звуки были характерные. Впрочем, безмерной радости скандального дьяка это никак умиротворить не могло. Думаю, посади его святой Пётр рядом с собой и передай ключи от рая на полчаса, посторожить с правом фейс-контроля, и то бы он не был настолько счастлив...

Меня всё куда-то несли и несли, мягко переставляя на свежее крепкое плечо, если кто-то из четверых несущих уставал. Как я понимаю, Баба-яга шла впереди, довольно бодро раздавая команды, но не забывая время от времени, примерно через каждые пятнадцать минут, как следует всплакнуть в платочек. Где были Митька и Еремеев, не знаю. Разговорами они себя не проявляли, смехом и подколками тоже. Я вроде даже придремал, но потом мы где-то встали, и звучный голос отца Кондрата, разбудив меня, оповестил:

– «Вшедше, святии мои Ангели, предстаните судищу Христову, колене свои мысленнии преклоньше, плачевне возопийте Ему: помилуй, Творче всех, дело рук Твоих, Блаже, и не отрини его!»

Как я понимаю, надо мной была прочтена коротенькая молитва с наилучшими пожеланиями и надеждой на милость Божию в плане вечной жизни. На самом кладбище было уже куда тише, как и обещала Баба-яга («милиционеров тайно хоронят»), значит, народ туда просто не пустили. Еремеевцы наверняка оцепили весь периметр.

Однако насчёт соблюдения какой-то уж там особенной «тайны» мне тоже судить трудно, потому как счастливые вопли дьяка Филимона Груздева всё так же были слышны издалека и ничьим волевым усилием не прекращались. Впрочем, они всё равно были однообразными и скучными...

– А ну посторонись, люди милицейские-е! В стороны раздайси-и! Хочу своими глазами увидеть, как черти гроб Никитки-участкового в ад утащу-у-ут! Хы-хы-хы, ик!

Потом чьи-то заботливые руки опустили крышку и забили гвозди. Наши стрельцы зачем-то троекратно грянули «ура!», и бабка громко прошептала:

– Всё хорошо, соколик, не бойсь, вроде поверили. Сейчас быстренько помин проведём да тебя на рассвете и выкопаем...

Угу. Понял. Ясно. «Чего?!» – едва не взвыл я, да и взвыл бы, если б мог! Какой ещё помин?! Зачем помин? Сразу выкапывайте, не желаю я тут, в гробу, лежать, пока вы там все по три стопочки «напоминаетесь»!!! Но язык меня не слушался, руки не поднимались, а открыть крышку силой протестующей мыслеформы лично у меня никак не получалось. Блин, блин, блин...

Тем временем гроб был опущен в яму, и комья земли загрохотали, погребая живого меня в угоду общественной и служебной пользе. Через пять или десять минут неконтролируемой истерики я признал собственное поражение и попытался хотя бы успокоиться.

Получилось. Не сразу и не так чтоб очень, но получилось. Примерно с полчаса я мыслил позитивно и логично, убеждая себя, что бабка права, что всё должно соответствовать народным традициям, и поминальный стол служит последним, заключительным штрихом в нашей глобальной афере.

Ещё с полчаса я высчитывал, сколько времени надо нашим, чтобы вернуться в город, сесть, помянуть и отправиться за мной обратно. Получалось, что не больше двух часов. Значит, осталось потерпеть какой-нибудь час-полтора, и всё это кончится. Вот только как подсчитывать время в полной темноте, в гробу, под землёй? Я решил считать по шестьдесят; шестьдесят раз, наверное, это и будет час. Хотя могу и ошибаться, но всё-таки это хоть какое-то занятие...

Потом на моей могиле кто-то начал яростно отплясывать и сбил меня со счёта. Склонен уверенно подозревать, что это был мстительный дьяк, но реальных доказательств не имею. Вроде бы в мыслях о том, как бы его потом прижучить, я и уснул. Или задремал, не важно.

Думаю, проспал я прилично, часа два, не меньше, поскольку спина затекла основательно. Но меня ещё не выкопали! И, похоже, даже не собираются! Вот ведь чуяло моё сердце, что не надо было соглашаться на эту дебилистическую идею с собственным захоронением.

Подумаешь, объявили они всем уже, что я умер! Да сказали бы, что пошутили, скупой милицейский юмор, делов-то! Ничего, никто бы фатально не обиделся, а преступников мы всегда и так ловили, без непременно объявления меня усопшим.

Вот вылезу, и в следующий раз пусть Митьку хоронят или Еремеева, да и Яге в её годы тоже можно было бы... Так сказать, потренироваться, как оно вообще и по ощущениям! Потом я, кажется, заплакал. Потом опять уснул. Но на этот раз проснулся быстро, потому что земля вздрагивала и меня, кажется, выкапывали.

– Наконец-то, – с чувством простонал я, услышав первый удар лопатой

по крышке гроба.

Речь вернулась! Я говорил, я даже худо-бедно мог двигаться, а значит, моя домохозяйка не обманула насчёт настойки и всё идёт по плану!

Мой гроб вытащили наверх, поставили ногами кверху на какой-то возвышенности и лопатой подняли крышку. Гвозди подались не сразу, но это уже была свобода и спасение...

– В следующий раз я вас сам всех закопаю! – громко объявил я, помогая скинуть крышку и садясь в гробу.

На меня испуганно уставились три незнакомые морды с козлиными бородками, рожками и рыльцем пяточком.

– Ма-ма-а-а!!! – заорали мы все четверо в один голос.

«Чёрные археологи», бросив лопаты и задрав хвосты, припустили по предрассветному кладбищу так, что только копытца засверкали. Кажется, теперь я узнал, кто такие бесы, как выглядят и чем занимаются. Ну, в смысле, что на кладбище свежих покойников выкапывают. Для еды, наверное, хотя возможно и иное. Что, если они целенаправленно хотели вскрыть именно мою могилу и лично удостовериться в моей смерти?

– А ведь, кстати, последнее – реальней всего, – пробормотал я сам себе под нос, отряхнувшись, сбросил гроб обратно в яму, быстренько закидал землёй, обе лопаты швырнул в кусты и по рассветному солнышку широким шагом отправился домой, в Лукошкино.

Птицы просыпались, золотые лучи из-под розовых облаков щекотали мне ресницы, прохладный ветерок забирался за воротник кителя, а сердце билось с ничем не сравнимой радостью. Голова едва не кружилась от счастья, я – живой! Живой! На свободе, не в могиле, не в душном гробу, а здесь и сейчас – лёгкий, подпрыгивающий, упоённый жизнью, солнцем, небом!

Мысли были чистыми, ясными, от всех сомнений, горечи, проблем или каких-то мелких бытовых неурядиц не осталось и следа! Я был бодр телом и светел душой! Теперь мне точно известно лучшее лекарство от всех неурядиц этой жизни – дайте себя похоронить, потом будьте готовы, что вас попросту забудут, и как финал всего вы будете выкопаны тремя невысокими бесами, больше всего похожими на дрессированных свиней с самыми недружелюбными выражениями поганных харь.

Попробовали себе такое представить? А я это пережил! И ура! И плевать на всё! Мне теперь ничего не страшно, ничего не жаль, ничего не удивляет, я един со Вселенной и примирён с любыми реалиями этого мира...

– Вернусь и всех уволю! – бормотал я, согнувшись в три погибели и

низенькими перебежками вдоль заборов, плетей, огородов, лопухов и репейника двигаясь в сторону родного отделения. – Бабу-ягу в первую очередь! Подведу под сокращение штата в связи с пенсионным возрастом. Митьку Лобова – на вечную ссылку, в деревню! Лучше бы на каторгу, но статьи подходящей нет. Фому Еремеева вместе со всеми стрельцами – в штрафбат! Должны же у Гороха быть какие-нибудь штрафбаты для провинившихся военных. А самого царя... А с самим царём я неделю разговаривать не буду и руки ему не подам! Да, не забыть кота Ваську макнуть мордой в сметану, потом разбить крынку и его же подставить! Всё. Вроде со всеми разобрался. Кого пропустил или не вспомнил, извините, потом убью...

Впрочем, когда я наконец перелез через наш заборчик на заднем дворе, у туалета, моя решительность несколько поколебалась. В конце концов, все мы люди, никто не застрахован от ошибок, и сначала надо во всём разобраться, а уж потом карать или миловать.

– Спят, – жёстко констатировал я, отказываясь верить очевидному.

У ворот вповалку спали четверо наших стрельцов, сивушный запах витал в воздухе. На крыльце отделения, в обнимку с верной пищалью, давал богатырского храпака сотник Еремеев, тоже пьяный в никакую. Перешагнув через его ноги, я осторожно толкнул дверь в терем – не заперто.

Хм... как-то странно всё это... Фома на службе не пьёт и своих ребят держит в узде. Если сейчас и дома все пьяные, включая кота, я буду очень-очень удивлён.

В сенях, на полу, тихо дрых Митя. Причём полностью одетый, в сапогах, тёмном кафтанчике и с лопатой в руках. То есть он всё-таки собирался идти меня выкапывать, но не дошёл. Уснул на ходу, так, что ли? Кот Васька в абсолютно невменяемом состоянии валялся в горнице под столом, задрав кверху лапы и высунув язык. Нет, не мёртвый и не отравленный, а похоже, так же как и все – в дюндель! Саму Ягу я нашёл у окошка, она тихо и сладко посапывала, свернувшись калачиком на скамеечке.

– Оригинально. – На мои осторожные похлопывания по плечу бабка не реагировала, но ароматизировало от неё, как от бога Бахуса на День железнодорожника.

– Так, собственно, что же тут у нас произошло, а?

Добрых минут двадцать я честно пытался разбудить всех. Я орал дурным голосом, кричал, матерился и обзывал сослуживцев прямо в ухо. Я тряс их как груши по мере возможности, поскольку Митю трясти – это

живот надорвать. Я брызгал им в лицо водой, Еремеева и стрельцов так просто облил с ног до головы из ведра, но всё тщетно.

Никто не просыпался. Даже кот. С отчаяния я вывалил его в муке и покрасил побелкой для печки, но результат всё тот же – Васька нагло дрых, не поведя и усом. А когда мне уже было впору застрелиться от обиды, вдруг раздался петушиный крик! Пернатый будильник приветствовал утро, и... всё наше сонное царство пробудилось, словно по волшебству.

Но, прямо скажем, общее пробуждение было радостным не для всех...

Ну если совсем уж честно, то только для меня. Остальные почему-то начали с криков, воплей, визга и глупых вопросов:

– Кто моего кота белилами покрасил?! Выходь на свет, самоубийца-а...

– Почему и я, и стрельцы мокрые?! Вот я этому водяному его же рыбьим хвостом под зад дам, будет знать, как над милицией шутики шутить!

– Бабуль! А чего это у меня на рубахе следы ботинков чужих грязных? Что, и на лбу тоже? Ну всё, поймаю этого топтыгина, дак он у меня обувь свою немытую без соли съест и не поморщится!

– Мяу-а? Мя-а-а-а-у! Уа??! Мявк!

Последнее нуждается в переводе, но думаю, там было что-то про вендетту по-корсикански с непременно летальным исходом. Вроде кот у нас мстить не любит. Правда, и мыться тоже, но ведь по-любому придётся. Интересно, он себя сам всего вылизет или Яге в тазик сдастся?

Пока все орали, шумели, ругались и всячески (вплоть до рукоприкладства) выясняли отношения, я спокойно сел за стол, налил себе чашку холодного чая и ни во что не вмешивался.

Примерно через полчаса всё устаканилось...

– Никитушка, – осторожно коснулась моего плеча и резко отдернула пальцы моя домохозяйка. – Ты уж, соколик, прямо скажи: живым заявился али обиделся на нас всех да и мёртвым пришёл?

Я выдержал приличную театральную паузу, чтоб кое-кого (а лучше – всех!) проняло, и признался:

– Живой.

– Милай ты наш, – кинулась мне на шею Яга. – Жи-во-ой!

– Но не вашими молитвами, – строго напомнил я.

– А чьими же? – переглянулись Митяй с Еремеевым.

– Ну, вообще-то благодарить за своё чудесное избавление из гроба я должен трёх старательных бесов с лопатами.

– Бесов?! Тьфу, прости господи, как у вас тока язык повернулся...

– Митя! – рыкнул было я, но взял себя в руки. – Поскольку выкапывать

меня никто из всего отделения не явился, то эту задачу выполнили наши подозреваемые. И должен признать, они с этим хорошо справились!

Все в горнице, даже кот, немножко опустили головы.

– А вы тут, я вижу, просто перебрали на помин души, да?

– Нет, – первой вскинулась моя домохозяйка. – Ни капельки алкогольного пойла в рот не взяла!

– Мои ребята тока воду пили, – подтвердил Еремеев, и лишь Митя, беспомощно обернувшись по сторонам, резко покраснел:

– Я виновен. Меня судите, батюшка Никита Иванович. Я ить... простоквашу пил, а в ей, говорят, тоже доля спирту есть...

– Да вы хоть друг к дружке принимайтесь, – мягко посоветовал я. – Разит же от всех сразу, так что ни один гаишник мимо не проскочит!

Баба-яга подняла вверх указательный палец, призывая присутствующих к молчанию, и чётко обозначила:

– Вот прям сейчас, тут же, при тебе, участковый, экспертизу проведём. Ежели хоть кто из наших выпил, дак гони меня поганой метлой из милиции первой!

– Ну не надо так уж... Я тоже не зверь, всё понимаю, увлеклись, устали...

– Экспертиза! – стукнула кулачком Яга, пуская пар из ноздрей, и мне пришлось признать, что дальнейшее продолжение спора уже чревато.

– Хорошо, хорошо, – сдался я. – Дыхните.

Яга деликатно прокашлялась и дыхнула. У меня защипало в глазах, засвербило в носу и слегка отозвалось в пятках, – судя по запаху, бабка пила валерьянку на пчелином меду. Но не алкоголь!

– Еремеев! Веди своих, – приказал я. Хотя по торжествующему виду моей домохозяйки было ясно, что ничего мне доказать не удастся.

– Дыхни, – попросил было я стрелецкого сотника, но меня остановили:

– Погоди, участковый, поверь мне, старой женщине. Запах неблагоприятный опосля спиртного многими способами приглушить можно. И чесноком, и мятой, и луком зелёным...

– Так что, мы у них кровь на алкотест брать будем?

– Ох ты ж господи, прости и помилуй, страсти-то какие... – мелко перекрестилась Яга. – Нет, мы уж по старинке, вона пущай на свечу дунут. Который пил, у того враз пламя зелёным откликнется.

Я ей поверил. Наша эксперт-криминалистка достала самую обычную свечу из шкафчика, поставила её на край стола, запалила и, приблизив лицо к крохотному огоньку, прошептала:

Гори, гори, свеча ясная,
Отведи беду опасную!
Покорись ветру дыхания,
Отпусти душу на покаяние.
Дам я тебе огня горячего,
Укажи на алкаша пьянющего...

На этот раз я всё точно запомнил, могу на спор повторить. Правда, не уверен, что у меня это будет работать. Другое дело Яга! Должен признать, что, когда бабка заставила дыхнуть перед свечкой каждого, кто был в отделении, пламя не позеленело ни разу! Зато по зрелом размышлении все так же честно признали, что, с кладбища воротясь, продрогли изрядно да чайком горячим побаловались. А вот когда и кого конкретно с этого чая срубило, никто уже вразумительно ответить не смог. Дальнейшее расследование уже не требовалось, все обвинения в повальном пьянстве были полностью сняты.

В иное время я бы, наверное, даже гордился нашими. Но не сейчас...

— Ясно. — Я выстроил всю опергруппу в горнице и выпроводил стрелцов. — Ну что, напарники, сослуживцы, аферисты, оборотни в погонах, провожу внеплановое заседание личного состава. Разбор полётов с перспективой закрытия нашей милицейской лавочки к ёлкиной маме по причине редкой служебной халатности и полной беззащитности перед распоясавшимся преступным элементом. Бабуль, вы куда?

— Да это... Васеньку своего, свежеекрашенного, позвать хотела. Чтоб и он послушал, как ты, милай, красиво да мудрёно говоришь.

— Хорошо, пусть придёт, а вы сядьте, пожалуйста. Митя ему потом всё на ухо перескажет, что тот пропустил, в доступной простонародной форме. А мы продолжим. Итак... Тему заседания вы поняли. Прошу высказываться по существу, невзирая на чины и лица. Митя, ты первый.

— Я больше не буду, — покаянно прогудел он, опустив кудрявую голову.

— Чего не будешь?

— А ничего не буду! Мне, сироте, ужо проще заранее прощеньица испросить за все грехи неведомые, всё одно меня ж завиноватите.

— Мить, ты, вообще, о чём?! — не понял я.

— А об чём надо-то? — так же не понял он.

Я опустил глаза, пробарабанил пальцами по столу гимн Москве певца Газманова, досчитал до десяти и повторил вопрос чуть более разжёванно:

– Просто скажи нам, что, по-твоему, надо сделать, чтоб мелкие бесы не шастали у нас по отделению, как у себя дома, не подсовывали отравленные яблоки и не сыпали снотворное в чай.

– А вона вы про что-о... – поспешно обрадовался наш младший сотрудник. – Тады понятно, тады другое дело. Что ж, ежели по существу, так я себе соображаю – домового увольнять надобно! Его недосмотр!

В тот же миг откуда-то из-под печки вылетела старая деревянная ложка и треснула нашего правдолюбца в лоб.

– Но ежели по совести да призадуматься, так вина кота виноватей будет! Он же у нас на мышиный писк охотиться должен, а бесов с копытами свинячьими не услышал. Ежели, конечно, он с ими не в сговоре, всяко бывает, купился на левую колбасу, а?

От ярости атаки оскорблённого до глубины души кота Васьки Митю мы спасали в четыре руки. В результате досталось всем. Связанного и упакованного в наволочку, но морально не побеждённого кота унесли от греха подальше отмываться в баню.

Яга обработала нам всем царапины водкой на ромашковом корне, и мы, сморщившись, продолжили совещание. Правда, очень ненадолго, потому что следующей фразой Митя подписал себе приговор:

– Тогда, раз кота и домового нельзя, так давайте Бабуленьку-ягуленьку уволим. А чего, Никита Иванович, она у нас человек пожилой, поди, уже к маразмам да старческому слабоумию склонна. Всей работе отделения как есть живой тормоз!

Собственно, его спасла лишь здоровая реакция простого деревенского парня, успевшего броситься в сени и удрать во двор, прежде чем обалдевшая бабка поняла, что не ослышалась...

– Теперь ваша очередь. – Я отважно попытался отвлечь её внимание от окна, где было видно, как делающий ноги Митяй лезет через забор. Яга в гневе и на таком расстоянии колданёт кочергой в пятую точку так, что мало не покажется!

– Опосля намщущу охальнику! – с трудом удержала себя в руках глава экспертного отдела. – Ты сейчас чего от меня услышать-то хочешь, сокол участковый?

– На повестке дня всего два жизненно важных вопроса. Первый – как обезопасить отделение от очередного возможного визита бесов? Второй – как долго мы намерены скрывать от народа, что я не умер?

– Ещё про меч-кладенец покраденный забыл.

– Не забыл, но это производное от вопроса номер два. Как я могу вести полноценное расследование, сидя здесь, в тереме, под охраной

стрельцов? А вдруг кто из них проболтается...

– В валенок превращу и за печку выкину. Уже всех предупредила, – победоносно ухмыльнулась наша эксперт-криминалистка. – Нельзя тебе покуда в люди, Никитушка. Тока напугаем народ да и лишим доверия к силам милиции. Потерпи денёк-другой, небось я, старая, что-нибудь да придумаю...

– Бросьте, никакая вы не старая.

– От за что люблю тебя, Никитушка, так энто за честность твою прямолинейную, – всхлипнула бабка, а я дал слово добавить Митяю подзатыльник и от себя.

– Вона нога опять скрипит левая, спина не гнётся, волосья седые, зубы не те, про фигуру вообще молчу, да и... чё уж тут...

– Нормальные возрастные изменения для вашего возраста, – бесстыже врал я, поскольку возраст у Яги был больше, чем у Ленина в Мавзолее. – Вам просто надо немного изменить образ жизни. Больше гулять на свежем воздухе, заняться фитнесом, сходить в косметический салон...

– Куды?

– Э-э... ну, думаю, в Немецкой слободе что-нибудь похожее точно есть. Так вот...

В общем, мы, наверное, час или даже больше обсуждали с бабкой, что лучше – стрижка или завивка, какие упражнения не сломают ей поясницу, как чередовать лечебную парную с обёртыванием шоколадом и водорослями, где, через Шмулинсона, закупиться израильской косметикой с Мёртвого моря и в какую копеечку нам всё это влетит.

Выходило, что недёшево, но в принципе, если скинуться и ужаться в продуктах не первой необходимости, то вполне можем раз в год позволить. Ну, для самой главы экспертного отдела чего ж скупиться-то, правда?

За деловыми разговорами к нам вежливо постучался Фома Еремеев.

– Грамота срочная от государя!

– Зачитывай, – переглянулись мы с бабкой.

– Да тут и читать-то нечего, два слова всего, – чуть смутился сотник. – «Сбежала, поганка!» И всё. Более ничего. Кто сбежал, откуда, при чём тут мы? Ты хоть что понял, сыскной воевода?..

– Всё понял, – обомлел я, опускаясь на скамью и нервно расстегивая верхнюю пуговицу рубашки.

– Свободен! – Баба-яга одним движением брови выдворила Еремеева из горницы и обернулась ко мне: – Марьянка?

– Она.

– Такая-сякая, сбежала из дворца?

– Такая-сякая, расстроила отца, – на автомате продолжил я.

(Хотя Яга популярного мультика про Бременских музыкантов уж никак видеть не могла, но кто её знает...)

– Вот видите, бабуля, мне надо срочно воскресать!

– Надо, касатик, надо, – как-то рассеянно подтвердила бабка, глядя через моё плечо во двор. – Ты бы к себе наверх пока поднялся, а то вона там до меня посетители пришли.

Я обернулся. У ворот стрельцы принимали небольшую делегацию из шести человек, видимо, среднего достатка. Двое старших держались поодаль друг от друга, а четверо помоложе вели себя шумно, что-то выкрикивая и явно провоцируя друг друга на драку.

– Ваши знакомые?

– Одного только знаю, – сощурившись, прилипла к стеклу Яга. – Милованова-колбасника. У него на окраине своё хозяйство, поросячье, свиней на забой растит да на базаре и торгует. Не шибко богатый человек, но далеко и не бедный. Поди, хорошей колбасой завсегда отдарится...

– Вы это о чём?

– А ты тут ещё?! – рявкнула на меня моя домохозяйка. – Дуй наверх, участковый, не ровён час, заметят. Шуму-то будет, хоть всех святых выноси!

– Но это не...

– Давай-давай, выметайся, в сени уже входят!

Я впервые получил от Бабы-яги коленом под зад для ускорения и самым бодрым образом взлетел вверх по лестнице. Затормозил, едва не ударившись лбом в дверь собственной комнаты. Потом, конечно, тихонечко спустился вниз, чтобы...

Ох, блин горелый, в кого же я тут превращаюсь, слов нет. Ненавижу себя! Тьфу, поведение, совершенно недостойное работника милиции и начальника отделения! Я спустился ещё на ступеньку ниже и сел подслушивать...

– Так я и говорю, днём работники забор ставят, а по ночи евонные свиньи его ломают!

– Отродясь мои свиньи по чужим дворам не шастали! Врёт он всё, его злоба ест, что он тем работникам уже третий раз за забор платит!

– Да как же нет, коли они тех свиней сами видели, а с утра полдвора ихними копытами истоптано!

В общем, как я понял, сцепились свиновод Милованов и квасник Ампилов. Квасник – это производитель кваса, а не тот, кто собственно квасит напропалую. Хотя вот, помнится, есть у нашего Митяя классовый

враг по жизни, тётка Матрёна, так та и капусту на продажу квасит, и сама порой не слабо. Ну да не о ней сейчас речь...

А о том, что, как я понял, квасник ревниво оберегал свои заросли хрена, который добавлял в квас для забористости. И от соседских свиней, вольно жиреющих в просторном загоне, его огород отделял хороший забор, который уже почти неделю несознательные хрюшки просто сносили из-за неплатонической любви к хрену. Мирные добрососедские переговоры ни к чему не привели, и в конце концов квасник потащил колбасника в милицию.

Должен признать, Баба-яга справилась с ролью участкового на отлично. Выслушала обоих, приняла заявление в устной форме (оба неграмотные) и пообещала сегодня же разобраться с проблемой. Она даже догадалась задать вопрос, который просто извертелся у меня на языке: сколько всего было тех рабочих, что так ловко «доили» незадачливого истца? Ответ оказался предсказуем – трое! Ну хоть теперь не придётся гадать, где нам искать бесов...

– Спускайся, Никитушка, все ушли! – громко позвала меня бабка и сразу взяла быка за свидетельства измен коровы. – К гражданину Ампилову стрельцов пошлём, пушай энтих умников с пороссячими копытцами заарестуют на месте.

– Согласен. А что по поводу царевны Марьяны?

– Тут момент, деликатного разрешения требующий.

– В смысле Митьку пошлём?

– А кого ж ещё-то? Он царёву сестру в лицо видел, об её проблемах...

– Стоп! Во-первых, видел он её мельком, во-вторых, она наверняка переоделась, а в-третьих... Ладно, понял, вы правы, – подумав, сдался я. – Шум из бегства царевны поднимать нельзя, а если искать пойдут стрельцы, то в течение часа всё Лукошкино будет знать, что сестрица Горохова из терема дёру дала. Конечно, из-за «жестокого» с ней обращения...

– Именно так, участковый, – печально вздохнув, подтвердила Яга. – А у нас в народе к беглецам от царского гнева завсегда с сочувствием относились. Так упрячут, что и всей милицией не найдём...

– А отчего она на самом деле сбежала?

– Да кто ж её разберёт? Девичья душа – потёмки да сумерки...

– Тогда зовите Митю. Только не наезжайте на него, ну... из-за этого выступления на общем собрании.

– За то, что он меня из отделения уволить хотел? – тепло усмехнулась бабка. – Да что уж там, я не в обиде. Нет, конечно, влеплю пару раз помелом по почкам да сердцем и оттаю. Я ж по натуре-то отходчивая...

В общем, по этому пункту мы тоже договорились. Вызвали Еремеева, велели ему найти нашего младшего сотрудника и поставили задачу насчёт трёх шустрых рабочих во дворе квасника.

Сотник пообещал Митьку пригнать сию же минуту, а бесов доставить завёрнутыми в тот же многострадальный забор. Если, конечно, они окажут сопротивление, на что он явно очень надеялся. Баба-яга тоже засобиралась, ей, видите ли, надо было что-то срочно выяснить у царя. Чего именно, толком не объяснила, но вроде как какую-то версию с архивами.

Меня оставили дома одного, строго-настрого попросив не высовываться. Митьку Яга встретила в воротах, дала по шеям и развернула, поясняя новое задание. Уходили они уже вместе, под ручку, даже не помахав мне в окошко на прощанье. Я чувствовал себя каким-то заразным, вроде как запертым на карантин по причине банальной ветрянки.

Грустно. И скучно тоже. Толстый, отмытый Васька после бани выглядел ещё пушистее, поэтому шарообразно заперся в горнице бабки и нагло дрых. Домовой у нас практически никогда не показывается, уж мне-то точно. Я ему никто, и звать меня никак, так себе, левый квартирант, не более. Что делать? В смысле чем заняться-то, а?

Через полтора часа вопрос стал более чем актуальным, я уже подоконник изгрыз со скуки, а никто так и не шёл. От нечего делать я сам (без помощи домового) разогрел себе самовар, поставил чай, достал из шкафчика у Яги самую большую плюшку, присел у окна, и тут...

В наши ворота кто-то тихо поскрёбся. Собственно, сам звук поскрёбывания я, естественно, не слышал, но видел, как ворота дрожат мелкой дрожью, словно их кто-то качает со стороны улицы. Вот угораздило же Еремеева отправить на задание всех стрельцов! Ведь знал же, подлец бородатый, что мне из дому выходить нельзя, а туда же, ушёл с концами...

Нет, что бы ни говорила моя заботливая домохозяйка, надо срочно воскресать и вновь брать бразды правления в свои руки, иначе без меня отделение просто разболтается! Я прильнул к оконному стеклу, стараясь держаться за занавеской, чтоб не заметили.

Ну и кто тут у нас?..

– Ого?! Да это же... – невольно выдохнул я, видя в окно, как сухопарая фигура гражданина Филимона Груздева неуклюже перелезает через забор.

– Ау! Милиция-а?! Есть ли кто в тереме, ась?! – осторожно ступая по двору, надрывался скандальный дьяк, хотя прекрасно знал, что собак мы не держим. Да и зачем, у нас ведь Митя есть. Но какого третьего созыва сюда припёрся дьяк? Ищет день воздушного десантника на свою косичку?

Из бабкиной горницы лениво высунулся чёрный кот и гордо прошёл через сени, встретив непрошеного гостя на пороге...

– Ой, гляньте-ка, люди добрые, какая нам тварь божья показалась! А я вот и поглажу кису, и за ушком почесун устрою, чем хозяев порадуя!

Дьяк изобразил на лице любовь к животным, протянул костлявые пальцы к Васькиному загривку и, естественно, словил когтями по полной.

– Ах ты, скотина неблагодарная, – взвыл гражданин Груздев, тряся поцарапанной кистью. – Да чтоб тебя черти в пекло утащили, чтоб тебя отец Кондрат анафеме предал, чтоб у тебя всё повылазило, чтоб... Щас как пну ногой под хвост без сострадания!

Вася мигом юркнул обратно и попытался забаррикадировать входную дверь. Увы, более сильный дьяк вошёл внутрь. Я к тому времени удрал наверх, а кот успел запереться в бабкиной горнице.

Мстительный Филимон Митрофанович дважды пнул коленом в стену, добавил кулаком по печке, ушибся и, лелея раненую руку, продолжал лихорадочный обыск нашего отделения, бормоча себе под нос:

– Ну, раз нету никого, так и я не виноват. Где ж тут бумаги милицейские хранятся? Где блокнот покойного участкового, безбожника да смутьяна? В гробу навряд ли его не было...

Конечно, не было, я держу свои записи в планшете, а когда меня собирались «хоронить», аккуратно переложил её себе под перину. Там она до сих пор и лежит, надо бы вытащить, кстати, просто не до того было. С утра голова кругом, да что говорить, вы и сами всё знаете...

– Нельзя, чтоб блокнот Никиткин в милиции остался. Слишком много в нём тайн да всяких секретных записей. Вот уж как он у меня окажется, так я с теми секретами... Я тут такого-всякого наворочу... Я ж при самом царе наипервейшим советчиком стану! Да и у государя нашего, поди, рыльце в пушку... Уж про него-то сыскной воевода, видать, много знал, не зазря, поди, друг с дружкой наливку ведрами пробовали... А меня выгоняли! У-у, фарисеи бессовестные, креста на вас нет, не налили вовремя рюмочку, так вот вам! Вот! Помоги, Матерь Пресвятая Богородица, отыскать блокнот милицейский, я те свечку поставлю, без обману...

Но Богородица, как вы догадались, на предложение свечки не купилась, и трусливый дьяк, постоянно озираясь, продолжал свой несанкционированный обыск. Но фигу ему засахаренную в подмышечную впадину, а не мой блокнот!

– И чего ж это я, дурачинушка, по ненужным местам топчусь? Ведь покойный, поди, свои записи тайные в своей же горнице хранил. Стало быть, там они и есть! Пойду гляну, прости, Господи, грехи наши тяжкие...

Не за-ради себя стараюсь, а токмо во благо государства!

Что ж, велика у Бабы-яги хата (пардон, терем), а отступать некуда. Я сорвал со своей кровати пёстрое лоскутное одеяло и, как только дьяк вошёл ко мне в комнату, набросился сзади. Гражданин Груздев, с одеялом на голове, в неконтролируемом испуге совершил какой-то дикий козлиный прыжок и треснулся лбом об оконную раму. Упс...

Стёкла, по счастью, выдержали, рама тоже, как и лоб незадачливого расхитителя милицейской собственности. Просто Филимон Митрофанович рухнул, где стоял, и впал в полную бессознательность. Я осторожно похлопал его по щекам, но мятежный служитель думского приказа никак не реагировал. А снизу вдруг раздались тихие шаги с пристукиванием, словно кто-то крался по лестнице на маленьких копытцах.

– Кто бы это мог быть? – сам себя спросил я, быстро перетаскивая тело дьяка к себе на кровать и накрывая тем же одеялом. После чего я только-только успел спрятаться за полуоткрытую дверь, как...

– Это же... – Я вовремя зажал себе рот обеими руками.

В мою комнатку, стараясь двигаться без лишнего шума, вошёл один из трёх бесов, что были у нас в ориентировке. Одет по-простому, по рабоче-крестьянски, но без картуза на голове и без сапог. В правой руке беса подрагивал тяжёлый плотницкий молоток. Спрашивать, зачем пришёл и каким образом пропустили, представлялось пустым и излишним. Я было приготовился броситься и на него сзади, чтобы произвести удушающий захват, но рогатый недорослик вдруг резко прыгнул вперёд, к моей кровати.

– А-а-а-а! – крикнул он, срывая одеяло и занося молоток.

– А-а-а-а! – точно так же ответил ему Филимон Митрофанович, на короткое мгновение приходя в себя. Но очень короткое. Потому что когда они оба осознали, кого перед собой видят, то, не сговариваясь, брякнулись в обморок.

– Свезло обоим, как утопленникам, – резюмировал я, в две минуты крепко связывая преступников. Одного своим ремнём, другого бабкиными полотенцами в петухах.

А потом спина к спине, кляпы в рот и ещё в то же многофункциональное одеяло закатать для пущей сохранности. Вот так! Теперь я снова почувствовал себя в деле.

А буквально через каких-то пять – десять минут в отделение прибыли еремеевцы. Правда, никого не поймавшие, но хоть изрядно погонявшиеся за переодетыми бесами на участке свиновода. Я помахал Фоме в окно, и стрельцы с почётом отконвоировали гражданина Груздева и гражданина беса в наш поруб. Пусть посидят, пообщаются, посмотрят друг на

друга...

Баба-яга заявилась получасом позже, довольная собой, распираемая от кучи раздобытых полезных сведений. Митьку решили не дожидаться, благо его-то выслушать мы всегда успеем.

– Что у царя?

– Разброд и шатание.

– Ёмко, – согласился я, помогая Яге сесть за стол и наливая чашку чая. – А если развернуть и с подробностями?

– Ну ежели уж так просить будешь, то и я запираюсь не стану. Вон первых, скажу, что все они там, при тереме царском, дураки набитые!

– Все? – скромно уточнил я.

– Зуб даю, – весомо подтвердила моя домохозяйка.

Зубов у неё мало, и она ими дорожит, значит, можно верить. Дальнейший рассказ, как я и просил, был максимально подробным. Исчезновение царевны Марьяны было обнаружено утром её дворовыми девками, проснувшимися аж в десять утра! Для сравнения тот же Горох встаёт если не с первыми петухами в четыре, то уж как минимум не позже шести. Ибо долгий сон не способствует долгому правлению. Расхожая фраза, хоть никогда не понимал её до конца. Тем более что отлично знаю, как наш царь частенько ложится подремать в обед с очередной красавицей-любушкой. Но простите, отвлёкся...

– Так те три дурищи бегом к царю-батюшке и ему в ноги – бух! Не вели казнить, родимый, а только сестрица твоя из покоев своих исчезла. Простыни в одну верёвку связала да и до земли вниз, а там через двор до конюшни и через забор, аки коза молодая...

– А вы?

– А я, аки коза старая, всю дорожку эту проследила. На верёвке два волоска ейных нашла, рыжих, на земле рыхлой среди прочих следов отпечатки от каблучков девичьих вмялись, об щепку заборную она подол сарафана порвала, вот и клочок малый обнаружился...

– Великолепно, мисс Марпл! – не сдержавшись, щедро поаплодировал я. – А почему тогда все дураки?

– Потому как в покоях ейных, под подушкой, записка девичья лежала, а никому в голову и не взбрело посмотреть. На-кось, читай! – Яга победно вытянула из-за пазухи сложенный лист бумаги и протянула мне.

– Горох в курсе?

– А то! Ему ж и было адресовано.

Я кивнул и развернул листок.

«Нам, царевнам, жить приходится в неволе, и мои молодые годы

пропадают зря. Нам всё время надо думать о престоле...»

– ...выполняя волю батюшки-царя! – на автомате закончил я. – Да не могла она такого написать!

– Почему? – резонно удивилась бабка, забрала листок, близоруко сощурилась, но продолжила: – «А я не хочу по расчёту, я по любви хочу! Улечу птицей вольной ввысь, свободу мне, свободу!» Чё ж непонятного-то, Никитушка? Ить всю душу ранимую красна девица как на духу выложила...

– А?

– Я говорю, душу всю как на исповеди выложила, а ты нос воротишь?!

– Я не... но это же плагиат наглый, это... – сбился я, задним умом прекрасно понимая, что слышать песенку из популярного советского мультфильма царевна Марьяна никак не могла, хоть в суд на неё подавай! Можно, конечно, предположить, что автор текста каким-то образом ознакомился с чудом уцелевшей запиской сестры царя Гороха и на основе её написал свой стишок. Но это даже мне казалось чрезмерно притянутым за уши, потому что так не бывает...

– Да ну и тьфу на них и на их авторские права тоже, – устало поморщился я. – Если Митьке верить, так у них сам Вильям Шекспир всю сельскую драматургию сплагиатил. Давайте ближе к делу: где предполагаете искать царскую родственницу?

– Думаю, далеко от Лукошкина она не побежит, – почесав бородавку на подбородке, покосилась на меня наша глава экспертного отдела. – А давай-ка про то мы письмецо её спросим?

– Будем пытаться записку, как те капли крови телохранителей немецкого посла или сдохнувшее яблоко? – уточнил я, чувствуя, что начало предложения какое-то... двусмысленное...

– Зачем же сразу пытаться-то, мы её вежливо допросим, по протоколу.

– Ну что ж, флаг вам в руки, а кто будет допрашивать беса и дьяка?

– Какого беса? Какого дьяка? Ты о чем, соколик, может, я чего не расслышала...

Я опомнился, извинился и обстоятельно рассказал ей всё, что тут произошло. Не скрывая деталей, призвав в свидетели надутого кота и не умаляя своей роли в задержании двух подозрительных правонарушителей. Яга только охала и крестилась в зависимости от линии сюжета, но потом быстренько взяла себя в руки...

– Бесюгана рогатого ты бы уж на себя взял, Никитушка. А дьяка Фильку отпусти восвояси, не будем же мы на всё Лукошкино признаваться, что к нам в отделение любой через забор влезть может. Пуцай его

стрельцы за ворота проводят, да и по заливку для остротки. А то покуда он в одном порубе с нечистой силой сидит, так мало ли чего плохого поднабраться сможет...

Кстати да, об этом я совсем не подумал. Устав внутренней службы запрещает содержание матёрых уголовников с мелкой хулиганствующей шушерой. Вопрос, кого из этих двоих считать большим преступником. Я бы поставил на дьяка – сколько крови он у нас выпил, поверьте, ни один бес и рядом не стоял. Но это всё эмоции, поступать придётся по совести...

– Ладно, пойду спасу из когтей нечистой силы этого тощего троцкиста в засаленной скуфейке. А вот насчёт весомых улик...

– Батюшка сыскной воевода, – в двери сунулись озадаченные стрельцы, – пожалте к порубу, Христа ради! Там пленный бес даже сильно орёт, умоляет избавить его от скандального соседства...

Ну вот, что я вам говорил?! Всегда ставьте на дьяка, не прогадаете.

– Беса вытащить, вывести на задний двор, привязать к забору и приговорить к высшей мере наказания через расстрел.

– Слушаемся, – счастливо гаркнули парни. – А ежели и дьяка Фильку рядом поставить позволите, дык вообще рады стараться!

– Сам хочу, не искушайте, еле сдерживаюсь, – тяжело вздохнул я. – Выведите его за ворота, дайте по шее, и пусть он Европейский суд в Гааге жалобами заваливает.

Забегаю вперёд, скажу, лучше б мы его тогда расстреляли...

– Еремеев, – я поманил к себе стрелецкого сотника, – что там случилось с этими рабочими у колбасника? Почему их не задержали?

– Пытались, – хмуро ответил он, снимая шапку: на лбу с левой стороны наливался фиолетом здоровенный синяк. – Да эти трое дрались как бешеные! Мы к ним по-человечески, дескать, руки вверх, все арестованы. А они за плотницкий инструмент и в махаловку!

– Вас там сколько было?

– Да почитай четырнадцать здоровых мужиков. Понимаю я всё, Никита Иванович, моя вина, не сумел большей силой трёх строителей подозрительных повязать. Вовек такого не видел, разбежались промеж ног, визжа, как поросята недорезанные, да молотками уж больно дрались! Мы покуда сабли вытащили, они уж и... Мой недосмотр, моя и голова с плеч!

– Ну ты это, слишком не драматизируй, без фанатизма. Одного из них я прямо тут взял, в тереме. Следовательно, ещё двое рыщут по городу. Как только произведёшь показательный расстрел, собирай всех своих, и частым гребнем чешите всё Лукошкино! Негодяев найти, задержать и доставить в отделение!

Еремеев кивнул, молча пожал мне руку и кинулся исполнять. Я же, полюбовавшись из окна, как стрелы выкидывают за ворота матерящегося дьяка, краем глаза посматривал, что Баба-яга делала с запиской Марьяны. Уж не знаю, как она её склонила к сотрудничеству, но маленький лист бумаги, дрожа над горящей свечой, разливался тоненьким голоском на всю горницу:

– Ничего я не знаю-у... Я тут вообще ни при чём, чего на мне написали, то и показываю-у... Ай, горячо-о! Ай, я больше не буду-у! Настроение у неё было романтическое, всё время слова какие-то непонятные шептала-а... Ну там и «Рыцарь Печального Образа», и «сэр Ланселот», «златокудрий Роланд», «турнир, ристалище и взгляд Прекрасной Дамы»... Не знаю я-а... Ай, знаю! Не надо сразу, чего вы... Я же всего лишь вспомнить пытаюсь... Вроде как про убежище тайное ещё шепталась, где «деве скромной слёзы лить и принца ждать на белом жеребце»... Так вроде-е... Больше ничего не знаю-у... Ай, ну не знаю же я-а!..

– Бабуль, – наконец не выдержал я, – вы не в курсе, что у нас в отделении милиции применение пыток к свидетелям строжайше запрещено?

– Дык... я энто... я пытаю разве?! – изумлённо вытаращилась на меня моя домохозяйка. – Господь с тобой, Никитушка, это ж надо такое придумать! Мне при свече лучше буквы видно, да и от жара, бывает, на бумажке слова тайные проявляются. А ты сразу: пытки, пытки...

– Положите улику к другим вещдокам, – тем не менее строго потребовал я. – В принципе ничего нового мы не узнали. То, что царевне ударило в голову романтическим томом сказок о короле Артуре, нам было известно и до этого. Но вот слова про «тайное убежище»... Как вы думаете, есть у нас в Лукошкине приют для сбежавших царевен?

– Ну-у... А знаешь, милоч, ить, может статься, и есть!

Я присел за стол, и бабка, передав мне многострадальную записку, заговорщически прошептала на ухо:

– Приют не приют, однако ж есть одно место, где любой девице ночлег дадут и имени не спросят.

– Гостиница? Отель? Малина? Хата?

– Женский монастырь святой матушки Пургении.

Сначала я подумал, что ослышался, а потом чуть не рухнул под стол, скорчившись от хохота! Чьего имени?!

Бабка обиженно ткнула меня локтем в бок и терпеливо, как щенку лопухому, пояснила:

– Ты ить тёток-богомолиц в нашем отделении видел? Ну когда они нашего Митьку привели? Вот, стало быть, они в монастырь матушки Пургении и направлялись. Он тут рядышком, за крепостной стеной, во лесочке неприметном, не доходя три версты до Ростопуловки. Соображаешь?

– Вполне. Завтра с утра отправляемся с инспекцией в монастырь. Надеюсь, хоть там ещё не знают, что я умер?

Баба-яга так торопливо закивала, что у меня не осталось ни малейших сомнений – чёрное известие о скоропостижной гибели участкового накрыло плащом скорби всю русскую землю. Всё, сил моих больше нет, надо с этим что-то делать, никакие интересы следствия не стоят того, что тут со мной творят уже трое или четверо суток!

Я решительно встал со скамьи, намереваясь в ту же минуту осчастливить всё Лукошкино «благой вестью», но не успел...

– Беса привязали, фитили зажжены, пищали заряжены. Палить али вас дожидаться? – сунулся в двери один из еремеевцев.

Я скрипнул зубами, мысленно пообещав себе вернуться к этому разговору, и, надев фуражку, быстро вышел на задний двор отделения. Яга осталась в доме, сказала, что ей надо драгоценного Васеньку успокоить, а то он грубияна дьяка Фильку очень уж перепугался.

Я только усмехнулся про себя, вот ведь вроде кот, а брешет, как собака. Ладно уж, это их личные проблемы, в конце концов, он с неё лишь ложку валерьянки слупит, а не нотариально заверенное завещание с наследованием всего движимого и недвижимого имущества.

– Что, молодцы, готовы? – спросил я у шестерых суровых бородачей под командованием бессменного Еремеева.

– Так точно, батюшка сыскной воевода! – гаркнули стрельцы, ставя на специальные рогатины толстенные фитилезарядные пищали.

Бледный бес, накрепко примотанный к бельевому столбу, смотрел на нас круглыми от ужаса глазами и жалобно прихлупывал пяточком.

– За неоднократные покушения на жизнь сотрудников милиции, за недобросовестно построенный забор у гражданина Милованова и за попытку добить молотком по голове дьяка думского приказа Филимона Груздева по законам военного времени изменника отечества и врага всего прогрессивного человечества-а...

– Стойте! – взвизгнул перепуганный роконосец, суча копытцами. – А последнее желание?

– Глупый предрассудок, – обрезал я. – Тем более что бесы не являются представителями дворянских родов для подобной привилегии. Гото-о-

овьсь!

– Я готов дать показания-а!

– Думаю, мы получим их от твоих подельников, когда возьмём обоих.

Це-э-эльсь!

Стрельцы прильнули к прикладам, и бедного беса прорвало:

– Я всё скажу, они ничего не знают, они дурачки, у них мозгов нет, а я, я, я... Я меч крал!

Ну вот, другое дело, сработала старая школа доброго советского НКВД. Теперь можно и выслушать, что оно у нас там накипело...

– А-апчхи! – неожиданно громко чихнул расстреливаемый, и стрельцы как по команде дали залп!

Я обомлел на месте...

– Вы... вы что, с ума сошли?! Он нам живой был нужен!

– Не бойсь, Никита Иванович, – положил мне руку на плечо стрелецкий сотник. – Ты ж «заряжай» не скомандовал. Вот парни чистым порохом и пальнули.

– Юмористы, – проворчал я, кладя руку на бешено бьющееся сердце. – До инфаркта же доведёте когда-нибудь...

Мы вместе с Еремеевым подошли к уже подмоченному бесу и честно предупредили:

– Вот только один раз соврётся, и кранты! Со второго залпа наши уже не промажут.

Бес с трудом сфокусировал на нас косящие глазки и обвис на верёвках. Похоже, снова обморок. И как только таких малахольных типов берут в разведку, в преступники и диверсанты?..

Мы полили помилованного водичкой, и я присел рядом на чурбачок, стенографируя его торопливую сдачу всех и вся с потрохами. Стрельцы неспешно перезаряжали пищали. Через полчаса у меня были отличные признательные показания. Дело начинало проясняться...

– Ну что я могу сказать... – В принципе показаний было больше чем достаточно, но правила хорошего милицейского тона требовали потянуть время. – Если всё это окажется правдой...

– Как бог свят, начальник! – только что не перекрестился бес, и я продолжил:

– Если всё это окажется правдой, то за содействие властям мы можем и пересмотреть судебное решение. Каторга, Сахалин, двадцать пять лет без права переписки и в общем-то...

– Это очень мягкий приговор, – хором согласились все присутствующие, а недострелянный рогоносец буквально растаял от

счастья, жал всем руки и смотрел на меня самыми влюблёнными глазами.

Честно говоря, я с трудом представлял, как сдержу слово, ведь бес не человек и его по этапу отправить непросто, даже если рога спилить, а пяточок носовым платком прикрывать постоянно. Но будем считать, что это не моя забота. Бабу-ягу попрошу, она что-нибудь придумает.

– В поруб его, парни! И спасибо за участие.

– Рады стараться, батюшка сыскной воевода! – дружным хором грянули все, включая развязанного беса. Ну, видимо, ему тоже просто захотелось покричать за компанию, стадный инстинкт, со всяким бывает, коллективное сознание – великая сила.

Солнышко уже покатилося к закату, заливая бабкин двор оранжевыми и жёлтыми красками. По вечерам становилось прохладно, чувствовалось, что где-то впереди осенние дожди, и никуда ты от матери-природы не денешься. Я сунул потрёпанный блокнот в планшетку, вернулся к воротам, уточнил у дежурных стрельцов, не прибыл ли Митька, убедился, что не прибыл, и вошёл в дом. Моя домохозяйка терпеливо ждала меня за накрытым к ужину столом. На сегодня были пироги с капустой, уха из судака и ватрушки с творогом.

– Даже слушать ничего не стану, покуда не покушаешь! – сразу поставила ультиматум бабка. – Успеем и позже всякими доказательствами обменяться. А тока поперёд тебе так скажу: всё одно Кощеюшкин почерк во всём энтот деле очень явственно виден. Впредь со мною не спорь: говорю – Кощей, значит, Кощей! И неча нам других преступников разыскивать...

Я было открыл рот сказать, что совершенно с ней согласен и вообще мы это давно проехали, но тут же получил пирог в зубы и, махнув на всё, молча сел за стол. Если она так и будет меня кормить, но не выпускать из терема на предмет побегать, то меньше чем через недельку сказка о Колобке-участковом пойдёт гулять по скоморошьим представлениям и наверняка будет пользоваться шумной популярностью в народе. Я от бабушки ушёл, зайцу трое суток, волку пятнадцать, медведю год исправительной колонии, а тебе, лиса...

– Можно я не буду ватрушку? И так ремень почти не застёгивается.

– А ты в нём новую дырочку прокрути да и ешь себе преспокойненько! – не пошла на компромисс Яга, так что одну ватрушку мне всё-таки пришлось съесть. И такая она была вкусная, что я невольно потянулся за второй, но вовремя отдёрнул руку. Всё, диета!

– Так, спасибо, сыт. Всё просто объедение, но служба превыше всего!

– Уморишь ты себя голодом, касатик...

– Пока я у вас квартирую, голодная смерть мне грозит в самую последнюю очередь. Давайте всё-таки по делу.

Яга подмигнула кому-то за печкой, и стол вдруг волшебным образом сделался прибран и даже застелен чистой скатертью. Не знаю, чем и сколько она платит домовому, но пашет он у нас в доме за троих, ей-богу...

– Итак, вкратце, что удалось выяснить у пленного беса. В деле их было трое братьев-близнецов, все одного помёта, не местные, холосты и, так сказать, мастера на все руки. Блудливые, шаловливые и вороватые.

– То исть, попросту говоря, жульё?

– Да, – лаконично согласился я. – Были наняты неизвестным лицом с целью вывода из игры главы лукошкинской милиции...

– Это тебя, что ли?

– Меня, кого же ещё, не перебивайте. А после неудачного покушения тот же заказчик резко изменил задание на кражу меча-кладенца. Вот с этим братцы-бесы справились лучше.

– Тока зачем Кощеюшке меч запонадобился, от вопрос?

– Не спешите. Тут и начинается самое интересное. – Я загадочно улыбнулся. – Бес утверждает, что заказчика они в глаза не видели, но уверен, что это – женщина!

– Как так? – отступив, опешила бабка. – Да врёт он небось, собака козлоногая! Чтоб бес не рассмотрел того, от кого приказы получает да деньгу гребёт?! Не могёт того быть!

– Мне тоже всё это кажется подозрительным, однако задержанный твёрдо стоит на своём. Заказ делала женщина, может быть, даже девушка, голос приятный, звонкий, но сама оставалась невидима. Чисто гипотетически, отвлечённо, без эмоций, такое могло быть?

Наша эксперт-криминалистка крепко задумалась. Ответила не сразу, видимо честно взвешивая в уме все «за» и «против».

– Может, и могло... Ежели у ней плащ-невидимка али шапка соответственная, дак, возможно, и прокатило бы. Бесы, они в гадостях хитры, но и сами на любой обман ведутся простодушно.

– Это я уже понял и оценил. Но давайте не будем забывать, что у нас по городу где-то бегают ещё два утырка с рожками. И напоследок самое интересное...

– Да уж не томи, Никитушка, – взмолилась Яга.

– Эти растяпы умудрились потерять меч!

– Что?!

– Сам в шоке! – удовлетворённо потянулся я. – Якобы, когда они

ночью шли через двор, их кто-то спугнул, то ли собака залаяла, то ли ещё что... Бесы спрятались за угол, а когда всё вроде бы стихло, попятились к выходу и столкнулись с неизвестным! Получилась куча-мала, все перепугались, орали, толкались и разбежались уже, когда к ним кинулись сторожевые псы. Бесы до своего строительного шалашика летели не оборачиваясь! А вот там...

– Свёрток не тот!

– Не тот, в нём оказался здоровущий копчёный угорь, – важно подтвердил я. – В общем, меч-кладенец они таинственной заказчице не вручили. От стресса на месте была съедена и вещественная улика. А сами рогатые жулики попросту намеревались дать дёру, чтобы не возвращать аванс...

– Тогда к тебе на кладбище с чего пошли?

– Удостовериться. Вы же первые пустили слух, что милицию, дескать, не как всех хоронят. Вот и они тоже заинтересовались, что с участковым в гробу будет. Говорит, хотели осиноый кол в грудь вбить, чисто так, по традиции, на всякий случай. И ведь ловкости им не занимать...

Бабка торжественно перекрестилась, видимо вспомнив, как те же бесы умудрились прошмыгнуть на территорию отделения и всех усыпить, чтоб не мешались. А могли бы и вовсе грохнуть! И вина за это в первую очередь лежит на самой Яге, поскольку её двор, её терем и она у нас тут по вопросам магической безопасности главная.

– О, кажись, Митенька пришёл, – стряхивая с себя печальные думы, встрепелась моя домохозяйка. Я тоже не стал развивать тему.

В конце концов, это дело прошлое, полезные уроки мы, надеюсь, извлекли, пострадавших нет, надо просто взять себя в руки и работать дальше. Всем вместе, в одной связке, без упрёков и недоверия друг к другу.

– Ну ладно, сейчас бесы не главное. Вернёмся к краже меча и послушаем, что Мите удалось выяснить по поводу местонахождения царевны Марьяны.

– Да уж небось он всего навывяснял, старательный наш, – улыбнулась Яга.

– Но царевну не нашёл.

– Откуда знаешь?

– Элементарно. Он бы просто притащил её с собой, неся на плече или под мышкой.

– И то верно, – подумав, согласилась наша эксперт-криминалистка. – Митенька, заходи давай! Дело к вечеру, пора за служебное задание ответ держать.

– Коли настал мой час истины, так и буду, и ответ удержу, и вам, товарищам старшим, от всей души поведаю, чем хлеб горький, милицейский, отработывал, – ещё в сениях начал декламировать он. – Здравсте, Никита Иванович! Как здоровьечко?

– Спасибо, в порядке. Но время не ждёт, давай как-нибудь к делу...

– Понял, уловил, совесть имею. Велите слово молвить?

– Велю, Митя, велю. Молви. – Я страдальчески покосился на бабку, та ободряюще подмигнула нашему герою. Но этот гад всё равно выдержал длиннющую паузу, дав нам возможность прочувствовать момент и приглядеться к нему повнимательнее...

Вид Митька имел потрепанный и недовольный, но спиртным от него не пахло, значит, работал честно. Да и сам доклад нашего младшего сотрудника о произведённых им действиях ни у меня, ни у Яги особых вопросов не вызвал.

– Весь базар оббегал, по всему городу лапти обтоптал – нету её! Ужо и людям надёжным ориентировку выдал: дескать, кто узрит девицу бесхозную осьмнадцати годков, с косой рыжею, в одежке приличной, так сразу в отделение сообщить за весомую награду. Я так понимаю, что «спасибо» из светлых уст Бабуленьки-ягуленьки и есть «награда весомая», верно?

– Ну-у, – осторожно переглянулись мы. – Пожалуй, да. Если конкретную сумму ты не называл, то вполне себе прокатит. Продолжай, Митя.

– А вот стрельцы царские у ворот, – ободрённый нашими кивками, продолжил он, – баяли, будто бы с утречка много девок за город выходило, так что и рыжие посередь них вполне могли оказаться. Я ещё на них гавкнул для порядку, чтоб нух не теряли. Пятнадцатью сутками пригрозил, так они и...

– Прислушались?

– Не, взашей дали... – грустно вздохнул Митя, но больше жаловаться не стал, сам понимал, что перегнул палку с полномочиями. – Однакось мысля меня тут посетила.

– Вот этого не надо, – упёрлись мы с бабкой.

– Дельная мысля!

– Митя, у тебя голова для другого предназначена. Не надо ей ещё и мыслить.

– А я всё одно скажу, – обиженно взвился мой напарник. – Вы-то под ейным окошком не были, а я был! На царский двор заглянул, не побрезговал. Так вот, и мысля моя раздумчивая: а ить не могла Марьянка

сама сбечь! С такенной-то высоты, да по чищенным бревнам, да в темноте, не видя, куда ножкой ступает?! Стрельцов царских про то спросил, а они нос воротят подозрительно. Голову на плаху положу, а тока был у неё в этом деле тайный сообщник...

Я замер, набрав полную грудь воздуха для гневной отповеди по поводу его неподчинения старшему по званию. Баба-яга тоже сдержала костлявую длань, занесённую для карательного подзатыльника. Получалось, что Митькина «мысля» по большому счёту не была лишена оснований и вполне попадала под понятие «следственная версия».

Удивительно, как раньше такая простая идея в голову не пришла ни мне, ни Яге. А ведь если вдуматься, то по логике вещей в одиночку провернуть такое непростое дело, как бегство со второго этажа царского терема, весьма и весьма проблематично. Не могли же там все подряд спать – и стрельцы, и сторожа, и дворовые собаки? Хотя вот с этим, конечно, вопрос...

Честно говоря, дрыхнут они там, как медведи в зиму, только храп на всю территорию. Кого им бояться, кто к ним по ночи полезет? Так что могли спать, да и, скорее всего, и спали. Нормально. У нас такое бывает. А вот чего не бывает, так это чтобы совсем ни одной улики, ни одного свидетеля и ничего, чтобы хоть как-то объясняло саму цель побега.

Да и царевна Марьяна при нашей первой встрече как-то не производила впечатления опытной скалолазки-экстремалки с неуравновешенной психикой, толкающей на глупые и непредсказуемые поступки. А такие фортели можно выкидывать либо с серьёзной подготовкой, либо с чьим-то активным участием. Надо искать этого таинственного помощника. Или помощницу...

– Молодец, Митенька, – ответила за меня Баба-яга. – Иди-кось отсель к себе в сени, я там тебе кашку гречневую с маслицем полотенцем накрыла, чтоб не остывала. Иди, иди, касатик, отдыхай, заслужил.

– А энто... – храбро шмыгнул носом наш младший сотрудник. – Поощрение какое ни есть в виде пары кренделей?

– Ща навешаю, – так же тепло, но твёрдо пообещала бабка, подпихивая меня локотком, дескать, напомни дубинушке стоеросовой, кто у нас тут начальник отделения.

Я сурово прокашлялся для порядку. Митя вздрогнул, прикусил губу, развёл руками, чуть не снеся самовар и сбив кота за печку, тихо извинился (выругался?) сквозь зубы и ушёл за кашей. Он хороший парень, деревенский и на подобную дискриминацию по начальственному признаку никогда не обижается. Считает, будто это ему ещё круто свезло, что он

попал к нам, в наши ряды, а не на хозяйственные работы в какие-нибудь мастеровые артели. Представить себе нашего умника, фантазирующего с плотницким топором в руках на лесопилке или мечтательно упускающего вниз ящик кирпичей на строительстве городских башен, всегда несколько жутковато...

Это Яга над ним смилостивилась, подобрала, как бездомного щенка на базаре, и при своём тереме поселила. Пожалела об этом, понятное дело, не раз, хотя Митька и был парень на все руки: дров наколоть, печку растопить, воды натаскать, двор подмести, забор подправить, скотине домашней корм задать – это он всегда может. И сделает как надо, и нудеть зазря не станет, он у нас простую работу любит. Но вот к своим милицейским обязанностям подходит с такой долей творческой фантазии, что нам потом людям в глаза смотреть стыдно.

– Ладно, чего это я о нём так? – сам себе удивился я. – Тяжёлый день выдался, нервы ни к чёрту. Наверное, надо просто завалиться спать. Вы как, бабуль?

– Ты иди к себе, Никитушка, Богу помолись, да и на бочок, – как-то рассеянно ответила Яга. – А я тут ещё чуток посижу, носок довязать надобно да вона с Васенькой побеседовать на разные темы. За жизнь, за хозяйство, за любовь...

Я покивал, признавая её право на личное время и территорию. В конце концов, мы все здесь квартиранты и надо совесть иметь, предоставляя гостеприимной хозяйке хоть немного свободного времени. Поэтому я просто поднялся к себе наверх, разделся, лёг в кровать и уснул без задних ног, едва накрывшись одеялом.

О том, что произошло ночью, мне наутро рассказали стрельцы. Честное слово, дикий поросячий визг второго пойманного беса поднял на ноги всех соседей! Я же мирно спал сном праведника... То есть вообще без снов!

Проснулся утром рано, часа в четыре. Если кто ещё не догадался, меня разбудил петух. Он так яростно, жалобно и горько голосил, что когда я подошёл с тапкой к окну, то сам чуть не прослезился от сострадания. Представьте себе картину маслом...

Этот пернатый Гамлет с гребешком набекрень медленно вышагивает туда-сюда по двору с таким печальным видом, что куда там самому Шмулинсону. Абрам Моисеевич, конечно, периодически напускал на себя облачко вселенской скорби по судьбе всего еврейского народа, но наш русский петух на этот раз его переплюнул. Гребешок висит, глаза мутные, походка спотыкающаяся, крылья вниз, хвост повис, а из горла невнятный

клёкот плохо сдерживаемых рыданий по поводу утерянных любовниц.

– Извини, моя вина, – тихо, чтоб он не услышал, пробормотал я. – Разберёмся с этим делом, и я обещаю купить пять, нет, десять самых толстых и красивых голландских кур! Надеюсь, это хоть как-то заменит... усопших...

Быстро одевшись и умывшись, я бегом спустился вниз, едва не сбив на лестнице поднимающуюся меня будить бабу.

– Ты что ж так рано вскочил, сокол ясный? Я-то, старая, думаю, пойду гляну, хорошо ли спит Никитушка, да одеяльце подоткну. А ты вона уже и на ногах?

– Служба не ждёт, – лаконично ответил я, потирая руки. – Сейчас быстренько завтракаем, запрягаем кобылу в телегу, и я к царю. Пора воскресать!

– Ты б не спешил, милок, а? – осторожно попридержала меня за шиворот Яга. – Нельзя тебе в люди сегодня.

– Почему ещё?

– Да потому что охоту на тебя враг тайный не прекратил покудова. Ночью стрельцы ещё одного беса взяли.

– Ух ты, вот это новость! А чего меня не разбудили? Где он? Живым взяли, без пальбы и членовредительства?

– Насчёт последнего уж будь уверен, – по-девичьи покраснела моя домохозяйка. – Пятачок ему защемило, а не то, об чём ты подумал.

Теперь уже покраснел я, а Баба-яга продолжила:

– Я-то по ночи у крылечка корыто с ботвиньей поставила, её дюже как свиньи любят. Ну и порошок кой-какого травного добавила, чтоб и бес мимо не прошёл. А на доньшке капкан стальной, лисий, развела. Стрельцы говорят, в хмарь предрассветную как раз и схлопнуло! Визгу было-о... Неужто не услышал?

Я отрицательно покачал головой, хотя обычно у меня очень чуткий сон. А вот наша скромная бабуленька, получается, за это время целого беса поймала...

– В поруб его стрельцы сунули, к сотоварищу.

– Это зря, – автоматически отметил я. – Лучше бы отдельно, теперь они могут договориться об одних показаниях.

– Ну уж прости, сыскной воевода, не додумались сразу...

– Ничего-ничего, это я так, без обид и упрёков, – опомнился я. – Вы сделали большое дело, второй бес наверняка шёл сюда с преступными намерениями...

– Рубанок при нём был и отвес строительный, – подумав, сообщила

Яга. – Предметы для ночного визита в милицию куда как подозрительные. Настругал бы ещё чего без разрешения али кому отвесил...

С этим я спорить не стал. В принципе что сделано, то сделано, раз уж и второй бес в порубе, то, пожалуй, нет смысла спешить с допросом. Давайте-ка сначала завтрак, чай, а вот потом уже и будем коллегиально решать, куда и как двигаться.

Поставив передо мной горку горячих блинов со сметаной и черничным вареньем, бабка традиционно присела напротив и, заботливо глядя на меня, начала выстраивать свою следственную линию. Всё об одном и том же...

– Ты ешь, ешь, Никитушка, не отвечай, тока вполуха слушай. Уж я-то, поди, плохого не присоветую, всякого навидалась, и хоть улик у нас маловато, а ить ниточка злодейская всё одно к старому клубочку тянется. Кому твоя смерть выгодна? Кощеюшке! Кому под силу аж трёх бесов нанять? Ему же! Кто всё Лукошкино под свою руку пообмять пытается да разные козни для того строит? Он же и есть!

В двери деликатно постучал Митя. Вошёл и встал на пороге, держа в руках пустую миску на манер Нельсона Манделы. Лично мне стало стыдно...

– Тебе чего? – ворчливо обернулась Яга.

Наш младший сотрудник гордо молчал, сглатывая слюну и стараясь не смотреть на накрытый стол.

– Митя, садись, – нервно попросил я. – Садись, ешь, не надо ничего объяснять, я сам был студентом и всё понимаю...

– Ты, Никитушка, неужто решил, что я нашего младшего сотрудника голодом морю? – сдвинув брови, фыркнула бабка. – Энто он уже две миски каши умял и за третьей заявился?!

– Никак нет, – наконец соизволил ответить Митька. – А тока очень уж хотелось выходной на сегодня выпросить. К маменьке на деревню съездить бы, крышу ей подправить, течёт ведь, поди...

– Мягко говоря, не вовремя. Да и с чего бы? У нас у самих дел выше маминой крыши, следствие буксует, меч не найден, царевна сбежала – какой выходной, что за детский сад?

– И впрямь, чего тебя черти надирают? – удивилась моя домохозяйка, привстала и засмотрелась в окно. – Вроде люди какие-то пришли. Глянь, Никитушка?

– Митя, – обернулся я, – уж извини, с выходными придётся повременить. Выйди посмотри, что это там за шум у ворот?

– Сию минуту, Никита Иванович, – мгновенно умёлся Митька. – Не

извольте беспокоиться, сей момент, всё выясню да вам в лучшем виде и обскажу.

Я прихлебнул ещё пару глотков горячего чая, когда бабка вернулась от печки с большой тарелкой горячих плюшек.

– И чегой-то у наших ворот народ лукошинский бузотёрит? Никак прямо перед отделением милиции драку учинить задумали, хулиганы...

– Видимо, борзомер зашкаливает, – хватая первую сдобную плюшку, подтвердил я. – Но туда же Митя пошёл, сейчас вернётся, расскажет...

– Да откуль ему знать-то? – искренне удивилась Яга. – Он ить вона на задний двор рванул да через забор лыжи вострит.

– Не понял?!

– Батюшка сыскной воевода, – в горницу заглянули двое встревоженных стрельцов, – там за воротами шибко народ бунтует! Говорит, дескать, не дадим зазря девок в поруб сажать, а хоть бы и рыжих!

– Опять не понял, – уже абсолютно беспомощно развёл руками я, умоляюще глядя на бабку.

– Дык энто сотрудник ваш младший вчерась кого-то просил девку рыжую поискать. Ну навродь как преступницу. Вот поутру ужо изловили добры люди шестерых и к нам в отделение приволокли, награды требуют. А тут следом их родня понабежала...

– Чья?! – окончательно запутался я, потому что мозг категорически отказывался признавать этот бред за реальность. Потому что, потому что...

– Митька-а-а-а-а!!!

– Митеньку вечером расстреляем, – поспешно успокоила меня моя домохозяйка, обеими руками выпихивая бородатых стрельцов в сени. – Пойду-кось я с людьми побеседую, горячие головы успокою. А ты не вылазь, соколик, не ровён час, испугается народ, ломанётся толпой от ворот, ещё потопчут кого...

Баба-яга решительно поправила платочек, а я осторожно распахнул форточку, прислушиваясь...

– А вот я те говорю, виновна! Раз рыжая, значитца, не зря за неё вознаграждение милицейское предлагается. Стало быть, спалилась где, может, конокрадство, а может, в картишки купцов обувала – да мало ли, а?

– Окстись, ирод, ей же от роду шесть лет! Не держите меня, люди, щас я ему энто вознаграждение поперёк хари небритой коромыслом пропишу! По гроб жизни будет гжельским чайником ходить – сам белый, а синяки голубые!

– Остынь, тётка! Не у одной тебя горе. Пропусти, ибо тоже вопрос имею! А вот ежели я сам как отец свою дочь в милицию привёл, мне за то

какая награда будет? Ну и чё, что она не рыжая? А может, она у меня крашенная? Может, она в душе рыжая? Может, мне на выпивку не хватает, а коли вознаграждение тока за рыжий цвет положено, как-то не по-христиански будет, братцы?!

– Вот ты где, гад? Вот ты где, кровопийца! Аспид сушёный! Козёл безрогий! Тебе кто позволил родную дочь в отделение волочить?! А ты, Манька, чего стоишь?

– А чё-о-о?

– Давно б дала батьке по шеям да домой отнесла, дылда здоровая!

– А чё, можно-о-о? Ну тады крестись, батя-а-а...

– Эй, милиция?! А вот ежели у меня соседи по улице все рыжие, не тока девки. Да ещё и конопатые. Все, все, окромя деда. Не, тот тоже рыжий был, земля ему пухом, но пал от садового инструменту...

– Анька, марш домой! Домой, я те говорю! Нет, тебе нельзя в отделение, ещё тока там ты стрельцам глазки не строила?! Дома скотина не кормлена, полы не метены, дети по лавкам с внуками скачут, а у ей шалости одни в голове, корова ты рыжая, семидесятилетняя...

Потом грозный рык Еремеева призвал всех к порядку, и народец примолк. Баба-яга, бегло оглядев всех подходящих по возрасту девушек, дала отбой. Как я понимаю, царевны Марьяны среди них не было. Да и кто бы поверил, что была! Уверен, шустрая сестричка нашего Гороха ещё вчера успешно сделала ноги из города и сейчас скрывается где-нибудь в тайном убежище. Предположительно в том самом женском монастыре, о котором говорила бабка...

Постепенно шум стих, люди, ворча и переругиваясь, расходились по домам. Не выходной всё-таки, у каждого свои дела, постоянная работа, весь день топтаться у ворот отделения мало кому время позволяет. И у меня, кстати, тоже серьёзные планы на день, а вечером так вообще ещё и показательный расстрел младшего сотрудника. Да-да, Яга мне сама обещала, а она слово держит...

– Всё, Никитушка, собирайся! – В горницу заглянула раскрасневшаяся бабка. – Поедем с тобой в энтот святой монастырь.

– А... город на кого оставим?

– Да ничего с твоим городом не случится. Стояло же Лукошкино до тебя, небось и сейчас под землю не провалится. А ежели что весомое, так Еремеев со стрельцами на посту.

– Хорошо. Я готов. Только возьму планшетку и блокнот.

– Ты, милай, не спеши, – чуть осадила моё рвение наша эксперт-

криминалистка. – Поедешь в телеге под сеном, Митенька запрягает уже.

– Так он тут?

– А куда ж он денется, – недобро усмехнулась глава экспертного отдела. – За все грехи отвечать надобно. На сей раз он в конюшне отсиделся, но теперича, как народ рассосался, пущай за дело берётся. Да и кому кобылой-то править, не я ж, старая, за вожжи возьмусь?

Однако на деле Митя категорически отказался прямо сейчас ехать через весь город, нарываясь на разборки с горячими родственниками всех рыжух Лукошкина. Пришлось разрешить ему остаться на секретном задании, контролируя трёх женихов беглой царевны. Ну то есть позволил ему переодеться, изменить внешность и пройтись по кабакам, держа граждан Бельдым-бека, Сосо и фон Паулюсуса под тихим и негласным наблюдением. Причём денег на выпивку не дал, пусть это будет ему уроком...

А из ворот отделения нас вывез Фома Еремеев. Стрелецкий сотник привычно завалил меня сеном, взялся за вожжи, причмокнул губами, и рыжая кобыла тряско пошла вперёд. Я даже думал, что успею с полчасика подремать, закрыл глаза и расслабился, но...

– Стопорись-ка, стрелец-молодец, – разбивая мои мечты, задержала телегу бабка. – Чёй-то там такое громкое со стороны Базарной площади доносится?

– Вроде как дьяк кричит, – спокойно пожал плечами Фома Еремеев, но натянул поводья.

Наша кобыла встала, я осторожно разгрёб сено, максимально напрягая слух, хотя в последнем нужды не было: дребезжащий от нездорового энтузиазма голос гражданина Груздева, подобно церковному набату, разносился на целые кварталы.

– Свершилось, православные! Грядёт конец свету али уже как бы не пригрёб! Настал апокалипсиса верный час, ибо мёртвые из гробов восстали-и!

Судя по тому, что ему никто не возражал, всем было жутко интересно. И не потому, что какой-то там мертвец где-то воскрес – у нас тут по всему городу недавно мёртвые немцы друг за дружкой косяком воскресали. А просто потому, что знали: с чего бы ни начал свою дурную речь мстительный дьяк, закончит он по-любому смертным проклятием всей милиции...

– Фома, будь другом, подвези поближе, – тихо попросил я. – Мне же тоже любопытно!

– А любопытной Варваре на базаре знаешь что оторвали? –

попыталась урезонить меня бабка, но я знал ответ и был непреклонен:

– Нос!

– А любопытному китайцу?

– Сотник Еремеев, вперёд! – не ввязываясь в рифмованную дискуссию, приказал я, и Фома дёрнул поводья, прищёлкнув языком.

Через пять минут слышимость заметно улучшилась...

– Днесь был я в том отделении, прости его, Господи, за грехи смертные, ибо несть ему прощения ни на земли, ни на небеси! Взащей гнали меня, сирого, заступника вашего пред царём-батюшкой, кой и не ведает, какую змеюку подколодную пригрел на грудях своих белых...

Картинка, нарисовавшаяся у меня в голове, была слишком вульгарна, чтоб описывать её в деталях. Одного бородатого Гороха в чёрном лифчике хватило, чтоб меж лопаток побежали мурашки. Чего с этими грудями делала змея, почему-то с Митькиным профилем и в моих погонах, даже предполагать не хочу, самому страшно...

– Дык я же с горя великого, за русский народ радеючи и по славе государства любимого страдаючи, крепостью духа исполнился, Господу Богу помолился, да и... на кладбище побёг! Туда, где за оградой, в земле неосвящённой, душегуб Никитка-участковый покоится. И чего ж это я там вижу, а?!

...А вот тут я понял, что, пожалуй, выслушал достаточно, как здесь выражаются, пора и честь знать. В смысле сваливать отсюда подброду, пока этот глашатай социальной справедливости нас не заметил и не сопоставил дважды два. Хотя, кстати, не факт, что дьяк у нас таблицу умножения знает. Но обсчитывать при выдаче жалованья умеет преотличнейше...

– А могила-то евонная и вскрыта! А в гробу-то евонном никого и нет! Убёг, родименький! Вот ведь просил же вбить ему кол осиновый в сердце, покуда его не зарыли... Ить всем же спокойнее будет, а теперь что?! Теперича обрёл сыскной воевода лицо своё истинное, и по ночи станет бродить по улицам нашим упырь в милицейской форме!

– Да будя врать-то... – наконец не выдержал кто-то из мужиков.

– Я вру?! – Голос дьяка Груздева наполнился таким драматизмом, что куда там Кобзону с песней про юный Октябрь и важность первого шага. – А вон гляньте-ка на соседнюю улицу! Видите, как сама Яга – костяная нога, глава отдела богомерзкой экспертизы, из Лукошкина в Испанию католическую эмигрирует? Чует, поди, что и за ней, старой, упырь страшный придёт?! И всё ихнее отделение перекусает, а успокоится, тока когда всех упырями наглыми сделает! Вот тогда уж и держись за шапки,

добрый люд лукошкинский...

Увы, моя шибко умная домохозяйка не придумала ничего умнее, как свистнуть лошади.

– Гони, сотник, ежели жизнь дорога! – подпрыгивая вместе с телегой на ухабах, орала Яга. – Да не твоя, не бойсь, а дьяка Фильки... У меня нынче нервы ненадёжные, пришибу с маху клюкой, не помилую! Быстрой смерти не обещаю, но и в ранг мучеников спиногрыза этого кособородого вводить не хочу. Гони, гони давай!

– Держи ментов, православные-э-э... – с тяжким душевным надрывом неслоь нам вслед, но рыжая кобыла мчалась, словно мифический Пегас, и хоть за нами никто не гнался, из городских ворот Лукошкина мы вылетели так, будто нашу телегу в зад пнули!

Стражники у ворот даже не поняли, что мимо них просвистело. Кобыла закусила удила, и хоть как-то притормозить её сотник Еремеев смог за поворотом в сторону речки Смородины, в берёзовом перелеске. Мы, все четверо, отдышались, бабка поправила платочек, Фома вытащил из сена упавшую шапку, я выплюнул попавшую в рот соломинку, кобыла нервно стряхнула пену с удил и одарила нас самым мстительным взглядом.

– Кто-нибудь может мне объяснить, с какого перепугу мы так резко дёрнули наутёк?!

– Дак ить дьяк же, Никитушка...

– Гражданин Груздев, как всегда, трепался на публику, ничего большего! – твёрдо пресёк я всяческие попытки жалких оправданий не по существу. – Вы могли просто при всех дать ему подзатыльник, и он бы заткнулся. А теперь, видя наше бегство, полгорода пойдёт на кладбище проверять могилу участкового. И угадайте, что они там найдут?

Баба-яга кротко вздохнула, не поднимая на меня глаз.

– Развороченную яму, пустой гроб и полное отсутствие тела! А вы мне ещё и воскрешать запрещаете?!

– Да я ж не ради своих капризов старушечьих, я ж по нужде служебной, интересов следствия ради...

– Поехали, Фома. – Прекращая бессмысленный разговор о вечном, я махнул рукой. – Едем в монастырь, уточняем все вопросы относительно возможного пребывания у них царевны Марьяны. Потом домой. И к вечеру я объявляю о «воскрешении участкового». Всё! Протесты не принимаются!

Бабка показала мне язык, думая, что я не вижу, но слова против не сказала.

Еремеев скромно дождался, пока мы оба выпустим пар, и тихо тронул поводья. Меня вновь полузакидали сеном, и кобыла неспешной рысью

повлекла служебную телегу нашей опергруппы вперёд по неровной просёлочной дороге. Я пригрелся, тоскливо размышляя о том, как давно не выбирался за город...

Было ещё тепло, но уже не жарко. Над головой в медленном вальсе проплывали кучевые облака, мягко шумели кроны берёз, тронутые ранней осенней позолотой, гудели шмели, пряно пахло сеном. Я вдруг почувствовал себя совершенно чуждым всей этой среднерусской идиллии.

– Все мы, дети больших городов, давно оторвались от естественного дыхания жизни. Мы забыли, кто нас создал и чем мы обязаны матери-природе. Дышим выхлопными газами, едим всякую дрянь из супермаркетов, уходим с головой в виртуальный мир компьютерных игр. Мы разучились общаться друг с другом, просто говорить, ощущать, удивляться. Да и вообще, в эпоху деструктуризации человеческого сознания роль каждого мыслящего индивида, возможно, заключена в том, чтобы лишний раз не...

Моя домохозяйка, доселе сидящая с открытым ртом, вдруг резко пришла в себя и без предупреждения врезала мне клюкой по лбу.

– Ай! – мигом опомнился я. – Что случилось?

– Энтэ мы у тебя, мил-дружок, спросить хотели, – тревожно переглянувшись с Еремеевым, проворчала Яга. – Ты в себе ли, Никитушка? А то ить речи какие-то странные ведёшь, ровно умом не слегка сдвинулся...

– Вот ещё раз меня так по голове стукнете, и точно сдвинусь, – краснея от стыда, буркнул я. – Далеко нам ещё до этого вашего монастыря?

– Ну он покуда не мой, я навряд ли в монашенки податься не собиралась. Однако ежели хорошим шагом, так и получасу не пройдёт, как там будем. Вот тока я сказать забыла – вам, мужикам, туды нельзя.

– Вообще-то я еду туда не как мужчина, а как представитель власти.

– Ну-ну...

– В смысле? – уточнил я.

– В позапрошлом годе в монастыре святой Пургении трое бояр по указу царскому были, – опережая Ягу, решил вставить слово и стрелецкий сотник. – Так монашки их скалками избивали, бороды ножницами обрезали, а самих в золе и навозе изваляли да в одном исподнем за ворота взащей вытолкали!

Я недоверчиво поднял бровь на бабку, та сурово кивнула.

– Разберёмся. В конце концов, не могут же они поднять руку на милицию. Я Митю попрошу, он им ворота лбом ломает.

– Сперва я пойду, – решительно высказалась глава нашего экспертного

отдела. – А коли тока какую грязную ложь замечу, так сразу знак подам, тогда уж и ты власть прояви. Ежели с двух сторон их зажмём, так небось расколются...

– А если нет?

– Ну тады... ой! Я-то вырвусь, мне они ничего не сделают, а вот тебя, касатик, могут и обесчестить. С них станется...

– Это как? – невольно похолодел я, поскольку, честно говоря, представить себя обещенным в женском монастыре было как-то противоестественно...

– Ты чего загрустил, соколик?

– Я? Я это... нет, всё в порядке, я в норме, так, задумался на минутку... А чего ж у них всё так сурово-то?

– Мать настоятельница там зверствует, – опять влез Еремеев. – Говорят, она по молодости аж на всё Лукошкино гремела, свой дом свиданий содержала на Лялиной улице. Теперь о душе вспомнила, ну и потому строга ко всем сверх меры...

– Твоя правда, Фома Силыч, – серьёзно подтвердила Баба-яга. – Кто по молодости милой греховодил неслабо, тот, бывает, в годы зрелые в такую аскезу впадает, что сам Христос на небесах очи от изумления таращит. В делах личной веры нет краю глупости человеческой...

Мы с Фомой согласно покивали. У каждого был свой опыт столкновения с религиозным фанатизмом. Еремеев, как я знаю, вообще священнослужителей не особо жаловал, а я вырос в нерелигиозной семье, где из церковных праздников помнили только Пасху и Рождество. Причём Пасха была важнее, на неё яйца красили. Рождество лично для меня обозначалось лишь традиционным показом по телевизору популярной сказки Гоголя.

Но это всё отвлечённые умствования, а за берёзками уже мелькали красно-коричневые стены далёкого монастыря. Честно говоря, я в таких церковных общежитиях ни разу не был, ну, быть может, кроме общеобразовательной школьной экскурсии в Даниловский монастырь в Москве. В той Москве, которая в будущем, откуда меня выкинуло и вряд ли когда вернёт, но речь опять-таки не об этом. Наверное, я просто нервничаю, раз так много говорю.

Короче, с той школьной экскурсии я запомнил, что на монахов невежливо показывать пальцем, что не стоит задавать глупых вопросов типа: «А ряса это платье или халат?» и нельзя бегать взад-вперёд, крича: «Смотрите, на иконе мужик с головой собаки!» Впрочем, в большинстве случаев детям многое прощается...

– Ну вот и прибыли, слава тебе господи, – зачем-то перекрестилась Яга, когда Еремеев, натянув поводья, остановил кобылу у крепких морёных ворот, врезанных в толстую кирпичную стену с бойницами.

Не монастырь, а прямо-таки боевая крепость какая-то. Причём с неоднократными следами осады и попыток взятия...

– Не стучать! – сразу осадила ретивого сотника моя бдительная домохозяйка. – Покуда внутрь не войдём, обоим стоять молча по стойке «смирно», очи долу и шапки долой. Тута уж я, старая, переговоры вести буду...

Еремеев послушно стянул стрелецкую шапку с опушкой, а я, наоборот, непонятно на что обиделся, вылез из телеги, отряхнул соломинки с мундира и поправил фуражку. Баба-яга покосилась на меня неодобрительным взглядом, но ничего не сказала. Подошла к воротам, согнулась едва ли не в поясном поклоне и так замерла. Через пару минут маленькое окошечко в левой створке распахнулось на ширину воробьиного крыла, и строгий женский голос спросил:

– С чем пожаловали в тихую обитель сию? Почто мирный быт монаший тревожите?

– К матушке настоятельнице, почтенной Февронии, за советом, нижайше кланяемся, – неправдоподобно-елейным голоском пропела Баба-яга.

– А подарки монастырю привезли с пожертвованиями?

– Ужо опосля не поскупимся, не извольте сомневаться.

– Матушка ноне не принимает. На молитве она, – после секундного размышления оповестил тот же голос, и окошко закрылось.

У меня что-то окончательно перемкнуло в голове, я шагнул вперёд, отодвинул бабку и, дважды саданув в оконце кулаком, зарычал:

– Откройте, милиция!

Моя домохозяйка только мяукнуть и успела. Как-то сразу повисла такая неприятная тишина. Я причины не понимал, поэтому за поддержкой обернулся к Еремееву и был опять-таки удивлён его резкой бледностью. Потом поднял глаза наверх и замер...

Из бойниц на меня смотрело не меньше двух десятков полновесных стрелецких пицалей. Осталось хоть кому-нибудь скомандовать: «Залп!» – и фарс с похоронами участкового перейдёт на уровень оптимистической трагедии.

– Что ты там сказал, покойничек? – нарочито медленно, с придыханием, протянул женский голос.

– Откройте, мили... – Я прокашлялся, волевым усилием убрав горловой писк, и твёрдо повторил: – Откройте, милиция!

– Ах вот оно, значит, как... – угрожающе прогудели из оконца. – Ну тады заходи, раз милиция!

Фома Еремеев громко икнул и надел шапку. Стволы пицалей дружно убрались назад в бойницы. Яга нервно перекрестилась слева направо, по католическому образцу. Я же просто улыбнулся им обоим, надеясь, что никто не заметил, как у меня дрожат колени.

Ворота медленно и торжественно распахнулись, нам навстречу вышла группа смиренных монашенок, с ног до головы одетых во всё чёрное. Возраст определить было трудно, все стояли опустив головы, кроме одной пожилой толстухи, державшейся с нагловатой властью.

– Неужто сам сыскной воевода к нам пожаловал?

– Мы по делу, – козырнул я.

– Да нешто кто в женский монастырь за развлечениями ходит?

– Матушка Феврония, – с пониманием кивнул я, – мы могли бы поговорить? У нас тут кое-какие проблемы в столице, и мы хотели бы задать вам пару вопросов. Без протокола, естественно...

– Догада-а, – широко улыбнулась настоятельница. – Ну, заходи тогда, посидим, о делах наших грешных побеседуем. Бабушке твоей тоже в обитель путь не заказан, а вот стрелец-молодец за воротами подождёт, кобылке вашей роздыху даст.

– Но мы все из одного отделения и...

– А иначе не бывать меж нас разговору! – отрезала матушка Феврония и, не оборачиваясь, пошла на монастырский двор.

Монашенки кинулись бодренько запирать ворота, так что мы с Ягой едва успели проскользнуть внутрь. Еремеев крикнул мне вслед, чтоб я не беспокоился, а уж он, сколько надо, подождёт. Уже спасибо, потому что этот подозрительный монастырь будил в моей душе самые мрачные предчувствия.

Я ощущал себя мистером Шерлоком Холмсом, идущим ночью в страшный дом с пёстрой лентой. Правда, со мной была Баба-яга, которая хоть и старушка, а любого доктора Ватсона с его армейским револьвером за пояс заткнёт, отшлёпает и голым в Африку пустит! Хотя чего это я? Ватсон же положительный персонаж, за что его голым в Африку? Втемяшится же такая странная фантазия в голову...

– Никитушка, тсс, не оборачивайся, – еле слышно прошелестела за моей спиной бдительная бабка. – Ты, ежели что, сам беги, обо мне не думай. Я старая, я своё отжила, мне можно и в монастыре до гробовой

доски грехи отмаливать.

– Вы это к чему сейчас? – так же тихо, едва ли не одними губами, откликнулся я.

– Марьянка здесь. Углядела я её в одной из послушниц. Однако же ежели она сама, своей волей, в святую обитель пришла, так настоятельница нипочём её нам не выдаст.

– Понял. Учту.

– Чего учтёшь, соколик? Русским языком тебе говорю: хватай её да беги! А я уж прикрою...

– Чего прикроете? – нарочито громко спросила идущая впереди матушка Феврония.

– Рот прикрою, сквозит, – мрачно, но вежливо ответила Яга. А на меня вдруг снизошло невероятное ощущение покоя и уверенности в себе. Мы справимся. Не знаю как, но справимся и всех победим...

Нас вели полутёмными коридорами во внутренние помещения. Пока шли, я всюду зыркал по сторонам, пытаюсь хотя бы приблизительное запечатлеть место, в которое мы попали. Первое, что удивило, так это отсутствие пожилых или хотя бы возрастных женщин-монашек. По идее, как мне казалось, именно они и составляют основную массу обитательниц подобных заведений.

Я уже был в курсе, что юные красотки, толпой идущие в монастырь замаливать первые грехи, это миф и сказка. В божьи прибежища, как правило, попадают люди старые, о которых некому позаботиться, или те, что всем сердцем чувствуют призвание к монашеской стезе. Ещё бывают такие, кого сдают родственники, но не путайте это с «заботой»! После пострига из монастырских стен выхода нет, они становятся и домом, и тюрьмой...

– Никитка, ты хоть глазами-то бесстыжими так явно по девкам не шарь, – шёпотом осадила меня бабка. – Они тут все христовы невесты, и неча облизываться!

– Я не... – Я сглотнул слюну и поправил челюсть, слегка приспустившуюся при виде очередной грудастой красавицы в чёрном. – А интересно, бельё у них тоже строго определённого цвета, с кружевами и бантиками?.. Тьфу! А куда мы, собственно, следуем, гражданка Феврония... э...

– У нас тут фамилий нет. Все под Единым Богом ходим, о мирском и не вспоминаем, – скромно ответила мать настоятельница и зачем-то подмигнула Бабе-яге. – Вот до моей кельи тихой дойдём, там, помолясь, и побеседуем.

– Да, собственно, я бы мог опросить вас и прямо здесь. Царевна Марьяна, троюродная сестра нашего государя, находится в вашем монастыре?

– Не ведаю, – без малейшей заминки соврала матушка Феврония. – К нашим воротам многие девицы приходят, для них обитель всегда открыта: и защитим, и успокоим, и за ручку к Богу приведем. А имя нам для этого спрашивать без надобности. Кто как назовется, так и верим. А уж после пострига вообще новым именем нарекаем...

– То есть чисто гипотетически она может находиться здесь?

– Может не может, она не она, про то только Господу и ведомо. На вечерней службе всех их выставлю, присмотрись, может, какую и выберешь...

Сейчас-то я понимаю, что был обязан арестовать её уже после этих слов, но... Задним умом у нас не только Митя крепок. Конкретно в ту минуту меня просто неприятно царапнула пошловатая двусмысленность фразы, и не более...

– Заходите, бабушка. – Настоятельница открыла тяжёлую дверь, пропуская Ягу в низкую келью с одной скамейкой и узким зарешеченным окошечком. – Подождите нас тут, о душе подумайте, а мы с участковым отдельно потолкуем.

– Но я не...

К моему удивлению, наша эксперт-криминалистка заткнула меня одним взглядом и скромненько уселась на краешке скамьи.

– Иди, сыскной воевода. Веди следствие по всем правилам, а обо мне не беспокойся, я тут в полной безопасности.

– Ну разумеется, – всплеснула полными руками матушка Феврония. – Разве ж с кем в святой обители блаженной Пургении чего плохого случиться может? Хотя, конечно, всяко бывает...

– Что? – нервно поинтересовался я, видя, как она протягивает руку к засову снаружи.

Настоятельница молча кивнула, указывая мне на приоткрытую дверь кельи напротив. Я вытянул шею. Ну что ж, это помещение казалось не в пример богаче прочих: резная мебель, ковры, кресло, даже огромная кровать, и... ни одной иконы. Здесь, как вы понимаете, не насторожился бы только клинический дебил. К каковым меня относить покуда рановато...

– Проходи, садись, участковый, чувствуй себя как дома, – фамильярно ткнула меня пальчиком в бок матушка Феврония и, обернувшись, крикнула: – Эй, там! А ну, быстренько накрыли поляну для нас с сыскным воеводой! Водочки, икорки, а к тому расстегаев с вязигоем. Али боярских пельменей с

олениною подать?

Поскольку я не сразу собрался с ответом и перетянул чего-то там у Станиславского, то моё молчание было принято как знак безоговорочного согласия. Баба-яга чуточку приподнялась на скамейке, но в тот же момент глухо щёлкнул хорошо смазанный засов, обрекая главу нашего экспертного отдела на прозябание в камере-одиночке.

Я опомнился и твёрдо посмотрел в глаза матушке настоятельнице.

– Зачем вы заперли сотрудницу милиции?

– Намёк поняла, участковый, – с нарочитой фамильярностью подмигнула мне гражданка Феврония. – Мы с тобой рядом, вот в той, соседней, келье, так же запрёмся да и побеседуем.

Она широко распахнула вторую дверь. Я сдержанно кивнул, но пропустил её вперёд. В конце концов, бабка и не из таких передрыг выпутывалась, а мне надо получить как можно больше информации об этом странном месте. И «странным» – это ещё самое мягкое определение...

– Может, присядешь, Никита Иванович, али приляжешь сразу? – Хозяйка фривольно села на край широкой кровати, гостеприимно, широким жестом предлагая мне занять оставшуюся площадь.

– Воздержусь.

– Да ты и впрямь с деловой хваткой, не зря про тебя серьёзные люди меж собой разговоры разговаривают. – В келью бесшумно скользнули две молодые монашенки, поставив на столик поднос с зелёным штофом и закусками. – Выпьешь хоть?

– На службе не пью.

– А я, грешница, и на службе, и до службы, и после службы потребляю, – махнула рукой матушка Феврония, сама наливая себе гранёный стакан чистой водки. – Э-э-эх, забористо пошла, проклятущая-а... Уф! Ну что ж, по службе так по службе. Ты ведь сюда не тока за-ради Марьянки заявился, верно?

Я промолчал, но выразительно выгнул бровь. С Митькой это всегда срабатывало, он простодушный, но – о чудо! – настоятельница тоже купилась.

– Значит, верно всё поняла. И бабка твоя милицейская ведь не при делах будет? Опять угадала, – удовлетворённо хмыкнула она, наливая себе второй стакан. – Предупреждал меня Кощеюшка, что рано ли, поздно ли, а делиться придётся... Скока хочешь за крышу милицейскую, сыскной воевода?

– Сначала о Марьяне, – изо всех сил стараясь выглядеть равнодушным, напомнил я.

– Да тут она, отправки ждёт, как и договаривались. А только меча при ней нет.

– Как это нет? – совершенно искренне удивился я, пока размякшая настоятельница расстёгивала пуговицы и, сняв чёрный платок, картинно распускала волосы.

– Ну как его бесы скрали, тебе небось и самому ведомо. А вот со двора царского кладенец вынести не смогли, кто-то спугнул их. Мы думали, это сама Марьяша была, однако когда девку к нам привели, так...

– Кто привёл?

– А ты и не знаешь? Вот поцелуй, так и скажу. Да и не просто скажу, а покажу кой-чего интересного. – Гражданка Феврония встала и, заметно кренясь влево, поплёрла на меня грудью. – Ай, да не бойсь, участковый, со своих денег не берём. Али тебе одной меня мало? Так я вмиг двух-трёх красных девок к тебе кликну. Все вместе покувыркаемся. Запретный плод он всегда слаще...

Я предпринял тактическое отступление вправо. Тётка обошла меня прямо по кровати и попыталась в длинном прыжке ласточкой сбить на ковёр. Я увернулся, а она плюхнулась на пол пузом, громко клацнув зубами, но энтузиазма не потеряла. Знаем мы таких самоуверенных дамочек, приходилось встречаться в Москве, на Тверской, но хотя там всё больше с суверенной Украины девочки толкались...

– Возьмите себя в руки, гражданка Феврония! Итак, вы утверждаете, что имеете рабочие связи с Кощеём Бессмертным и именно с его подачи включились в некую мошенническую схему по факту кражи исторической редкости, а именно меч-кладенца, и выманиванию из царского терема троюродной сестры Гороха, царевны Марьяны. Не хочу пока спрашивать о тонкостях финансовой заинтересованности сторон, но... – Я осёкся, потому что с матушки настоятельница вдруг одномоментно слетел весь хмель.

– Так ты и впрямь ищейка милицейская! С допросом появился, пёс?! А я-то, дура, думала... – В её руке блеснул невесть откуда взявшийся нож. – Попишу, порежу, кровь пущу волчаре сутулому-у!

Не волнуйтесь, я бы и сам прекрасно справился с ситуацией, но в этот момент дверь сзади распахнулась и на пороге показалась Баба-яга. Тихая, скромная, даже застенчивая, только из левой ноздри у неё бежала едва заметная струйка пара. Плохой признак...

– Не ждала, стерлядь крашенная?! – тихо констатировала очевидное моя домохозяйка и громко хлопнула в ладоши, как-то по-особенному цыкнув зубом. – Как во чистом поле – вольная воля, на той воле ветер, от ветру пыль столбом, а тебе лечь пластом! Тирли-тирли-тирли-там, пурум-пидум-

пу!

Последнее, как лично мне показалось, вообще из репертуара Мэрилин Монро, но сработало на все сто. Матушка настоятельница отступила на два шага и, не выпуская ножа из рук, опрокинулась спиной на кровать, замерев в крестообразной позе.

– Дышит?

– А то! Я ить не смерти ей, пособнице разврата, желала, а сна без движения. Ты-то сам как, соколик? Не успел оскоромиться?

– В порядке, – козырнул я и в течение пары минут выложил всё, что удалось узнать.

– Стало быть, Фёкла с Лялиной улицы имя сменила и в святой обители за старое взялась. Из цельного монастыря дом свиданий устроила! – всплеснула руками Яга, гневно сверкая глазами. – Видать, всех старых монахинь повыжила, а молодежь шалую себе подчинила. Настоятельнице перечить нельзя, её слово что царский указ!

– Не уверен, что здесь был именно дом свиданий в полном смысле этого слова, – поморщился я, косясь на обездвиженную гражданку Февронию. – Скорее пара-тройка встреч интимного плана, а дальше шантаж и вымогательство. Те бояре, о которых нам Еремеев рассказывал, наверняка не просто так в монастырь попёрлись. Горох своих думцев на такие проверки не посылает, ведь монастыри скорее в ведении Синода. А вот на любовных интрижках с монашками молоденькие бояре вполне могли засветиться.

– Стало быть, они с откупом прибыли, да в цене не сошлись, вот несолоно хлебавши и отвалились.

– Естественно, профессиональные шантажисты никогда своих жертв не отпускают. А сколько она ещё будет спать?

– Да покуда не разбужу, – фыркнула бабка. – Давай-ка ты, мил-дружок, беги к воротам, вели Фоме Силычу за подмогой в город кобылу гнать. А я покуда по углам Марьянку беглую поищу...

– А...

– Не бойсь, я тута всех девчонок по кельям разогнала, никто препятствий чинить не осмелится, – улыбнулась моя домохозяйка в своём фирменном стиле, так что даже мне на миг захотелось под кровать спрятаться.

И ведь я нашу бабулю не первый день знаю, должен был бы уже как-то привыкнуть. Ладно, поверю на слово. Тем более что идея-то неплоха и вполне логична: здесь надо произвести не один арест, опечатать служебные помещения, поставить охрану у ворот, вдвоём с Еремеевым мы точно не

справимся. Да и лазить по кельям к молоденьким монашенкам, выясняя, кто из них царевна, тоже как-то хлопотно. И неприлично, кстати.

Ну не так меня поймут, тут ведь к ним всякие разные вламывались. Пусть даже половина здешних обитательниц легко работала на мать настоятельницу, но остальные-то были приличными монашенками. По крайней мере, мне хотелось в это верить. Иначе какой вообще смысл в нашей работе, если не верить в лучшее и светлое в людях?

С этими мыслями я быстро пробежался по коридору, вылез на стену и сверху крикнул Еремееву, что у нас всё в порядке, но помощь не помешает. Сотник понятиливо покивал и поспешил распрягать кобылу, чтоб рвануть в Лукошкино верхом. Соберёт ребят и через час будет у ворот. Отлично! Я направился обратно к Яге, когда вдруг заметил одинокую монашку, спешащую куда-то по параллельному коридору. Профиль показался чем-то знакомым, поэтому...

– Гражданочка, подождите, пожалуйста!

Куда там! Она лишь припустила ещё быстрее, и я уже ни на миг не сомневался, что вижу перед собой беглянку из царского терема. Бросившись в погоню, мне почти удалось догнать её, но на повороте Марьяна резко нырнула в какую-то низкую арку. Я только кончиком косы по носу получил, и тут...

В почти тёмном и узком коридоре на меня вдруг напал медведь! По крайней мере, это единственное, что мне пришло тогда в голову. Мысль о том, что царевна Марьяна ещё и оборотень, появилась позднее и была уже малопродуктивна. Поверьте, в медвежьих объятиях вообще мало о чём можно думать, кроме того что из тебя вот-вот выйдет сок. А уж когда он ещё и дышит на тебя сверху кислой капустой с брусникой...

– Митя-а? – из последних сил опознал я.

Страшные объятия мгновенно разжались, роняя меня на пол...

– Никита Иванович? – неуверенно прогудел бас нашего заботливого младшего сотрудника. – А чё это вы тут делаете?

– Собираюсь задать тебе тот же вопрос.

– А я первый спросил.

– Митя, не нервируй меня! Я тут по службе, а ты должен был... тьфу! Напомни, пожалуйста, что ты должен был делать?

– Сами, значит, приказывают, а потом, значит, и не помнят...

Я с тоской понял, что резвую Марьяну мне уже не догнать, сгрёб нашего младшего сотрудника за грудки и выволок из прохода на свет божий.

– Убью.

– Ладно, скажу, – посмотрев мне в глаза, сдался он. – Чего ж не сказать, ежели так вежливо просите. За женихами следил. Хорошо следил, они меня в упор не видели. Я ж фактуру свою менял постоянно, энто им не простой мужик-валенек, деревенщина-засельщина, чёрная кость, сермяжье рыло! Я теперича с опытом – то пьянчужкой прикинусь, то гулякой беззаботным, то половым, то нищим-побирушкою, то купчиком загулявшим, то ямщиком, а то и цыганом.

– И весь этот театр юного зрителя ты отыграл в одном костюме?

– Ну да! – от души порадовал он. – Они ж пьяные были всё время, вот и поверили. Угощали меня-а...

Я не верил. Ничему. Может быть, кроме того, что этот гад опять где-то пил и обильно закусывал кислой капустой, чтоб перегаром не пахло.

– Митя, стоп! – Я привычно прикрыл ему рот. – Замри. Лучше даже не дыши. Подумай. Не торопясь подумай. А теперь скажи: какая нелёгкая тебя из лукошкинских кабаков в загородный монастырь понесла?

Наш младший сотрудник закатил глаза и, бешено жестикулируя, намекнул, что как бы без воздуха и с закрытым ртом хренушки он что-либо мне объяснит.

– Отомри, – сдался я.

– Дышать могу?

– Валяй, дыши.

– Благодарствую от всей души и от имени моей маменьки тоже. – Счастливо вдохнув и выдохнув полной грудью, Митяй перестал искушать судьбу и честно доложил: – В разговорах нетрезвых женихи об монастыре святой Пургении не раз говаривали...

– В смысле не разговаривали?

– В смысле упоминали вслух.

– Понятно. И?

– Ну вот и собрались они все втроём за каким-то делом сюда заявиться. И главное, разговор всё больше об женских ласках да невестах. Тут я и смекнул, что речь-то, поди, о царевне Марьяне идёт, ну и побёг, не дожидаясь, короткой дороженькой через лес.

– Как внутрь попал?

– Да тут недалеко калиточка. Толкнул плечом, она с петелек и рухнула. Нешто меня дверь удержит?

– Действительно, глупый вопрос, – подумав, признал я.

Если Митя считает что-либо помехой исполнению своего служебного долга, то этому «чему-либо» долго не жить...

– Отчасти ты прав, царевна Марьяна здесь была. – Я махнул ему

рукой, и мы вместе направились на второй этаж, к Бабе-яге. – Сестра царя действительно была здесь, но убежала через ту же арку, где мы с тобой столкнулись. А вот её женихи, скорее всего, прибыли сюда за другими «невестами». Настоятельница устроила из монастыря засекреченный публичный дом принудительного режима. Интересно лишь, каким образом это стало известно нашей пылкой троице, если даже мы в милиции ничего про этот бордель не знали...

– Сие загадка века, – философски вздохнул наш младший сотрудник, с интересом прислушиваясь к бормотанию девичьих молитв за закрытыми дверями в кельях.

Благо все монашенки вели себя разумно, никуда не лезли, пугачёвских бунтов не устраивали и гражданских прав не качали. По крайней мере, большинство...

Потому что когда мы вошли в покои матушки Февронии, то застали там аж десяток агрессивных девиц с вилками и ножами, теснящих в угол нашу огрызающуюся бабу. Яга шипела, плевалась, но в драку не лезла и заклятиями не разбрасывалась.

– Так, что это у нас тут происходит? – строго спросил я. – А ну-ка, гражданочки, опустите оружие и сейчас же извинитесь перед сотрудницей милиции. Потому что оказание сопротивления при аресте чревато лишением свободы сроком на...

Я с огромным трудом увернулся сразу от двух брошенных ножей.

– Митя! Чтоб тебя... Взять их!

– А мне мама говорила, что девочек бить нехорошо...

– А за старушек заступаться хорошо? Тогда бери скамейку и спаси нашу главу экспертного отдела. И да! Слушайся маменьку, за косички никого не дёргай!

Дальше я мог отойти в сторонку и не путаться под ногами. Пылкий Митя с сумасшедшими глазами и длинной, трёхметровой скамьёй в руках – страшное зрелище. Телохранительницы матушки Февронии тоже ему спуску не давали, известно, что женщины дерутся яростнее и безумнее мужчин. Они накинулись на него дружной толпой, как стая уличных кошек на дворового кобеля, только и полетели клочки по закоулочкам. Яга же, перекрестясь осторожненько, бочком, бочком перебежала поближе ко мне.

– Марьяна сбежала, – перекрикивая шум драки, первым начал я.

– От ить зараза какая, карантинная, – так же громко поддакнула моя домохозяйка, поддерживая разговор. – А я только успела здесь кой-какой обыск провести, как вон те дуры переспелые с матюками набежали! Скока лет на свете живу, и то не все слова знаю, а уж в таких-то чудных

соединениях...

– У нас есть закон о нецензурной брани в общественных местах? Допустим, что есть. Тогда можем дать пятнадцать су-уто-ок!

– И правильно-о! – Мы оба продолжали орать друг на друга, как кошка с собакой, иначе ничего не было слышно.

– А ещё за блуд и многочисленныя-а нападения-а на пожилую женщину!

– Лучше на сотрудника милиции, за это больше да-ду-ут!

– Тоже верно, я согласна дать показания-а!

– А что вы здесь искали-и?!

– Да меч энтот, будь он неладен! – прокричала мне на ухо Яга. – А тока нет его тут, не соврала матушка Феврония-а!

Я думал, что оглох, потому что на последних двух словах в комнате повисла полная тишина. Митя упарился, но управился – все монахини валялись кто где в причудливых трагичных, смешных или даже откровенно неприличных позах, разумно не подавая признаков жизни. Сам герой-победитель был расцарапан и оципан так, словно его два часа крутили в стиральной машине с шестнадцатью злобными дикобразами. Одежду, конечно, придётся купить ему новую. Всю. Включая лапти. От них тоже мало чего осталось. От левого практически ничего...

– Ты молодец, Митя. – Я перевёл взгляд на рослую плечистую девицу, лежащую под столом с половинкой лаптя в зубах. – Выноси их по одной к главным воротам, там Еремеев с ребятами на подходе. Пусть вяжут, доставляют в отделение, складывают в поруб...

– Там бесы сидят, – напомнила моя домохозяйка. – Не позволю у себя на дворе греховодить! Мы тута один дом свиданий прикрыли, а ты его у меня в порубе открыть хошь?!

– Складывайте в царскую тюрьму, – поправился я. – Постановление об аресте и обвинение предъявим завтра утром, а там пусть с ними церковные власти разбираются.

– Слушаюсь, батюшка сыскной воевода! – гаркнул он и осторожно покосился на Ягу.

– Иди ужо, не трону, – сурово сплюнула бабка. – Считай, что героическим деянием исправил прошлый промах...

Вот и замечательно. Я, честно говоря, немножко волновался по этому поводу, ибо наша бабушка быстро обид не прощает. Вдохновлённый победой и похвалой, мой деятельный напарник перетаскивал побитых монашек по три штуки за ходку. Мы же углубились в рассматривание бумаг гражданки Февронии, в миру Фёклы, допустив таким образом преступную

оплошность – мы забыли о ней самой. А когда я повернул голову к кровати, заслышав какой-то лёгкий шорох, то было уже поздно...

– Стоять! Руки вверх! – заорал я, видя, как из комнаты пытается выскользнуть одетый в серое толстенный бес на тонких ножках. Останавливаться и поднимать руки он, естественно, не стал, но рванул с места в кавалерийский галоп навстречу судьбе...

– Не уйдёт, – сквозь зубы выдохнула Баба-яга, одним широким взмахом от бедра пуская вслед бесу огненный шар.

Попадание было убийственно точным: от маленького злодея не осталось даже полной горсти пепла, но...

– Наша энта вина, Никитушка, – глухо простонала бабка, указывая на всё так же лежащую вдоль кровати настоятельница. Только теперь из её груди торчала чёрная рукоять ножа!

Кто-то убирает опасных свидетелей, без жалости и малейшего сочувствия. Я почувствовал, что вся эта афера с мечом-кладенцом имеет двойное, а то и тройное дно.

– Кощей?

– Он, соколик, больше некому. И почерк его, и характер. Сколь верно слуги всякие ему ни служат, а для него они всё одно что грязь под ногтями. И чую я, что нам с тобой за ответами вновь на Лысую гору лететь придётся...

Домой, в родное отделение, мы вернулись уже за полночь. «Воскрешение участкового» естественным образом отложилось до утра, сегодня уже не было ни сил, ни настроения.

Поиск царевны тоже был вынужденно отложен, мне требовалось время, скрипка и две порции табаку. Шучу. Хотя это очень грустная шутка, ведь на самом деле великому сыщику с Бейкер-стрит и одной затяжки бы не потребовалось, чтоб раскрыть всё это дело. А я мало того что ничего решить не могу, так ещё и прячусь от всего мира в бабкином тереме! Меж тем как в деле о краже меча-кладенца появляются всё новые фигуранты и, что хуже всего, трупы.

На данный момент уже два: настоятельницы монастыря святой Пургении и её убийцы – третьего беса из достопамятной компашки. Двое других арестованных честно сидели под замком в порубе, попыток к бегству не предпринимали и отправки на каторгу ждали словно манны небесной. Их можно понять: если они из Лукошкина пойдут не по этапу, а на волю вольную, гражданин Кощей Бессмертный просто избавится от ещё двух свидетелей и левой ногой наймёт новых. Благо, по словам Яги,

безработных бесов хоть пруд пруди, граблями гребь и лопатой ешь.

Так что «покой нам только снится» и что-то там, забыл, про степную кобылу, которая куда-то бежит. Отказавшись от чая с плюшками (вредно мучное на ночь), я сам заварил себе большую кружку крепкого немецкого кофе и, пожелав всем «спокойной ночи» (в последнее время не могу писать это словосочетание без кавычек, вы ж знаете, какие они у нас «спокойные»...), тихо поднялся к себе в комнату. Присел на табурет у подоконника, взгляделся в неровные очертания растущего месяца, отхлебнул горячий горький кофе и медленно раскрыл перед собой чистую страницу потрёпанного блокнота, вожаденной мечты дьяка Фильки.

– Итак, что мы имеем? Кража, бегство, шантаж, попытка отравления, осквернения могилы гробокопательством, убийство свидетельницы, смерть преступника в результате... хм... допустим, непреднамеренного превышения самообороны главой экспертного отдела. И?

Расписав на отдельном листке всех участников этого запутанного дела, я начал соединять имена стрелочками, но ясности это не добавило, превратившись в какой-то бессмысленный авангардный чертёж. Основных вопросов было два, и они никак не хотели связываться друг с другом.

Первое: кому и зачем нужен меч-кладенец? Нет, я готов поверить, что заказчик кражи – Кощей. Он у нас не первый день во всех милицейских сводках. Свидетельские показания против него на километр вытянутся, да и бабкину интуицию не стоит сбрасывать со счетов, но цель?

Горох уверен, что кладенец лишь старый меч. Овеянная легендами, воспетая в сказках дань традициям, но отнюдь не какое-нибудь оружие массового уничтожения. Зачем Кощей этот антиквариат? Что он с ним собрался делать? Ведь не на руку царевны Марьяны претендовать, правда же?! Карандаш вдруг дрогнул у меня в пальцах...

– А если хоть на секундочку предположить, что эта бредовейшая идея имеет какой-то смысл? Только предположим... Знал ли Кощей о Марьяне? Запросто! Мог ли заранее... Нет, глупо. Как он мог узнать, что она хочет замуж и полна романтических фантазий? Она же воспитывалась в далёком монастыре и... Зеркало! Он в него всё Лукошкино видит, он мог знать! Наём бесов и организация кражи – дело минутное при его-то авторитете. Но как Кощей догадался, что Горох откажется от турнира и Яга предложит взамен шоу с мечом-кладенцом? Допустим, не знал и заказал кражу заранее, а потом просто воспользовался ситуацией?

Так, так, так... Нет. Дыры. Неувязки. От момента договорённости с царевной до нашего спуска в подвалы прошло часа два – два с половиной. Чтобы за такое короткое время спланировать операцию, надо быть каким-

то криминальным гением с огромными связями, отличными информаторами, бешеными деньгами и способностью к творческой импровизации! Поразмыслив на эту тему ещё минуту, я вынужденно пришёл к выводу, что гражданин Бессмертный вполне соответствует заданным требованиям по всем параметрам...

Утром я встал первым. Спустился вниз, бодро прыгая по ступенькам, вышел во двор, громко кукарекнул на ухо ещё дремлющему петуху, сполна насладился его перепугом и, не дожидаясь шумного осуждения уцелевших кур, вернулся к себе.

Умылся, оделся по форме, причесался, привёл в порядок все записи, поставил напротив фамилии «Бессмертный» жирный восклицательный знак с припиской «виновен». Дождался, пока петух за окном неуверенно и обиженно прокукарекает утреннюю побудку, и уселся за стол до появления Яги под молчаливое одобрение хозяйственного домового из-под печки.

– Никитушка, ты чего так ранёшенько вскочил-то? – В дверном проёме своей горницы показалась моя домохозяйка в длинной ночной рубашке с вологодскими кружевами по подолу, с всклокоченной головой и заспанным лицом.

Я проявил мужественность и даже не вздрогнул. Яга ойкнула, поняв, что с утра, как говорится, и Моника Белуччи выглядит не лучше, быстренько метнулась назад, но уже через пару минут явилась умытой, улыбчивой и причёсанной, в чистеньком сарафане, с аккуратно повязанным платочком.

– Чую, докопался ты до сути, сокол участковый! Ну да я тебя сразу пытать не стану, сперва на завтрак стерлядки свежей откушай, и сырников со сметаной, да пирога с яблоками, да чаю свежего с вареньем облепиховым...

– Завтрак подождёт, мне срочно нужно к царю. – Я раскрыл перед Бабой-ягой свой блокнот, показывая вчерашние почеркушки. – Вы были правы насчёт Кощея, и я, кажется, знаю, как нам выйти из этой ситуации. Но сначала надо срочно вернуть царевну Марьяну, она в большой опасности...

Когда я бегло расписал бабке свои предположительные выкладки, она недолго думая высунулась в окошко, крикнув:

– Митенька-а! Подь-ка сюды, я те ватрушку дам! – И, протягивая нашему легковерному младшему сотруднику вчерашнее печево, быстро закончила: – А за то ты теперь бегом до Горохова терема метнёшься, нам тут царь срочно нужен! Справишься ли?

– Да за-ради вас... за-ради Никиты Ивановича... за-ради всего отделения милицейского живота не пожалею! Ещё ватрушкой не угостите ли? Первая мала больно...

– Митенька, а тебе зубки дороги ли?

– Намёк уловил, бабуленька, – весомо подтвердил Митяй, улыбнулся старательно сжатыми губами, дабы не провоцировать, и умёлся исполнять.

Я тупо цапнул с тарелки сырник, макнул его в сметану и сунул в рот. Как я понимаю, воскреснуть мне сегодня не дадут. Слопаю всё, растолстею и уже сам в двери не пройду, будут знать...

– Никитушка, – тихо присев напротив, начала моя добрая домохозяйка, – а нам ить мало в виновного пальцем ткнуть, надо бы ещё и к суду привлечь, и наказать примерно! Дык потому интерес имею: так как же ты мыслишь самого Коцёюшку наказывать-то, а? Кишка у нас для энтото тонковата...

– Ну, – пожав плечами, задумался я, – можно, конечно, пойти законным путём – просто отправить сотню еремеевских стрельцов на эту вашу Лысую гору и произвести арест.

– Тогда уж заодно и всю стрелецкую сотню там же похоронить, – хмуро поправила Яга, и я был вынужден согласиться.

– Хорошо, давайте пока без ареста. Арестовать мы его всегда успеем, давайте просто разрушим его злодейские планы. Меч ведь он так и не получил?

– Видать, нет. Но и мы знать не знаем, где он валяется...

– А если поколдовать? Ну там на воду подуть, пыль заговорить, поспрашивать у всех ворон, голубей или вообще мух! Мухи же всё видят, правда?

– Я ещё не совсем с ума спрыгнула, чтоб мух безмозглых об краже меча царского допрашивать, – выразительно постучала себе по лбу Баба-яга. – Я женщина пожилая, приличная, не Вельзевул какой-нибудь незаконный. Ежели б все преступные деяния одним чародейством раскрывались, дык на что бы ты был нужен со своей милицией?

– Логично. Итак, что мы имеем. Преступление. Преступник. Возможность доказать. Невозможность осудить и привести приговор в исполнение, а также вернуть похищенное владельцу. Тогда какой толк от того, что мы знаем, что за всем этим стоит Коцей?

– А никакого, – так же уныло признала опытная эксперт-криминалистка. – Но одно знаю твёрдо: ищи меч, Никитушка. Раз он так злодею нашему понадобился, стало быть, он в том тайную цель видит. Пусть я, старая, всей силы того кладенца не ведаю, но по всему видать –

есть она!

Мы переглянулись, вздохнули и глубокомысленно помолчали. Могли бы помолчать и подольше, но тут раздался шум у ворот и стрельцы впустили взмыленного, как скаковая лошадь на финише, Митю с большим мешком на плече. Ма-амма миа...

– Бабуль, наш Митька царя в мешке приволок. Скажите, что мне это снится.

– А? Чегось, Никитушка?! – мгновенно вскинулась уже клюющая носом Яга. – Нет-нет, сырники свежие, своими руками всё утро готовила, не сумлевайся!

Я довольно грубо взял её за узкие плечи и развернул к дверям. Наш младший напарник как раз тяжело сгружал мешок на пол. Пол скрипнул, мешок застонал. Моя домохозяйка всплеснула руками, резко обо всём догадавшись и побледнев. Царя она у нас очень уважала и даже традиционно побаивалась. Ну не так чтоб до тупого раболепства, но всё-таки. Издержки самодержавия, понимаете ли...

– Что это? – вежливо спросил я, невзирая на очевидность ответа.

– Горох! – честно ответил Митя.

– В смысле – царь или сельскохозяйственная бобовая культура?

– Царь! – быстро подтвердил Митяй, ибо последние три слова он явно не понял. – Вы ж царя хотели? Дак вот он, доставлен согласно вашим начальственным указаниям. Развязать ли?

Мы с бабкой уныло кивнули.

Наш младший сотрудник бодренько рванул верёвку и, распаковав мешковину, деловито пояснил:

– Я ж к ним и так, и эдак, с вежливостью от порога, дескать, присутствие государя-батюшки в отделении срочным образом требуется. А стража стрелецкая – ну ни в какую! На заседании, говорят, боярской думы царь, и всё тут! Государственные вопросы решают, про бюджет да бунт на Болотной площади спорют до хрипоты! Я им говорю человеческим языком, царя мне надобно, и подмигиваю эдак, ну чтоб поняли да осознали. А они...

– Сколько стрельцов пострадало? – мысленно готовясь подписать самому себе увольнение по собственному желанию, уточнил я. Лучше б и не спрашивал...

– Ну не так чтобы много, – пустился загибать пальцы Митька. – У ворот двоих да при крыльце троих, у палат государевых четверых да в самой думе шестерых...

– Пятнадцать человек, – ахнул я.

– Не, там же ещё и бояре в драку полезли. Но я с ними, как положено, со всей деликатностью, никого кулаком в рыло не отметил, ни одну бороду не оборвал, тока...

– Тока?

– Шапки высокие боярские на головы надевал аж до плеч! Государь-то ещё веселился, как дитя, на троне, смеялся эдак заразительно. А потом я к нему с мешком-то и подошёл...

Баба-яга, всё время разговора пытавшаяся прилюдно уйти в обморок, не сдержалась, бросилась к мешку и одним рывком, как репку, вытащила на свет божий нашего всеми любимого царя-батюшку! Горох выглядел неслабо пришибленным, но вроде соображал, хотя говорил медленно:

– Здоров буди, сыскной воевода... И вы, бабушка Яга, и... ты... Как тебя?

– Митя Лобов.

– Да. Я запомню, – сердечно, но осторожно пообещал надёжа-государь. – Как список на каторгу утверждать буду, так и...

– А чё сразу я-то?! Мне, чтоб вы знали, между прочим, Никита Иванович приказал, – сдал меня с потрохами этот кулацкий подголосок.

Горох поднял на меня кроткий взгляд с безмолвным упреком: за что?

– Не обижайтесь, – виновато попросил я, выгнав Митьку, помогая самодержцу сесть на лавку и поправляя ему на голове изрядно помятую корону. – Вы действительно были нам очень нужны. Время не ждёт, а ваша сестра, похоже, попала в неприятное положение...

– В положение?! – едва не подпрыгнул царь. – Когда? С кем? От кого?!!

– Нет-нет, вы меня не так поняли, не в то «положение»... Просто, по версии нашей опергруппы, она была выманена из города Кошчем, который намерен похитить её и шантажировать вас самим фактом его женитьбы на царевне Марьяне.

– Уф, аж сердце явственно защемило... – Наш государь тяжело выдохнул, выразительно покосился на бабу, и та мигом накапала ему двадцать капель валерьянки на рюмку анисовой.

Горох выпил, привычно занюхал рукавом и потребовал подробностей.

Я докладывал быстро и чётко, зная, что до прибытия гневной делегации от боярской думы у меня, может, осталось минут пять – десять...

– Но пока меч-кладенец предположительно находится в Лукошкине, планы Кошчея тоже трещат по швам. Я прошу разрешения для сотрудницы нашего экспертного отдела на доступ ко всем архивам царской семьи.

– Добро, – покусывая нижнюю губу, решил Горох. – Однако сестрицу

мою верни. Срочно верни! Она хоть и дурочка романтическая, а всё ж родня, монарших кровей...

– Батюшка сыскной воевода, – в дверь деликатно сунулись два еремеевца, – там боярин Бодров у ворот на милицию лается, сам с войском стрелецким да двумя пушками! Говорит, будто бы мы у них царя украли...

– Врёт, собака, – спокойно обернулся государь. – Однако ж засиделся я у вас. За хлеб-соль спасибо, провожать не надо, сам дойду.

– Да что ж это я, старая, – вдруг очнулась бабка. – Не накормила, не напоила гостя дорогого... Дай-кось я вам хоть ватрушечку в дорогу заверну!

Горох даже спорить не стал, принял узелок с ватрушкой, пожал мне руку на прощанье и, дважды поправляя на ходу кривую корону, ушёл за ворота отделения. Что уж он там наговорил боярам, я не знаю, но, поскольку из пушек по нам палить не стали, предполагаю лучшее – он просто приказал всем убраться на фиг...

– Может, вам прямо с ним стоило пойти, – опомнился я. – Не знаю, что вы рассчитываете найти в архивах, но, по-моему, это работа не быстрая.

– Ну не могу же я с государем в домашней одежке идти? Дай хоть пару минут, в кацавейку новую принаряжусь да губки подкрашу...

Пара минут традиционно для любой женщины растянулась в полчаса. Но зато, когда Яга, расфуфыренная, как свекровь на свадьбу, ушла, доблестный Митяй, сунувшись в горницу, торжественно объявил о том, что наши стрельцы задержали двух кандидатов на руку беглой царевны при попытке тайно покинуть город. Вот это уже было интересно. Эти-то с чего и куда намылились?

– Веди.

– По одному али обоих сразу скушать изволите?

– Обоих, – подтвердил я. – Хватит с ними церемониться. А кстати, где третий-то?

Мой напарник пожал плечами. Ладно, сейчас выясним. Раз они все вместе пили, то уж наверняка хоть что-то друг о друге знают.

Митя сбегал во двор и принёс на вытянутых руках двух поджавших хвосты женишков...

– Э-э, большой начальник! – первым заговорил сын великого хана Бухатура, торопясь показать себя с лучшей стороны. – Зачем нас задержал, а? Я к папе хотел, а меня сюда несут, э-э...

– А что так резко вдруг к папе-то? Соскучились, гражданин?

– Участковый, да! – влез в разговор второй гордый претендент. – Я тебэ сам скажу! Он татарин, он хитрый, он убежать хотэл, да! Я его сам

тебэ привести собирався! Нэ успел немнога...

– У, шайтан брехливый! Да пожрут муравьи твою печень, да выпадут у тебя все зубы в суп, да прохудятся твои штаны не в лучшем месте, да... Тьфу на тебя, э?!

Я дал им возможность облаять, оклеветать, предать и подставить друг друга, а потом просто спросил:

– А где ваш третий товарищ?

Женихи испуганно переглянулись и прикусили языки. Видимо, отсутствующего прибалта, бледного фон Паулюсуса, они на данный момент боялись больше, чем нашей кутузки. Тем более что у нас-то в порубе они уже сидели и условия содержания в «камере предварительного заключения» нашли вполне комфортными. Пришлось напустить на себя неподкупный прокурорский вид и слегка припугнуть...

– По совокупности совершённых вами злодеяний: нарушение правопорядка, неподчинение сотрудникам милиции, отказ в содействии следствию, укрывательство возможного преступника, пьянство и громкое пение после двадцати трёх ноль-ноль – я вынужден применить к вам высшую меру общественного порицания – расстрел! Я предупрежу стрелцов. А пока наш младший сотрудник исполнит последнее желание осуждённых: поцелует каждого взасос...

Не знаю, чего они испугались больше, расстрела или раскатавшего губки Митяя, но следующие пятнадцать минут оба наперебой тараторили так, что я только успевал записывать. А записать было что...

Изложу вкратце. Эстляндский рыцарь фон Паулюсус, судя по всему, достаточно давно был завербован Кощеем. В его задачу входило охмурение царевны, вывоз её за город и заманивание на максимально близкое расстояние к Лысой горе. Причём он сам в женихи не набивался, а служил якобы прекрасному принцу, сражённому Марьяниной красотой и мечтающему сделать её своей возлюбленной королевой!

Она, дурочка, поверила, а двоим претендентам прибалтийский сукин сын оплачивал каждую попойку, чтоб куда не надо не лезли. Я так думаю, он бы их и грохнул давно, но наверняка просто побоялся привлечь лишнее внимание. То есть прекрасно понимал, что, если из трёх женихов останется один, а двое умрут накануне царского решения о свадьбе, это будет выглядеть более чем подозрительно.

– Э-э, мы ему на коня царевну сажали, он и поскакал! Но нам шайтан белобрысый честно заплатил, слово сдержал. Мы к нему претензий не имеем, Сосо, э-э?!

– Ай, мала-мала дал! Мнэ даже на вино нэ хватила, да! Я тебэ так

скажу, сыскной ваевода, шакал он паршивый! Для кунака дэнег пажалел... А я кито? Я – князь! Мнэ дэньги считать нэльзя! Мнэ их тока тратить можна, да?!

В общем, в чисто финансовом плане сын степей показал себя куда менее меркантильным типом, чем сын гор. Хотя, если подходить с позиции действующего законодательства, срок им грозит абсолютно равный.

– Еремеева ко мне!

– Слушаюсь, Никита Иванович! – Митя ретиво бросился исполнять приказание и ровно через минуту поставил передо мной слегка помятого сотника.

– Ты б унял своего фараона беспутного, а? Что за моду взял, людей под мышку хватать да бегом волочить?! Я ж лбом едва косяк не снёс к едренькиной мамке...

– Извини, – с улыбкой покаялся я. – Будь добр, сопроводи задержанных в царский терем. У нас в порубе бесы. Посадим ещё этих двух, они их плохому научат.

– Бесы женихов или женихи бесов?

– Не будем гадать. Да, предупреди, чтоб местечко в тюрьме им выбрали посуше и сена дали побольше.

– Нешто едят? – не поверил Фома.

Я страдальчески покачал головой.

– Не уверен. Думаю, они на нём спать будут. Ну а если и проголодаются, тебе жалко, что ли?

Стрелецкий сотник смущённо пожал плечами, обещая всё исполнить, как велено. Когда он избавил нас с Митяем от лицезрения бесстыжих рож граждан Бельдым-бека и Павлиношвили, мы молча уставились друг на друга. Младший сотрудник, чувствуя торжественность момента, унёс свою задницу от греха подальше, в сени. Кот Васька даже не показывался, тоже понимал, что дело серьёзное. Серая лапка домового незримо глазу выставила на стол две стопки вишнёвой наливки на меду. Сладкая до икоты, но мозги просветляет. Я выпил махом, как лекарство, без тостов.

В двери влетела чуть запыхавшаяся Яга.

– Быстро вы обернулись.

– Дык дурное дело нехитрое, да и горшечник знакомый на телеге подвёз. – Левое веко у бабки заметно подрагивало, видать, тоже нервы. – А ты тут, гляжу, пьянствуешь в одиночку?

– Лучше расскажите, что у вас там с архивами? Нашли хоть что-нибудь?

– А то! – бодро откликнулась бабка. – Обчихалась там вся, ровно

собака какая, ежели ей в нос табаку насыпать. Пылища же страшная, думала, там же вся в чихе и сдохну...

– Вот не надо, а? Сглазьте ещё, – попросил я.

– ...и похоронят меня в подвалах царских, пыльными летописями заваленную, грамотами пришибленную, челобитными придавленную, указами замурованную, – продолжала Яга, невзирая на мои протесты и вдохновенно кружась по горнице. – Это ж не архивы, энто конюшни Авгиевы, бумагами забитые. Покуда собственную царскую переписку нашла, меня два раза полками дряхлыми пристукнуло, а разок в чертежах фортификационных по пояс утонула, как лягушка в молоке, полчаса ногами старыми раритетные листы трамбовала, покуда выбралась.

Я встретился взглядом с котом Васькой, тот подмигнул жёлтым глазом и выразительно прищмокнул губками. Я слегка обалдел. Кот укоризненно покрутил лапкой у виска, словно бы его не так поняли, и, привстав на задние лапы, изобразил, как выпивает рюмочку.

– Ага! – наконец-то дошло до меня.

Быстро метнувшись к заветному шкафчику, я налил перевозбуждённой бабке полстопки чего-то малинового и щедро дополнил валерьянкой.

Яга выпила махом...

– Ой, ё-ошкин дрын, как же меня накренило-то, – тепло выдохнула она, прекращая дурацкие танцы. – В общем, что я тебе скажу, мил-дружок участковый, раздобыла я документ старый, где про тот меч написано. Ещё прапрадед Гороха нашего энто кладенец в гроб хрустальный своими руками положил. Якобы он и знал, какая у того меча тайна, но сам ей не пользовался и другим не сказал.

– Причина?

– Про то летопись умалчивает. Сказано лишь, что тайна сия настолько великая есть, что обычному человеку её нипочём не сдюжить.

– Надуманно, патетично и размыто, – поморщился я.

– Белку в глаз бьёшь, – весело подтвердила моя домохозяйка, берясь за самовар. – А тока иной информации у нас нет покудова. Вот небось когда сама-то меч тот в руки возьму да со всех сторон обнюхаю, тогда и мнение авторитетное экспертное высказать смогу. А покуда уж извини, Никитушка...

– Ладно, мы ведь и не ждали, что решение будет самым простым. Когда летим к Кощею? – решительно приподнялся я.

– Да хоть сейчас. Время-то не терпит, а их мерзейшество, поди, невесту новую самолично встречать отправится. Да, может, и влетим в нужный час, пока хозяев дома нету...

– Зеркало?

– Оно. Оно, поганое, да тока, чтоб его изничтожить, могучая сила нужна. Я те за пять минут нужный результат нипочём не гарантирую, – честно предупредила Баба-яга.

Я улыбнулся самой нехорошей улыбкой, на какую только был способен. Хотя, честно говоря, куда мне, поэтому лишь бессовестно спародировал дядка Филимона Груздева...

– Нам не надо его уничтожать, надо лишь заставить его перестать показывать Лукошкино. Так сказать, слегка перепрограммировать.

Моя домохозяйка важно кивнула. Мы с ней всегда понимали друг друга с полуслова и в четверть намёка. Волшебное зеркало, разумеется, не навороченный компьютер с оплаченным Интернетом, но раз оно каким-то образом управляется, значит, его так же можно и отключить. Яга справится, она в этих вопросах профи, ей можно верить.

– На кого оставим отделение?

– Только не на Митьку! Помните, что он в прошлый раз учудил? В демократическом западном обществе нас бы давно журналисты с потрохами съели да по судам затаскали...

– Прости господи! Это что ж за звери такие?!

– Газетчики. Пресса. Типа третья власть, – не стал вдаваться в подробности я. – Могу попросить Еремеева проконтролировать.

– Ну, ежели они с Митенькой не стакнутся да вдвоём куролес на всё Лукошкино не устроят... Я б ещё и Васеньку мово к ним для пригляду поставила.

– Почему нет? – прикинув «за» и «против», согласился я. – Готовьте ступу, через полчаса вылетаем! Я схожу предупрежу стрелцов, что им делать в наше отсутствие.

Баба-яга тоже кивнула, одним махом допила остатки остывшего чая из кружки и отправилась к себе за тёплой душегрейкой для полётов.

Выйдя на крыльцо, я поманил к себе бесцельно слоняющегося по двору Митьку и задумчивого Фому, только что отправившего с десятком стрелцов двух «брачных аферистов» в царскую тюрьму. Итак, парни...

Вкратце изложив всем боевую задачу, я как можно внятнее пояснил, что за работу отделения отвечает наш младший сотрудник, а за порядок в городе – сотник Еремеев. Про бабкиного кота Ваську решил пока не сообщать, пусть бдит за ними со стороны, являясь, так сказать, нештатным сотрудником надзора за органами. В принципе, конечно, работка рискованная, психологически нервная, таких нигде не любят, но... Не я же это предложил, а Яга, верно?

Митя собственноручно притащил нам большущую старую ступу из сарая. Более всего она походила на бочку из-под селёдки, но с красивой резьбой по дубовым доскам и недавними отметинами от совиных когтей. Летать мне в ней уже приходилось, не скажу, что так уж страшно, в наших самолётах Москва – Сочи и покруче бывало. Ступа, конечно, неотапливаемая, весь полёт на сквозняках, но зато хоть пьяные пассажиры в салоне не дебоширят...

– Садись, Никитушка, – пригласила бабка, появляясь на крыльце в тёплой кофте и завязанном под подбородком платке, с помелом наперевес.

Я легко запрыгнул внутрь. Митя так же легко, как пушинку, посадил на борт Ягу. Видимо, следовало сказать что-то значимое перед вылетом...

– Ну что ж, боевые товарищи, – прокашлялся я, видя, что дежурные стрельцы собрались на наши проводы. – Мы с главой нашей экспертной группы отправляемся на очень важное задание. Попрошу никого не забывать, что в наше отсутствие именно вы, то есть каждый из вас является лицом доблестной лукошкинской милиции! Крепите ряды, повышайте бдительность, отнимайте сигареты у малолетних и переводите бабушек через улицу. Вернусь – проверю!

– Ура-а-а! – воодушевлённо гаркнули все наши, подбрасывая вверх шапки.

Хорошо ещё из пищалей в воздух палить не стали. А то знаю я этих снайперов – сшибут влёт, на раз, вместе со ступой...

– Поехали? – подмигнула Яга, делая круговое движение помелом.

Я кивнул.

Ступа вертикально пошла вверх, но видом открывающегося с высоты Лукошкина мне полюбоваться не дали.

– Пригнись, соколик. – Бабка небожно треснула меня по плечу помелом. – И без того про тебя уже дурные сказки ходят. Не помнишь, что дьяк Филька вчера на площади нёс?

– Подбивал граждан пойти на кладбище и вбить мне осиноый кол в грудь, – послушно пригнулся я. – А что, кто-нибудь поверил?

– Вона, выглянь осторожненько. Видишь, справа, за крепостной стеной, толпу народа с лопатами да иконами? На старый погост идут, твою милость искать.

– Но меня же там нет...

– Именно так, участковый, – поддакнула бабка. – Тебя там нет, тока гроб пустой. Ох, чую непросто будет твоё воскрешение добрым людям объяснять. А ты точно не упырь? Говори уж сейчас как на духу, не бойся, я

не выдам...

– Бабуль?!

– Шучу, Никитушка, – без малейшей улыбки, а скорее даже с какой-то подозрительностью в голосе протянула моя домохозяйка. – Вылазь ужо. Мы до лесу отлетели, теперича не заметит никто.

Я выпрямился, принял из бабкиных рук помело, как штурвал самолёта, и привычно развернул ступу по указанному курсу – на синюю ленту далёкого горизонта. Белокаменный город с золотыми куполами церквей и разномастными избами, домишками, теремами мягко таял внизу. Если приблизительно прикинуть, то летели мы на высоте ста – ста пятидесяти метров, не больше, но обзор всё равно был впечатляющий, за такой вид можно было деньги брать.

Яга задумчиво теребила старую бородавку на носу, а лично я от души наслаждался свободой, свежим воздухом, возможностью вырваться из отделения и наконец-то дышать полной грудью. Что бы там ни говорили, но эта игра затянулась. Я не хочу, чтоб меня считали умершим, ставили свечи за упокой, и уж тем более не намерен после «воскрешения» доказывать каждому встречному-поперечному, что я живой, что прыскать мне в лицо святой водой не надо, а тыкать в грудь осиновым колом – тем более! Вот сейчас разберёмся с Кощеем, и я сразу...

– Бабуль, вы спите?

– А-а?.. Ась? Чё? Прилетели уже?! Дак я и не сплю, тока глазоньки на пару минуток и прикрыла...

– Я спросить хотел. Какой у нас план действий? Ведь вы же сами сказали, что гарантий застать или не застать гражданина Бессмертного дома у нас нет.

– Ну?

– Ну если его нет, то всё понятно. Мы идём внутрь и наводим шороху. А если он дома? Мы что, назад полетим?

– Может, так, а может, и нет, – таинственно сощурилась Яга. – Есть у меня одна мыслишка секретная, однако пока недодуманная. Ужо додумаю и поделюсь...

Я многозначительно кивнул и замолчал, больше не приставая с вопросами. Бабка у нас женщина умная, да и личный опыт всяческих пакостей за столько лет поднакопила немалый. Одолеть Кощея физически, да ещё на его территории, не может вообще никто. По крайней мере, без специального оборудования и соответствующей подготовки я бы на Лысую гору ни одному Терминатору лезть не посоветовал. Ну а мы...

Что ж, мы тоже на прямое противодействие не выходим, мозгов

хватает. Мы его, как правило, объегориваем. Блефуем бессовестно, а он ведётся. Гражданин Бессмертный по-своему азартная личность, в этом его слабость, и этим можно пользоваться.

– Бабуль! – вдруг резко вскричал я, тормозя ступу так, что Яга едва не вылетела с пригретого места.

– Смотрите, вон они!

Моя домохозяйка схватилась за сердце, с чувством выругалась матом, не менее торжественно перекрестилась и лишь тогда спокойно глянула вниз.

– От, стало быть, где они, голубчики сизокрылые...

Под негустым покровом ветвей узкой лесной тропинкой рысила длинная цепочка всадников. Двух мы узнали сразу – эстляндского рыцаря фон Паулюсуса и рядом с ним царевну Марьяну. Десятеро других были больше похожи на чёрных кнехтов из голливудских фильмов про Крестовые походы.

– Охрана Кощеева, ходячие мертвецы в доспехах, – тихо пояснила Баба-яга. – Стало быть, встретили в условленном месте невестушку да к «распрекрасному принцу» во дворец сопровождают.

– А это, в свою очередь, означает, что сам Кощей дома и нам туда не проникнуть.

– Не спеши, участковый. – В этот момент лицо нашей доброй бабушки впервые озарила торжествующая улыбка. – Может, энто и есть наш шанс? Может, уже и на нашей улице телега с пряниками перевернулась, а? Давай-кось вниз загребай!

Я послушно взмахнул помелом, винтообразно опуская ступу вниз. Ощущения как на американских горках, когда желудок подкатывает к горлу и орать со страху уже не получается, потому что рот забит сжатым воздухом. Бабку вообще плавно подняло над ступой, и я вовремя успел притянуть её за лапоть обратно. Яга замахнулась было на меня кулачком, но засмуцалась и сидела тихохонько, прижав подол к коленям. Мне удалось приземлить нас именно там, куда она указывала пальцем. То есть на ту же лесную тропинку, шагов за сто перед кавалькадой всадников. Надеюсь, за деревьями они нас не разглядели...

Бабка первой бодренько выпрыгнула на землю, я вылез следом. В четыре руки мы закатали ступу в кусты и...

– Ну что, сыскной воевода, – патетично раздалось за моей спиной, – а вот теперича скажи мне, на что ты готов, чтоб царёву сестрицу домой воротить?

Ответить я не успел, потому что в тот же момент получил помелом по

затылку, так что в глазах потемнело...

– Бабуль, вы чего?! Больно же! – простонал я, оборачиваясь к самому себе.

Да, да! У кустов, где мы только что спрятали ступу, стоял я, с помелом наперевес, и смотрел на меня же с каким-то непонятным... сочувствием, что ли?!

– Ты бы энто, Никитушка, челюсть-то приподнял, а? – ворчливым старушечьим голосом сказал мне я.

Я на автомате поднял тонкую девичью руку и вернул свой маленький подбородок на место. Опустил глаза, оправил подол платья, стряхнув прилипшие еловые иголки, а потом до меня дошло...

– А-а-а-а-а-а!!!

– Не ори! – Баба-яга грубой мужской ладонью запечатала мне рот. – Я ж тебя спросила: готов али нет?

– Но я не успел ответить...

– Да и ладно, девку-то по-любому вызволять надобно. – Бабка пожала погонями и, поправив фуражку, прислушалась. – Совсем рядом ужо. Я сейчас шумну чуток, деревьями покачаю, ветер нагоню. А ты не теряйся, царевну Марьяну за руку хватай, в лоб ей бей со всей силы и в кусты кидай!

– Хороший план, а потом? – заволновался я, теребя длинную рыжую косу.

– Я подхвачу её, в лес уведу да в Лукошкино на ступе доставлю.

– А я?

– А ты потом Кощеюшку отвлеки хоть на часок-другой. Да не бойсь, участковый, я за тобой возвернусь!

– Угу, типа как на кладбище, да?!

– Вредный ты, Никитка, нудный и злопамятный, – мрачно резюмировал я, косясь на меня с явным неодобрением. – Марш в кусты и не спорь с бабушкой! Вона подъезжают, морды злодейские... Ну давай, давай, не подведи, сыскной воевода!

Я ничего не успел ответить, потому что чувства, бушевавшие на тот момент в моей душе, цензурными словами было не выразить, а материться при Яге лично мне казалось просто недопустимым. Ну и небезопасным, если уж честно говорить...

– Чего надо делать?

– Стой тут, – ответил мне я, одобряюще помахивая рукой из-за толстого ствола вековой сосны. – А как туман падёт, так кричи!

– Чего кричать? – мрачно уточнил я.

– Ну уж не «слава лукошкинской милиции»! – рявкнула на меня бабка, показывая кулак. – Не доводи, участковый! И без того афера безбашенная, один раз оступимся – всё, из Кощеевых земель живыми не выберемся...

Я собрался с духом и постарался взять себя в руки. В конце концов, ничего такого уж страшного в том, чтобы немножечко поизображать царевну Марьяну, не было. По крайней мере на первый взгляд.

– В самом деле, что это я?! Мне же доводилось один раз, в третьем классе, играть Снегурочку, и ничего вроде, всему классу понравилось. Главное, не козырять и не говорить через раз: «Гражданин, пройдёмте» или «Предъявите ваши документы», а ещё...

– Цыц! – В спину стукнулась еловая шишка. – Чего орёшь? Едут же, дубинушка...

Действительно, из-за поворота дороги показались два первых всадника в чёрных доспехах. Они внимательно озирались по сторонам, не убирая ладоней с рукоятей длинных прямых мечей. Я было подумал, что надо бы хоть за кустик отойти, как неизвестно откуда налетел жесточайший порыв ветра – мне чуть кокошник на нос не сполз!

Испуганно заржали кони, пыль поднялась столбом, а потом, вопреки всяким законам природы, всё вокруг заволокло густейшим туманом. Я кое-как продрал глаза от мелкого песка, тщаь хоть что-то разглядеть в туманном месиве, но через пару шагов на ощупь, едва не ткнувшись носом в лошадиный круп, чудом не словил удар копытом.

– Мать твою за ногу, конь педаальный! – рявкнул я, отпрыгивая в сторону.

– Ой, а что это? – раздалось за моей спиной.

Ага-а...

Резко обернувшись, я кинулся вперёд, поймал чей-то подол, рванул на себя. Царевна Марьяна легко слетела с лошади и после дополнительного пинка с моей стороны укатилась в ближайшие кусты.

Первая половина дела сделана. Теперь...

– Цареффна, где фы?!

– Ну типа тут. Стою себе. И?

В тот же миг крепкая мужская рука подхватила меня под мышку, пытаясь привычно втянуть в седло. Ага, как же, обломись Арнольд на этом месте! Я вам не семнадцатилетняя девушка-пушинка, во мне килограмм семьдесят наверняка есть, не зря меня Яга плюшками кормит.

Короче, лихой наездник не рассчитал силы и сам навернулся с лошади в кусты.

– Что, не вышло, культурист протеиновый? – тихо буркнул я себе под

нос, протягивая руку помощи рыцарю фон Паулюсусу.

– О, благодарю фас, добрая госспожа, – выплюнув траву и землю, бодро скрипя доспехами, поднялся бледноволосый предатель.

– Да без проблем. – Я вытер руку о подол, задрав его до колена, потому что у эстляндца были неприятно влажные пальцы.

– Но нам надо спешить, фаш будущий супруг, благородный принц Костелиус, с нетерпением и любоффью ждёт сфою избранницу!

– Да верю, верю, не уговаривай, а уж как моё сердечко девичье истомилось! – рассеянно спохватился я, поскольку волшебный туман чудесным образом рассеивался и к нам спешили встревоженные рыцари чёрной охраны. Фон Паулюсус вновь сел на коня, я ухватился за край седла и кое-как взгромоздился сзади. Он опустил руку, подталкивая меня за бедро и усаживая поудобнее.

– Будешь лапать, дам по башке, – честно предупредил я, вспомнив, что изображаю невинную девицу.

– Я нне...

– Я предупредил... ла!

– Фперёд, – громко скомандовал напрягшийся прибалт, но охрана Кощея исполнила его приказ без особого рвения, даже, быть может, с некой полупрезрительной леностью.

Сразу понятно, что они подчиняются лишь одному господину, и сразу ясно кому.

Эстляндский рыцарь дал коню шпоры, и мы двинулись рысью. Краем глаза я успел заметить две фигуры в полутёмном лесу: некто моего роста и сложения, в милицейской форме, без малейшего стеснения запихивал в ступу отчаянно упирающуюся девушку. Надеюсь, бабка справится, в конце концов, эту дуру Марьяну можно и помелом оглоушить...

С этими мстительными мыслями я покрепче обвинил своего провожатого за пояс, так что он крикнул, и всю дорогу постарался не думать о том, что меня ждёт на Лысой горе. И так козе понятно, что ровным счётом ничего хорошего...

Но хотеть не думать и не думать на самом деле далеко не одно и то же. Нет, я, разумеется, очень надеялся, что Баба-яга быстренько отвезёт настоящую царевну в Лукошкино, передаст с рук на руки счастливому Гороху и на всех парах полетит за мной. В смысле в синем небе вновь покажется ступа с милиционером, который украдёт ещё одну «девицу» прямо из-под носа гражданина Бессмертного. Туда-сюда – пара часов хорошего лёта, всего-то и делов, мы, может, даже до Лысой горы доскакать не успеем...

– Ффот и наша цель, благородная красаффица Марьянна! Фидите фон ту гору посредди леса? Фаш принц и наш господинн фстретит фас на пороге сфоего дфорца!

Упс. А этот рыбий глаз, оказывается, очень даже красноречив, когда ему надо...

– А я надеялась, мы ещё погуляем? Погоды стоят просто чудесные, – елейным голоском пропел я.

– О, смею фас уферить, фы отлично нагуляетесь с принцем Костелиусом!

Да тьфу на вас всех... Я и не особо надеялся, что удастся ещё потянуть время. Ладно, потерпим. По идее Яга уже должна была добраться до города. Надо продержаться совсем немного, но очень-очень надо...

– Жду не дождусь! – Я мрачно причмокнул губками, изображая буйную радость в преддверии грядущей свадьбы и брачной ночи.

А поскольку кони почували близость дома и прибавили шагу, то уже минут через десять изрядной тряски на жёстком крупе мою прелесть с отбитой задницей доставили к подножию Лысой горы. Копыта мягко ступали по белому песку, охрана всё так же бдительно озиралась по сторонам, а я, высоко задрав голову, выискивал в смешливых небесах хоть какой-то намёк на перелётную бабку (меня!) в ступе.

Увы, увы, все мои мечты о спасении вдребезги разбивались о жестокую реальность...

Минутой позже взревели трубы, загремели фанфары, в песчаной горе открылся вход, и на свет божий выехал стройный юноша в сияющих доспехах, на белом коне, красивый, как итальянский тенор, кудрявый и улыбающийся.

М-да... похоже, что с нашей последней встречи Кощей Кирдыкбабаевич очень изменился...

– Здравствуйте, – первым помахал рукой я, когда наши лошади встали нос к носу.

– Здравствуй, здравствуй, прекрасная царевна, свет моей души и краса моих очей! – совершенно равнодушным голосом, улыбаясь изо всех сил, пропел новообращённый гражданин Бессмертный. – Э-э... как доехали?

– Нормально, – в тон ответил я, но быстро спохватился: – Истомилася вся душою девичьей в разлуке с милым дружкой! Будем еси индо целоватися-миловатися?

– Чё?! – стопорнулся Кощей, да я и сам почувствовал, что, пожалуй, перебрал с церковнославянским.

Почувствовал это и эстляндский рыцарь, о котором вообще-то все успешно забыли.

– Мой господинн, я прифёз её. Ты обещал достойно наградить сфоего слугу...

– О да-а... ты будешь награждён, – с той же наклеенной улыбкой пообещал прекрасный принц.

– Только имейте в виду, он пытался меня лапать, – не очень даже и соврал я, что сразу добавило живости в сцену торжественной передачи «невесты».

Я сполз с коня, пока бледный, как брюхо камбалы, прибалт растерянно хлопал ртом, а гражданин Бессмертный грозно засучивал рукава. Вы ж понимаете, оставить без внимания первую же просьбу царевны Марьяны он не мог, к тому же для любого семейного бюджета выгоднее рассчитаться с поставщиком парой оплеух вместо звонкой монеты.

– Как смел ты, червь земляной, и помыслить о том, чтоб лапнуть за... За что он тебя?

– За коленку, – подсказал я.

– За коленку лапнуть благороднейшую невесту мою, драгоценную царевну Марьяну?! Вот тебе, вот тебе, вот!

Кощей от души показал себя, первым ударом сбив рыцаря с коня, вторым вытряхнув из доспехов, а третьим отправив в одних подштанниках под небеса! По-моему, фон Паулюсус даже пробил низко летящее облако, но, возможно, это и просто оптическая иллюзия...

– Так ему и надо, противному. – Я решительно шагнул к Кощей, слезшему с седла, и по-хозяйски взял его под руку. Тот прямо-таки обомлел от столь откровенного заигрывания с моей стороны, лишь поэтому позволив вести себя, как барана на верёвочке.

– Счастье моё, соблаговолишь ли ты войти в скромную обитель мою гостей и хозяйкою?

– Хозяйкою лучше, – подтвердил я, видя, что вежливость нашему преступному гению даётся с огромным трудом.

Он криво-косо улыбнулся, потряхнул (фальшивыми, как я полагаю) кудрями и, подмигнув своей безмолвной охране, повёл меня по песку в свой чёрный замок. Если бы я знал, как там всё повернётся, то прямо тут пнул бы его коленом между ног и дал дёру, а так...

– Вот и ворота чудесные в мой светлый дворец. Заходи, не бойся, красавица!

Я, томно опустив длиннющие ресницы, милостиво кивнул, смущённо хихикнул и пошёл в ловушку, наипошлейшим образом качая широкими

бёдрами. Именно так, мне казалось, и должна себя вести всякая приличная диверсантка. А что? Не жениться же я на нём собираюсь, правда? Проведу нормальную диверсионную работу, понаделаю гадостей, понавтыкаю «жучков», дождусь сигнала от Яги и сбегу. Вполне себе милицейская работа – внедрение под прикрытием...

– А у вас тут красиво! Гламурненько, свежо, со вкусом, – не затыкаясь, щебетал я, пока меня вели по тому самому коридору с монстрами. Но сейчас все стены были заштукатурены и расписаны весёленькими готическими узорами. – Евроремонт сами делали или узбеков нанимали?

– Сам, – неуверенно дёрнулся Кощей, и я решил завязывать с провокационными вопросами.

Дальше шёл привычным строевым шагом, прикусив язык и помахивая в такт рыжей косой. Всё, я тихая, скромная и романтическая девица, всему удивляюсь молча, охаю-ахаю, с глупостями не пристаю. А знаете, самое смешное, что мне ни капли не было страшно! Я же в облике Марьяны, он меня никак не узнает, поэтому...

– Что изволишь с дороги, краса-девица? Чаю ли, кофею заморского, а может, и шампани французской бутыль откупорим на радостях, а?!

– Водки бы, – подумав, признал я. – Мутит, как котёнка, укачало...

– Со всем моим почтением, – несколько смутился великий злодей. – А только... точно водку, да? Может, чего менее алкогольного?

– Не бойтесь, не развезёт, – успокоил я. – Сами понимаете, весь день на нервах, менты на хвосте, Баба-яга с помелом, ну вы её знаете, да ещё этот ваш кобель прибалтийский руки распускает... Короче, мне чего покрепче!

Кощей неуверенно сунул руку за пазуху, достал из-под парадных одежд плоскую фляжку и протянул мне.

– Коньяк? – не сразу пронюхал я. – Уважаю. В этом времени, у чёрта на рогах, раздобыть такое... Не азербайджанского розлива, надеюсь?

– Э-э нет. Арманьяк.

– Оригинал?

– Подлинник, – подтвердил он, делая первый глоток.

– Верю, верю, что не отравлено. – Я поспешно отобрал у него фляжку, приложившись от всей души. Ну вот, другое дело, можно жить...

Гортань обожгло жидким пламенем, в желудке сразу стало тепло, а на сердце безмятежно и празднично. Кощей забрал у меня арманьяк, почему-то, насупившись, встряхнул фляжкой над ухом, убедился, что хоть что-то там ещё булькает, и сунул обратно за пазуху.

– А что у вас там, кстати, по поводу меча? – чарующе улыбнулся я,

вновь цепляя его под ручку.

Гражданин Бессмертный расслабился и даже изобразил некоторое смущение...

– Всё для тебя, краса ненаглядная! Думал, если мечом-кладенцом завладею да с ним ко двору братца твоего заявлюсь, так, может, и ты на меня ласковый взгляд бросишь...

– Я? Я брошу. Отчего ж не бросить?

– А может, и поцелуйчиком подаришь?

– Я тебя поцелую... Потом. Если захочешь, – бесстыже ворую у Калягина, страстно прошептал я. – Но вроде бы у него нет никаких мистических свойств?

– Есть одно, да мало кто о нём ведаёт... А тебе-то оно зачем, душа-девица?

– Спишите на пустое женское любопытство, – поспешил исправиться я, поскольку в глазах гражданина Бессмертного загорелись подозрительные искорки.

– А-а-а! – неожиданно взревел Кощей, как только мы прошли кованые ворота, увитые розами. Ну те, что были из оживающего железа и кололись шипами, помните? – Ага-а! Вот ты и попа...

С перепугу я на автомате произвёл бросок через бедро. Только что принявший прежний вид гениальнейший преступник современности кубарем полетел через весь коридор, сшибая чёрные вазы и манекены с доспехами!

– ...лась! – запоздало донеслось до меня.

Я облегчённо выдохнул. Значит, не узнал, просто решил попугать. Ладно, косим под царевну дальше.

– Ты?! Чего... дерёшься, дура?

– А чего вы меня пугаете? Я, может, нервная, я сейчас плакать буду... – самым пискливым голосом пригрозил я.

– А-а... тогда плачь! – сразу успокоился Кощей Бессмертный, двумя винтообразными движениями поправляя голову на шее. – Слёзы я люблю...

– Не буду.

– Отчего ж? Собиралась ведь?

– Передумала, – твёрдо решил я, прекратив тереть руками сухие глаза.

Увы, но рыдать без повода и подготовки действительно умеют лишь великие драматические актёры и все женщины без исключения. Нам, простым участковым милиционерам, таких талантов не дано...

– Узри же мой истинный лик, глупая девчонка! – Кощей со скрежетом встал с пола, что-то ещё вправил в поясице и попросил: – Не дерись

только.

– Хорошо.

– Что «хорошо»?!

– Ну, в смысле я хотела сказать, что вы очень страшный и я вас боюсь! Довольны?

– Э-э... да. – Злой гений преступности поскрёб в лысом затылке и шагнул ко мне. – Странная только ты, Марьяна-царевна!

Я в тоске огляделся по сторонам, но бабки видно не было. Запаздываете, уважаемая, а меня тут скоро, кажется, есть начнут. Кощей угрожающе положил руку на рукоять длинного, метра два, меча с волнообразным лезвием, но в этот момент...

– Всё равно убегу-у! – раздалось от ворот, и в коридор молодой разгорячённой лошадкой ворвалась царевна Марьяна.

– Вот кобыла, – тихо пробормотал я.

– Стойте, это я царевна-а! Это меня здесь принц дожидаться должен! А она самозванка!

Я выдавил идиотскую улыбку и покрутил пальцем у виска. Но решительная сестричка нашего Гороха бесстрашно прошла вперёд и дёрнула меня за косу. Больно не было, но было обидно...

– От самозванки слышу! – Я не придумал ничего умнее, как в ответ дёрнуть её за косу.

– А-а-ай!

Правильно, у меня-то рука потяжелее.

– Я тебе покажу, обманщица! – взревела обиженная царевна, в порыве неконтролируемой ревности пытаясь расцарапать мне лицо ногтями.

– Не надо, девочки! Ну пожалуйста! – жалобно попробовал вмешаться Кощей, но кто его тут слушал...

Мы сцепились, как две лесные кошки. Я оборонялся, она нападала. Я уходил в глухую партерную борьбу, потому что опыта драки с визжащими девицами не имел, а она отрывалась на всю катушку, царапаясь, кусаясь, лягаясь и даже плюясь! Вот такое вот у них воспитание в тихих отдалённых монастырях, никогда бы не подумал...

– Довольно! – Резкий окрик Кощея раздался как раз в тот момент, когда я уже начал задыхаться и был готов на полном серьёзе дать наконец царевне по зубам.

Одним широким жестом гражданин Бессмертный оторвал нас друг от друга и, держа на вытянутых руках, как учитель физкультуры двух драчливых первоклашек, куда-то понёс...

– Ты зачем здесь, дура? – сквозь зубы прошипел я.

- Сама дура, – так же огрызнулась Марьяна. – Я замуж хочу, по любви!
- За Кощея?!!
- За него!

– Но он же преступник, маньяк и рецидивист, на него в отделении уголовных дел выше крыши! По нему тюрьма и бессрочная каторга плачет!

– А вот мне матушка Феврония говорила, что он хороший! Добрый! Красивый! Но страшно одинокий! И лишь один поцелуй настоящей любви вернёт ему истинный облик прекрасного принца. Недаром в сказках сказано, что...

Она ещё долго что-то такое несла, а у меня ум шёл за разум. Большого романтического бреда я не слышал никогда. Эта миловидная идиотка всерьёз поверила беззастенчивой лжи настоятельницы монастыря святой Пургении и добровольно ехала не к мифическому «прекрасному принцу», а конкретно в лапы Кощея! Большого дебилизма и вообразить было невозможно! Бедный, бедный царь Горох, как жаль, что родню не выбирают...

– Вот сейчас мы и узнаем, кто из вас кто! – громко объявил хозяин дома, поставив нас на неровные каменные плиты пола.

Я сразу узнал это место, мы находились в той самой комнате с волшебным зеркалом. Единственно, что шкур животных на полу больше не валялось. Видимо, злодей учёл прошлый печальный опыт, когда я тут неслабо порезвился, будучи зайчиком. Сейчас ситуация изменилась, разыграть два раза одну и ту же партию уже не получится. А жаль, искренне жаль...

– Зеркало моё верное, мудрое да всезнающее! Покажи мне этих двух девиц да истинный облик их яви без обману!

Кощей подтолкнул нас вперёд, а сам встал за левым плечом Марьяны, держа нас двоих так, чтоб в случае чего снести одним ударом головы обеим. Собственно, за царевну можно было не волноваться, но вот когда хрустальная поверхность стекла, отражавшая всех нас, на миг померкла, у меня упало сердце. Ну а когда изображение восстановилось...

– Участковый?!! – вытаращились одновременно и гражданин Бессмертный, и сестрица нашего царя.

Я кивнул. Нет, не для того, чтобы подразнить, а так, машинально. Просто потому что из зеркала на меня глядел я собственной персоной, в полной форме, разве что фуражка чуть сбилась набекрень не по уставу.

– Ах ты, ищейка милицейская, – почти ласково пропел Кощей Кирдыкбабаевич, вздымая чёрный меч.

Я икнул и зачем-то подпрыгнул на месте. Ноги поразмять захотел, что

ли, сейчас ведь и не вспомню даже. Но результат не заставил себя ждать...

– Врёшь, не уйдёшь! – взвыл государственный преступник и под дикий визг царевны Марьяны, со всей дури, страшно рубанул по... моему зеркальному отражению!

Стёкла так и брызнули во все стороны! А сам Кощей тупо уставился в пустую раму, где некогда красовалось старинное волшебное зеркало. Абзац.

– Семь лет удачи не будет, – грустно констатировал я, и царевна согласно поддакнула.

Гражданин Бессмертный растерянно всхлипнул, поднимая на меня полный укора взгляд...

– Э-э, меня, кажется, зовут. Вы уж извините, что не остаюсь на чай, но служба превыше всего, – сообщил я, отделавшись дежурной фразой, подхватил подол и дал дёру!

Честное слово, я даже успел выбежать за ворота, наверх, к лестнице, когда сзади раздался яростный мат-перемат и мне в спину ударила волна горячего воздуха! Я вылетел из подземного дворца Кощея, словно пробка из бутылки, на три метра вверх, а по приземлении ещё и пропахал носом шагов пять-шесть в тёплом песке. Кое-как встал на колени, отплевался и был вскинут на борт пролетающей ступы крепкой сухонькой рукой моей бдительной домохозяйки.

– Валим отсель, Никитушка! Ва-али-и-им!

Мы успели. Пока Кощей собирался в погоню, пока поднимал свою охрану, пока чёрные всадники выскочили из Лысой горы – наша ступа была уже очень далеко! Баба-яга не подвела, мы вырвались. Кто бы поверил?! Точно не я, я на сказочные истории с хорошим концом не ведусь эдак с класса третьего...

Как только бабка вернула мне прежний облик, то первый же вопрос я поставил ребром, хотя ответ был очевиден.

– Как царевна попала к Кощею? Вы же запихивали её в ступу, я сам видел.

– Запихивала, да вот недозапихнула... Вывернулась, мерзавка шустрая, да меня же моим же помелом по затылку и наградила! Крепенько эдак... Я как в себя пришла, её и след простыл. Кинулась в погоню, глядь, а тут ты летишь.

– Спасибо, что подхватили.

– Да не за что... А ты там чего у Кощеюшки-то наделал, что сам жив-здоров вырвался?

– Практически ничего, – подумав, признал я. – Ну разве что невольюно поспособствовал тому, что волшебного зеркала больше не существует.

– Разбил?! Ох ты и хват, участковый...

– Не я, он сам. Мечом.

– Как так?

– Оптическая иллюзия.

Мой подробный рассказ не занял много времени, тем более что ступа, словно бы рвавшись домой, летела без понуканий с удвоенной скоростью.

– Ну что ж, сокол участковый, – удовлетворённо заключила Баба-яга, – нет худа без добра. Конечно, Марьянку эту выручать по-любому придётся, но и без зеркала волшебного Кощеюшка ныне тоже как без рук.

– Минуточку, – перебил я. – Там колокол звонит, вам не кажется?

– Навердь нет...

– Прислушайтесь...

– А ить ты прав, сыскной воевода, – принахмурилась бабка. – Тока энто не простой колокол, энто набат! Видать, что серьёзное в городе случилось. Пожар, война или смута...

Этого нам ещё не хватало. В отделении Митя и Еремеев, да и все дежурные стрельцы на месте. Что ж они там, милицейской сотней порядок навести не могут? Вернись, поставлю обоих в угол!

– Не, не пожар, и уже слава богу, – сообщила Яга, вглядываясь в далёкие очертания Лукошкина. – Да и вражьих войск тоже, как погляжу, нигде не видно. Стало быть, смута боярская али бунт народный.

– Вы уверены?

– Дак по другому поводу в набат не бьют. Так только на большие события людей сывают, когда всем миром проблему решать надо али ото всех беду неминуемую отводить...

Больше мы не спорили и непроверенных версий не выдвигали. В конце концов, через полчаса прилетим и во всём разберёмся. Я устало зевнул, осознав, сколько нам сегодня досталось, прикрыл глаза и постарался хотя бы десять минут ни о чём не думать. У меня получилось. Я даже успел задремать, когда бабкина ступа совершила не самую мягкую посадку во дворе нашего родного отделения.

– А-а-а почему нас никто не встречает? – зевая, высунулся я.

Баба-яга, не утруждаясь ответом, молча вылезла из ступы и, сунув два пальца в рот, резко, по-разбойничьи, свистнула. Верный кот Васька прибежал практически в ту же минуту, прыгнув хозяйке на руки, так что та едва устояла на ногах. В нём же кило десять – двенадцать, я не говорил?

– Думаете, он в курсе?

Чёрный кот, неодобрительно покосившись на меня, что-то быстро замурлыкал бабке на ухо. Моя домохозяйка сделала круглые глаза...

– Чегось?!

Кот, видимо, повторил в красках и деталях, и у Яги повело челюсть вбок, а левую щеку задёргало нервным тиком...

– Да что там происходит? Скажите уже, хватит шептаться.

– Меч нашли, – выдохнула бабка, старательно перекрестясь.

– Так радоваться надо!

– Нечему радоваться, Никитушка... Меч-кладенец дьяк Филька нашёл и с ним же ко двору царскому попёрся. На полном праве руки царевны Марьяны требует!

– Эм... ам... ём... – Я так и не смог сформулировать вопль души, а Яга мрачно продолжила:

– Теперича народ на площади бузит! Справедливости жаждет. Раз дьяк меч вернул, стало быть, Горох и обязан его с царевной повенчать да полцарства отрезать! Потому и набат...

– Где наши?

– Видать, все там. А тока ежели дьяку прилюдно руки вертеть да в поруб пихать, так нам лукошкинцы за таковой самосуд всё отделение спалят. Да и, по чести сказать, прав народ: коли такое дело завертелось, таким боком коленкор вышел, так отдавай, царь, обещанное!

– Вот давайте без популистских лозунгов, а? Нам ещё не хватало, чтоб из-за десятка горластых «правдолюбов» Горох стрелецкую гвардию на улицу вывел да из пушек пальнул.

– А чего ж делать-то, соколик?

– Собирайтесь, идём на площадь, разберёмся.

– Тебе нельзя, Никитушка-а! – Тощая Баба-яга крестом раскинула руки, закрывая от меня ворота. – Ты ж у нас «покойник», мы твоё воскрешение ещё и не обдумали толком, а коли прямо сейчас к народу живьём выйти, так представляешь ли, какая суматоха подымется? Люди у нас простые, решат ещё сдуру, что Страшный суд наступил, раз помершие милиционеры с того свету возвратились!

– Спокойствие. – Я хладнокровно поправил фуражку и приобнял за плечи едва не плачущую главу экспертного отдела. – У меня есть идея. Поспешим.

– Куда?

– В курятник.

...Когда я только начал объяснять, кот Васька, первым отшатнувшись от меня, демонстративно покрутил когтем у виска. Яга тоже въехала не сразу, но, выслушав до конца, вынужденно признала, что может и сработать. Бывало и хуже, но ведь выкручивались же...

На то, чтоб собрать кучу разнокалиберных перьев, у меня ушло минут пять-шесть. Чтоб превратить их в огромные лебединые крылья, бабке понадобилось вообще меньше минуты. Поэтому успели мы вовремя – и я, и она. Ну и конечно компактному перелётному средству, нашей ступе, в тот день в пору было выносить благодарность.

Я посадил Бабу-ягу поближе к площади, а сам улетел со ступой на крышу царского терема. Благо в общей шумихе, криках и беготне головы никто не задирали и меня не заметили. Сверху у меня был отличный обзор и, самое главное, возможность контролировать ситуацию с обоих фронтов – народного и царского. Итак, что мы тут имеем?

Ну, со стороны государя всё было как обычно: суетливо бегающие бояре, строящиеся шеренги стрельцов, пушкари, выкатывающие здоровущие «единороги» к воротам, а личная гвардия Гороха уже седлала лошадей, готовясь к разгону демонстрантов. Сам государь, видимо, сидел у себя, наверняка пил и горестно думал о судьбе отечества. Решить внезапный конфликт дипломатическим путём возможность, разумеется, была, но это же не в традициях российского правительства. Любой вопрос власти и народа неизменно решался силой! Иначе не принято, мы же русские, у нас свой особенный путь. Всё, значит, пора и меня ввести в историю...

– Что же Яга медлит? – слегка начал нервничать я, нетерпеливо ожидая сигнала.

По времени бабка должна была бы пробиться сквозь толпу, найти Митю и Еремеева и уже с поддержкой наших прилюдно обвинить мятежного дьяка в воровстве, лжи, шарлатанстве и призыве к массовым беспорядкам. Он, естественно, начнёт отпираться, и тогда Яга должна обратиться за праведным судом к народу, призывая в свидетели «светлый дух сыскного воеводы». После чего, как вы понимаете, эффектно появляюсь я.

– Ну же?! Не тяните, ну...

Сверху мне было видно, как неровно колышется людское море. Ветер доносил обрывки фраз и лозунгов в основном насмешливо-экстремистского содержания.

– А пуцай будет! Ну и чё, чё раньше не было? Зато представь, дьяк Филька на троне... Обхохочемся же!!!

– Ах ты, кобель в скуфейке! Меч он нашел? Я, может, тоже право имею, я в тот вечер двор подметал! Так, может, ты у меня тот меч и покрал, а? Может, энто я царёв зять?!!

– Вот как станет он тут свои порядки наводить, так и взвоем ужо! Всех поутру водку пить заставит! Хотя чё энто я так сразу в амбицию? Ничё плохого в том не вижу...

– Я ему задам! Я ему все глазки бесстыжие выцарапаю! Значит, как ко мне под подол лезть, так «Настасьюшка, красавица!», а как жениться, так тока на царевне Марьяне...

– Вы мне тут ещё... Не грубить! У него, поди, и среди боярской думы свои люди есть... Ты, Филимон Митрофанович, главное дело, меня запомни, как себе кабинет министров набирать станешь!

– Взашей его, православные!

– Нехай говорит, хучь поржём!

– Да я вас... всех... на плаху... дайте срок, смутьяны небогоизбранные! Мой меч-кладенец, стало быть, и правда моя! А кто супротив, тот... упс?!

На мгновение вдруг резко повисла тишина. Люди замерли. Видимо, бабка тихо, но доходчиво толкала речь. Потом все в едином порыве задрали головы к небу...

– Пора, – сам себе скомандовал я.

Повинуясь движению помела, ступа взяла вертикальный взлёт чуть ли не до самых облаков и, резко бросив влево, на миг застыла в критической точке, а потом начала в меру медленный спуск. Толпа внизу просто обомлела...

– И впрямь участковый! Ох, держите меня четверо, я ить убежать могу со страху великого, а любопытно же...

– Гляньте, народ, у него ж крылья белоснежные за спиной! А чё говорили, что он упырь?

– Сам ты упырь!

– От упыря слышу!

– Вот те в рог за оскорбление милиции! Эх, сажай меня, дорогой наш Никита Иванович, для тебя ничего не жалко, за тебя хоть на каторгу, хоть под венец!

– А не одна фигня?

– Ну, практически...

– Молись, православный люд, ибо как есть согрешили мы, раз Господь самого сыскного воеводу архангелом с огненным помелом прислал! Я каюсь...

– И я каюсь, каюсь!

– И я за компанию, а в чём каяться-то, мужики? Хотелось бы, чисто для антитеррора, знать, на какой тюремный срок подписываюсь...

– Батюшки! Матушки! А чё мне-то теперича делать, коли я прямо тут вся так и влюбилась, аж ноги судорогой свело?

– В монастырь дуру! Али просто замуж...

– Разойдись, честной народ, дай посадку ангелу при исполнении!

Последнее – это уже наши. С трудом сдерживающие гогот еремеевцы расталкивали лукошкинцев в стороны, высвобождая пятачок два на два метра для посадки ступы. Довольная Яга тихо улыбалась в кулачок, а ретивый Митяй крепко держал за шиворот присмирившего дьяка Груздева. Стоящий рядом Еремеев поднял над головой длинный продолговатый свёрток. Как я понимаю, теперь искомый меч-кладенец у нас там.

– Встаньте, граждане, не надо, – громко попросил я всех, кто бухнулся на колени и уже начал успешно бить звучные поклоны о булыжник. – Я вернулся, милиция всегда приходит по первому зову туда, где нуждаются в защите законности и порядка.

– Слава те господи, – дружно выдохнула вся площадь. – А то у нас тут такое творится, что хоть всех святых выноси! Дьяк Филька-то наш...

– Я в курсе. Разберёмся. Гражданин Филимон Груздев, вы арестованы за организацию общественных беспорядков и несанкционированный митинг.

– Кто? Я?! Да знаешь ли ты, хвост коровий, с кем говоришь?! Я, может, без пяти минут царский зять! Я, может, могу приказать тебя...

– Митя, – подмигнул я.

Мой младший сотрудник послушно сорвал с головы дьяка скуфейку и запихнул ему же в рот. На дальнейшее бульканье арестованного мятежника внимания уже никто не обращал.

– В отделение его. Еремеев, конфискованный меч передайте в экспертный отдел. Пусть с ним Баба-яга работает. Все свободны!

Но народ ни в какую не хотел уходить. Люди светились радостью и чистосердечным изумлением. Я вдруг понял, что меня тут по-своему любят и в разлуке даже скучали. Но долг превышает сантиментов, я метким круговым движением помела поднял ступу в воздух...

– Не улетай так сразу-то, Никита Иванович, – нервно сорвался кто-то. – Рассказал бы хоть, как оно там, на небе-то, а?

– Пресс-конференция, посвящённая возвращению главы Лукошкинского отделения милиции, состоится послезавтра в обед, – заученным текстом выдала Яга. – Желающие задавать вопросы подают заявки в письменном виде с шести до одиннадцати. Расходимся, граждане, расходимся!

В общем, тьфу-тьфу, но, когда царская гвардия торжественным

маршем выехала наконец «разгонять политическую демонстрацию», они обнаружили лишь четырёх мальчишек, играющих в «арест дьяка Фильки». Мы снова спасли город, так как все естественным образом рассосались по двум направлениям: бабы в церковь, мужики в кабак! Как говорится, ура?

Если бы вот так запросто наше российское руководство выходило к простому народу, то «бессмысленных и беспощадных бунтов» было бы в разы меньше. Хотя, честно говоря, вряд ли кто-то поверил бы депутату с крыльями за спиной?

Тем более что стоило мне приземлиться во дворе отделения, как стрельцы доложили о подходе отца Кондрата с ещё четырьмя запыхавшимися попами. В смысле священниками. Ладно, кто бы поверил, что церковь с ходу не заинтересовалась бы моим публичным «воскрешением»? Пусть идут, лучше уж разобраться со всеми вопросами сразу...

– Здравствуйте, отец Кондрат. – Я сам встретил его у ворот, первым протянув руку. – Заходите, граждане священники!

– Здрав будь, Никита Иванович. – Он безбоязненно пожал мне руку и удерживал, пока спешащий за ним старенький батюшка не выплеснул мне в лицо полведра святой воды.

– Мать вашу... Богородицу... Ну вот какого?!

Вместо ответа другой поп не менее резво подскочил и сунул мне к губам здоровенный серебряный крест.

– Целуй!

Я на автомате чмокнул распятие.

Отец Кондрат улыбнулся и распахнул мне объятия:

– Дай хоть обниму тебя, блудный сын участковый!

– Э-э, прости господи грешника, но, может, его ещё и ладаном окурить, Библией по кумполу ошарашить да «Об изгнании демонов...» почитать на ухо с выражением? – на всякий пожарный предложил кто-то из святой братии, но его не поддержали.

Отец Кондрат в этом плане пользовался непререкаемым авторитетом, и мокрый я смог наконец вернуться в отделение, официально приступая к исполнению служебных обязанностей. Ну, правда, пришлось пообещать ему, что, как всё закончим, я загляну в храм Ивана-воина, на рюмку церковного кагора, и всё обстоятельнейше расскажу...

– Однако своим передай, что благолепно говорить «воскрешение участкового», аки воскрешение Лазаря. Поелику «воскресение» едино к Иисусу Христу относится. Засим обнимаю тебя, возвернись к делам

служебным, а я жду, как обещал, Никита Иванович!

На том вежливо и расстались. Церковная делегация, благословив всех до кучи на всякий случай, отправилась восвояси, а я обернулся к сотнику Еремееву.

– Дьяка в поруб!

– Дык там же бесы! Цельных два. Он и одного-то в прошлый раз до истерики довёл...

– Ничего, не передерутся, подвинутся, может, даже подружатся, – сухо приказал я. – Ещё послать стрельцов на поиски наиболее активных дебоширов. Лично я сверху отметил троих. Потом нарочного с объяснительным письмом к царю. Нет, только не Митьку! Он опять нашего работодателя в мешке притащит.

– Будет сделано, батюшка сыскной воевода!

– И вот ещё что, Фома! – подумав, попросил я. – Поставьте утроенную охрану ворот. После сегодняшнего шоу с моим «воскрешением» бояре запросто решат припереться сюда с войсками и, в отличие от священников, перепроверить меня посредством полного утопления в святой воде. Всплыл – значит виновен! Ну их, перетопчутся, у нас своих неотложных забот полно...

– Как скажете, Никита Иванович, – коротко поклонился стрелецкий сотник, разворачиваясь к подчинённым.

– Бабушка Яга, нам нужно поговорить.

– Сначала ты поешь, соколик... – Она едва ли не силой затащила меня в дом, но я сопротивлялся:

– Нет, сначала мне надо разобраться с тем, что вообще произошло? Как в наше короткое отсутствие при полном отделении милиции город стоял на грани бунта? Где, мать их, были все наши? Почему никто не арестовал дьяка Груздева и, главное, дал ему возможность провоцировать народ?!

– Ну хоть чайку-то выпей да и...

– Больше никаких ватруше-э-эк!!!

– Да поняла я, поняла, – прочищая мизинцем ухо, охнула Яга. – Всё, не пристаю более. Сей же час Митеньку да Фому Силыча пред очи твои грозные поставлю.

Я перевёл дыхание. Мне редко приходится так кричать, но уж если кричу, значит, причина серьёзная, и она есть. Как правило, все понимают и на продолжение не провоцируют. Буквально через пару минут передо мной навтыжку стояла та самая парочка, которой я доверил стольный град Лукошкино на время своего кратковременного отсутствия.

– Докладывайте, – не отрывая глаз от блокнота, тихо попросил я.

– Ась? – неуверенно переглянулись они.

Я промолчал. Более опытный в разносах Митька глядел честными глазами в потолок и настукивал ногтем по стенке нечто среднее между камаринской и азбукой Морзе. А вот добропорядочный Фома Еремеев явно занервничал...

– Охохонюшки, – тяжело вздохнула Баба-яга. – Простил бы ты их, Никитушка. Понял, плюнул да и простил...

– Я пока никого ни в чём не обвиняю. Я жду.

– Чего?

– Доклада. Просто доклада о том, что происходило в городе в наше с вами отсутствие. Ничего большего. Честно.

– Энто справедливо, – важно согласилась бабка, многозначительно взвешивая в руках тяжёлый ухват. – Тады ждём.

– Итак? – Я выразительно поднял бровь, опять-таки не отрывая взгляда от своих записей.

– А тот, кто первый доложится, тому какое ни есть снисхождение будет? – вкрадчиво уточнил Митя.

И Еремеева прорвало...

– Да провались оно всё пропадом! – Фома сорвал шапку и бросил её на пол. – Один раз твоего напарника послушался, и сразу на тебе, начало-о-ось...

Я отложил блокнот. Записывать ничего не хотелось, только слушать. В общем, как вы уже догадались, Митя, не особо парясь с фантазиями, просто уговорил стрелецкого сотника пройтись через Базарную площадь «профилактических мер ради». Ну а на базаре они, естественно, встретили тётку Матрёну...

– Разве ж я знал, что он с разбегу башкой в бочку с квашеной капустой нырнёт, тока лапти и мелькнули?! Бабы в крик, мужики кулаки сжимают, нам хоть сквозь землю провались, а этот твой упырь деревенский горстями капусту жрёт да её же и критикует матерно! Но всё одно жрёт!

Им повезло ещё, что с базара наши ушли без драки. Еремеева-то весь город знает и уважает соответственно чину, а Митя званиями не блещет, в погонах не ходит, нарывается везде и всячески, поэтому его у нас скорее терпят, чем любят.

– А твой капусты-то нажрался, так, видать, пить захотел. Двух стрельцов под мышки цапнул и в кабак! «Ревизия! – орёт. – У кого руки нечисты, водка палёная, пиво прокисшее, самогон нелегальный? Всё на стол, щас проверку чинить будем!» Покуда я с остальными

подоспел, он и сам напузырился, и моих накачал по самые ноздри...

Митяй скромно помалкивал, ни на что не возражая, вину ни на кого не сваливая, всем видом показывая полную готовность сдаться правосудию.

— А с Лялиной улицы от девок завлекающих мы ж его вообще едва уволокли! Упёрся, чертяка, так что вшестером не сдвинешь. Говорит, преступление легче предотвратить, чем расследовать. А посему якобы и вы не против, чтоб при каждой девице разбитной стоял наш стрелец с пищалью! Ну мало ли, вдруг клиент недоволен али платить не хочет, тут милиция и при деле. Вот он щас прямо тут с ихней хозяйкою всё разрулит, на взаимовыгодные условия договорится! А мои-то дураки и рады, улыбаются глупо, слюни пустили, девок себе под опеку определяют, с ними же и перемигиваются...

Ну, дальше можно было в принципе и не слушать. Митяй отрывался, как мог, для него любой мой отъезд из столицы – праздник непослушания. Бить его за это бесполезно, перевоспитывать бессмысленно, можно только казнить, но разве это его исправит?

Я просто дал Еремееву выговориться, а когда он устал, отпустил с богом. Бабка не возражала, для неё тоже подобные разборки не в первый раз, да и, боюсь, не в последний. Митя у нас парень простой, неизбалованный, ему до сих пор трудно привыкнуть к тому, что работа в милиции – это сплошные обязанности и никаких привилегий.

— Может, его уволить всё-таки? – обернулся я к Яге.

— Увольняли уже, – вздохнул Митя.

— Тогда на каторгу?

— Да ты что, соколик! – всплеснула руками моя домохозяйка. — Там небось людям и так несладко, каторга же, а мы им ещё и Митю для полной задницы добавим? Не, не по-христиански как-то получается...

— Тогда только расстрел?

— Тоже не вариант. Один раз расстреляем, а второй?

— А второй ему уже не надо будет.

— У меня оправдание есть, – глухо прогудел Митяй, наслушавшись наших споров.

Угу, продолжение спектакля в следующей главе...

— Не может быть? – Мы с Ягой почти одновременно всплеснули руками.

— Я первым дьяка Фильку услышал и всю дружину еремеевскую своим примером в бой повёл. Ежели б мы его на площади цепью не охватили, дак быть ему у Гороха в подвале казнённому лютой смертью!

– Это всё, конечно, хорошо, но не объясняет, почему ты...

– Да что ж вы думаете, я зря по всему Лукошкину куролесил? От глупости али по причине злобного нраву? – чуть не расплакался он. – Я ж версию проверял! И всё как есть выяснил! Значитца, так оно было...

Мы с бабкой попытались хоть как-то его успокоить, но не смогли. К счастью. Потому что на этот раз наш младший сотрудник действительно отличился.

– Думаю, ну не могла, не могла Марьяна без чьей-то помощи убежать! А у кого спросить? Кто всё про всех знает, как не бабки на базаре?! Веду стрельцов на базар, вроде как проверка качества, ну и для солидности, чтоб не сразу били-то. Сам сажусь на бочонке тётки Матрёны, капусту ем и бормочу себе под нос эдак со значением: «Бельдым-бяк, Павлиношвили, фон Паулюсус...» На последнем имени тётка Матрёна и сорвись, орёт, что, дескать, он-то вежливый, не мне чета, и заплатил за всё! Я думаю так: на фига козлу бледному капуста? Разве на закуску после водки. Разворачиваю стрельцов в ближайший к базару кабак. Там суматоху устроил да тишком и спрашиваю: фон Паулюсус не заходил ли? Шесть штофов зелёного самогону он у них купил! Ну, тут дело ясное, однако ж коли б он сам стражу ночную опоил, так царские стрельцы и вам про то сказали бы. А коли не сам? Коли он к ним девиц весёлых подослал, уж они-то никаких подозрений не вызывают, так что...

Я отупело встал, подошёл и от всей души обнял его за плечи. Это казалось невероятным, но Митька (наш Митя!!!) умудрился самостоятельно найти доказательства своей теории и оказался прав по всем пунктам!

– Я прощён?

– Да.

– Тётя Матрёна в суд грозилась.

– Отмажем.

– И в кабаке тоже погудели неслабо.

– Договоримся.

– А на Лялиной улице...

– А вот туда ещё раз нос сунешь, я тя сама в угол поставлю, – перебивая меня, вставила бабка. – Иди-кось, делом займись. Мне тут Никиту Ивановича хоть ужином покормить надобно. Дуй давай, покуда не передумали! Ох, чую я, поторопились мы с твоим прощением...

Есть ситуации, когда Митьку не надо просить дважды. Он мигом вспомнил, что собирался вытопить баню, исчезнув так, что только пятки сверкнули...

– Бабуль, я сам к царю побегу! Вы же видите, у нас новая информация, надо срочно советоваться с государем. Возможно, всё-таки придётся поднимать войска.

– Куды ты пойдёшь-то? Забыл уже, что стрельцов за самодержцем отправил?

– Значит, встретимся по дороге! – решительно встал я.

– Ох, прости, запамятовала, старая, как себя вести при сложных ситуациях. – Бабка преспокойно усадила меня обратно. – Сначала в баньку сходи, вымойся, выпарись, потом откушай, а уж потом и с государем поговоришь о делах служебных...

– Нет времени... – начал было я, но тут же без предупреждения словил помелом по спине!

– Ишь какой командир выискался?! Спорить он тут ещё будет с пожилыми людьми... Митенька уже отправился баню топить. Так что и ты, мил-дружок, развернулся кругом, взял в горнице чистое бельишко и пошёл голову свою с думами чёрными в порядок приводить!

Я сейчас даже не соображу, какая такая волшебная сила взяла меня за плечи, повернула на сорок пять градусов и строевым шагом отправила наверх, в мою комнату. Единственно, что мне запомнилось, я и близко не позволил себе фыркнуть или хмыкнуть на такое обращение скромной старушки с грозным сыскным воеводой. В горнице пришёл в себя, меня отпустило...

Возможно, бабка и права, не стоит пороть горячку. Да, царевна находится в плену у Кощея. Да, теперь мы знаем, как она бежала и кто ей помогал. Но раз гражданка Марьяна Рюриковна сама этого хотела, пусть сама и выкручивается. К тому же меч у нас. А ведь всё затевалось именно из-за этого меча, значит, наши шансы хотя бы приблизительно уравнились. Надо сесть всей опергруппой, рассмотреть факты, сделать выводы и только тогда что-либо предпринимать.

Всё, остываем, я действительно начинаю пороть горячку, а это в любом расследовании вещь недопустимая. Выдыхаем, считаем до десяти и...

– В баню – значит, в баню, – смиряясь, пробормотал я, собирая комплект чистого белья: рубаху, подштанники и большое полотенце с вышивкой крестиком.

...Мой младший напарник ждал меня в предбаннике, с довольным видом замачивая в бадейке дубовые веники. Как банщику ему цены не было, зря он в милицию пошёл, а мы зря его взяли, вот, ей-богу, зря...

– Мить, только без фанатизма, – заранее предупредил я, ложась

животом на мокрую горячую лавку.

– Не извольте беспокоиться, Никита Иванович, – бесстрашно обливая меня едва ли не крутым кипятком, откликнулся он.

Мой предсмертный вопль был мгновенно погашен тяжёлым ударом векового дуба (не меньше!), стукнувшего меня по лопаткам. Потом к нему присоединилось второе дерево, словно былинный великан начал работать двумя руками, и моих сил хватало лишь на то, чтобы дышать, и то через раз...

– Держись, батюшка участковый, не робей, отец родной! – надрывался красный Митя, едва различимый в густейших клубах пара. – Щас мы с вас все болезни-хворости вышибем!

Дух он из меня вышиб мигом, поэтому любым «болезням-хворостям» тоже не позавидуешь. Я пытался уползти с лавки, пользуясь тем, что скользкий и в мыле, но Митьку на мякине не проведёшь...

– Вы ж так упадёте, Никита Иванович! Позвольте-кась я вас за ножку белую да пяточку розовую попридержу покуда... А теперича берёзовым веничком, а?!

– А-а-а!!! – не своим голосом возопил я, но он воспринял это как подтверждение и продолжил свою гестаповскую работу.

– И ещё водичкой тёпленькой отполируем... да мочалкою! Раз-два, раз-два, раз-два!

По-моему, у меня со спины слезла вся кожа. Сил орать уже не оставалось да, собственно, и никогда не было, но тут он окатил меня ведром колодезной воды, и я сразу ожил. В смысле заорал...

– А-а-а, твою же мать в юриспруденцию-у!!!

Митя хотел ответить чем-то ободряющим и уже заново макнул веник в кипяток, но тут в двери постучали. Он стыдливо прикрылся шайкой и осторожно распахнул дверь. В тот же миг к нам был безжалостно втолкнут бунтарский дьяк Филимон Груздев. Абсолютно голый, с крестиком на шее и в той же многострадальной скуфейке на голове.

– Христу Господу в молениях припадаю, ибо не сам в сие чистилище ступил, но был ввергнут против воли прекраснодушной бабушкой Ягою! Дай ей Бог долгих лет жизни и всяческого благополучия! А ты, ирод стоеросовый, дверь прикрой, я ж материться буду, дак, не ровён час, услышит. Ну её, милейшую, от искушений греховных подальше...

Мой младший сотрудник послушно сделал, что велено, и вопросительно уставился на меня.

– А ты подвинься-ка давай, сыскной воевода, – нагло прикрикнул дьяк. – Небось в бане-то генералов нет!

– С удовольствием уступлю место, – легко встал я и подмигнул. – Митя, мочи арестованного.

– Дозволяете?

– Прощу, – от всего сердца подтвердил я. – Уж расстарайся, пропарь нашего дорогого гостя как следует. Я пока в предбаннике с квасом отдохну.

– Вот это правильные слова, – важно дёрнул куцей бородёнкой дьяк. – За то, может, я вам и арест прощу, и плаху смертную заменю монастырским покаянием. Чай, уж царский-то зять всякое себе позволить могёт. Небось уже и не хвост собачий, а...

Я вышел, чтобы не слушать продолжение. Дикий вопль гражданина Груздева напомнил мне собственные испытания, но, учитывая, что я лично попросил Митю поусердствовать, спасения пылкому женишку не было. Мне оставалось лишь наслаждаться холодным кваском в предбаннике и пропускать мимо ушей все крики, вопли, визги, всхлипы, мольбы, проклятия, мат, уговоры, клятвы, угрозы, обещания и всё такое прочее, доносившееся из парной. Хотя вскоре именно угрозы навели меня на хорошую мысль...

– Откуда у вас меч? – на минуту приоткрыв дверь, проорал я.

– Не скажу, сатрапы, палачи, Навуходоносоры сопливые-е!

– Митя, продолжай...

Через пару минут «белорусский партизан» в скуфейке сдал первые позиции.

– Да нашёл я его, нашёл! Пустите на волю, фараоны египетские, я уже намылся-а...

– Где нашли?

– Не скажу! Непочтительно просишь у царского-то зятю-у... уй-юй! Горячо-о!!! И листик прилип куда не надобно-о-о...

Ну вот примерно в таком ключе мы пообщались минут пятнадцать – двадцать. На моей памяти это был один из самых эффективных допросов при полном содействии задержанного. Что, согласитесь, весьма приятно...

Не буду никого грузить специфичной дьяковской манерой речи (это самая вежливая формулировка для обозначения его поганого языка), но в общем и целом он рассказал вполне достаточно. В тот день, когда бесы собирались красть меч, гражданин Груздев, как вы понимаете, традиционно ошивался за дверями.

Возможно, Горох слишком эмоционально орал на сестру Марьяну, потому что какие-то обрывки чутким слухом Филимон Митрофанович уловил, сообразив, что больше всего царевна хочет замуж, но так, чтоб по-книжному и романтично. А главную роль сыграл копчёный угорь...

– Да не украл я его, не украл, ироды семипалатинские! Взял на пробу! Государя-батюшку охранить, вдруг в том угре яд был, а?! А вы сразу веником бить... Нету в вас понимания деликатности моменту... волки вы все... Ай!!!

Короче, этот аферист, критикан и мелкий жулик в наглую спёр с царской кухни здоровущего копчёного угря, завернул его в мешковину и спрятал под бревном у ворот. В ночь кражи меча он, естественно, попёрся краденое доставать, а на обратном пути столкнулся нос к носу с тремя низенькими незнакомцами, несущими свёрток в лапах...

Взаимный испуг, короткая свалка, все бросают награбленное и бегут, но шустрый дьяк опомнился первым, схватил свой свёрток и удрал через тайную калиточку. А на трёх «мужичков» напали дворовые псы, и, что там было дальше, гражданин Груздев «знать не знает, ведать не ведаёт»... Хотя, прижми мы его покрепче, так этот гад сознался бы, что он же и спустил собак.

– А дома, в келье своей убогой, разворачиваю свёрточек тяжёлый, возжелав оскоромиться рыбкою на нервной почве, а там...

Ну, дальше можно не разжёвывать. Первое, что осознал хитромордый дьяк думского приказа, это то, что он и есть «прекрасный принц с волшебным мечом» и рыжеволосая красавица царских кровей на коленях умоляет его взять её под венец. С этими мыслями он крепко выпил, наутро протрезвел, раскаялся и, по его словам...

– Да я уж и пошёл вернуть кормильцу меч энтот проклятуций! Уж и в холстинку завернул да понёс! А тут слышу – участковый помер... Вот, думаю, горе великое, сердце ретивое защемило, подогнулись ножки резвые, думаю, ох, не дойду... Вернул меч домой, а сам в каб... в храм, свечи заупокойные ставить да молитвы по душу твою возносить! А ты, стервец, чтоб тебя черти в аду по-содомски приняли...

– Митя, где мочалка?

– Не надо мочалку-у-у!!!

Когда я вышел из бани, чистый и просветлённый, все показания дьяка чётко довершали картину преступления и гарантированно достраивали кусочки мозаики, полностью совпадая с показаниями пленных бесов. Держать его и дальше в отделении не имело никакого смысла.

Тем более что бесы в порубе слёзно умоляли сотника Еремеева болтливого гражданина Груздева к ним больше не подсаживать, ибо ноет он без меры, матерится, аж уши полыхают, и склоняет сокамерников принять его вину на себя, в чём покаяться публично, а уж он потом на

всенощной отмолит...

– Спасибо, что загнали меня в баню, – вернувшись в горницу, искренне поблагодарил я мою смущённую домохозяйку, расставляющую тарелки на столе.

– Да не за что, касатик... Баня, она от всего лечит и душу, и тело. Без баньки на Руси никак нельзя...

– Вот тут согласен, – серьёзно подтвердил я. – И даже более того! От лица всего отделения выражаю вам отдельную благодарность за то, что сунули под Митькину руку дьяка Груздева!

– Не выдержал допроса? – понятливо подмигнула Яга, разрезая свежайший пирог с капустой и грибами.

– Раскололся, как орех Кракатук, при первом же лёгком постукивании по дряблым ягодицам берёзовым веничком.

Бабка хихикнула про себя и положила мне самый большой кусок, типа заслужил.

Я сел за стол и отвёл душу, поскольку только сейчас ощутил совершенно зверский голод! Да и неудивительно, если вспомнить, сколько времени мы мотались по всем служебным надобностям. Фактически с утра в желудке был лишь лёгкий завтрак, обеда не было вообще, а ужин такой поздний, что все петухи в Лукошкине уже давно прокукарекали отбой и преспокойно спали, сунув голову под крыло. За окошком стояла ночь. Это когда же солнце-то сесть успело? Хотя если моё воскрешение происходило на фоне тонкого предзакатного золота, то... или...

– Никитушка, да ты ж спишь за столом, – разбудил меня голос бабки. – А ну марш к себе наверх, в постелю тёплую!

– А-а? Да, простите, действительно устал. Но сейчас царь придёт, мы его вызывали.

– Это ты поторопился, соколик, – укоризненно протянула моя домохозяйка. – Но что сделано, то сделано. Давай-ка я тебе чайку бодрящего налью да и подождём государя ещё часок. Ужо вдвоём-то небось продержимся...

Я вызвал Еремеева, уточнил у него распорядок дежурств и передал короткие указания на завтрашний день. Кроме Митиных походов и бунта, больше ничего криминального не произошло. Лично меня немного напрягали его разборки с тёткой Матрёной. Просто потому, что рано или поздно всё действительно придёт к серьёзному конфликту.

Почему эта бодрая торговка квашеной капустой являлась, наверное, единственным классовым врагом нашего сотрудника? Чего они так сцепились, ума не приложу... Тем более что сама тётка Матрёна, как я

понимаю, была хорошей приятельницей нашей Яги, а Митя бабку уважает. Как немного высвобожусь от рутинных дел, непременно вызову всех виновников бытового конфликта на капустной почве в отделение и, устроив очную ставку, посажу за стол переговоров.

К тому моменту доклада Фомы, когда он объяснял, как они пытались утихомирить дьяка, бывшего в набат, у ворот замелькали огни, раздался конский топот, и стрельцы впустили на милицейский двор встревоженного царя Гороха. Свиту из шести приближённых бояр, демонстративно одетых в боевые доспехи, он одним жестом оставил у крыльца. Молча пожал мне руку, кивнул Еремееву и, тихо пройдя через сени мимо душевно храпящего Митяя, сел за стол у нас в горнице.

– Доброй ночи, бабушка Яга! Не гневайтесь, что седин ваших вопросом о здоровье не уважил. Не до вежливых манер сейчас, что с сестрицей моею?

– Дурында она, – без обиняков объявила бабка и, невзирая на красные щёки царя, продолжила: – Из терему своей волей сбежала, плохим людям поверила, они ей головёнку глупую и задурили.

– Моя вина... Не объяснил, не уберёг, строг был без меры... А ныне где ж она?

– В Кощеевом царстве, на Лысой горе. Да вон пусть тебе, государь-батюшка, всё сыскной воевода разобъяснит. А я от твоей Марьянки вместо «спасибо» тока помелом в затыльник и словила! Чтоб ещё когда эту девчонку спасать полезла – да ни в жизнь! У меня, чай, голова тоже не казённая...

Горох беспомощно оглянулся на меня. Я достал блокнот, раскрыл на нужной странице и примерно в пятнадцать минут чётко расписал ему всю историю меча-кладенца и царевны Марьяны. Царь слушал меня молча, с раскрытым ртом и выпученными глазами, из-под короны катились крупные капельки пота.

– Ну вот, собственно, и всё. Меч у нас, ваша сестра у Кощея. Пока он не выдвигает требований о выкупе, мы ничего не можем сделать.

– Войной на него пойду, – тихо заявил Горох, тупо глядя в одну точку на стене.

– Людей зазря положим. – Баба-яга собственноручно налила ещё одну стопочку настойки на рябине и поставила перед царём. – Чтоб Лысую гору силой взять, для этого не одно наше войско надобно, а ещё и степняков склонить, и наёмников-рейтаров немецких звать, у них пушки больно хороши. Да и то хватит ли?

– Завтра же послов отправлю!

– Но имейте в виду, не факт, что при первом же выстреле он не убьёт заложницу, – вовремя напомнил я. – В таких делах грубая сила ничего не решает. Нужна тонкая, почти хирургическая операция. В противном случае вместо победы у вас будут похороны.

Царь вопросительно выгнул соболиную бровь на бабу. Та виновато пожала плечиком, дескать, да, поторопилась с советом, извиняюсь, и налила ему третью стопку.

Горох так же бодро выпил и придвинулся ко мне.

– А ты что посоветуешь, друг Никита Иванович?

– Ну, пара мыслей у меня есть. Однако повторюсь, пока гражданин Бессмертный не выдвинул никаких требований, мы тоже ничего не вправе предпринимать. Вдруг он реально хочет жениться и Марьяна в него искренне влюблена?

– Да тьфу на тебя... Бабушка, ещё налейте!

– Дудки, батюшка! Ты вона лучше участкового послушай, он дело говорит. Ежели мы с войском на Лысую гору припрёмся, а там твоя сестрица в первых рядах, с мечом в руке, любимого супружника защищает – сам по ней палить велишь?!

– Велю признать их брак незаконным!

– Угу, и как твои «веления» девицу резвую в тереме удержали, а? Грех мужа с женой разлучать. Прав Никитушка, тут хорошенько думать надо, и не нахрапом брать, а хитростью...

Горох сдался, окончательно повесив кудрявую голову. Отходчивая Яга налила по стопочке уже всем нам и компромиссно предложила:

– А давайте-ка все по домам да и на боковую. А с утречка пораньше сызнова здесь соберёмся. Ужо небось придумаем чего на свежую-то голову...

Царь проводил завистливым взглядом бутылочку с настойкой, убираемую Бабой-ягой в шкафчик, и философски кивнул. Все понимали, что бабка права, плохого не посоветует, да и, честно говоря, мы с ней уже едва держались на ногах. Горох не был ни глуп, ни бесчувственен, поэтому быстренько попрощался, пообещал зайти после третьих петухов и ушёл, погружённый в свои мрачные думы.

Я, конечно, собирался посидеть ещё, даже снова раскрыл блокнот, но был выдворен взашей и спорить с решительно настроенной Ягой просто не стал. Сон срубил меня как раз в тот момент, когда я только закрыл дверь в свою комнату. В смысле это я ещё как-то помню, а вот как дошёл до кровати и по счастливой случайности упал именно на неё, а не на пол... Свезло...

Утром меня разбудил петух. Его горластое «ку-ка-ре-ку-у!» взорвало пространство, вселенская гармония хрупнула, и мироздание обрушилось разноцветными осколками и брызгами, рассыпаясь в цветную пыль. Искорки сна брызнули во все стороны, и, рванувшись к окну, я был полон решимости задушить пернатого негодяя подушкой, но замер у подоконника, невольно залюбовавшись открывшейся внизу картиной. Полусонная Баба-яга, босиком, в одной ночной рубашке и бигудях, гоняла вдоль забора нашего горделивого петуха, реально пытаюсь залепить ему мухобойкой по гребешку!

– Давно пора, – зевая, одобрил я и поплёлся умываться.

Что и говорить, Яга наверняка легла вчера ещё позже меня, а встаёт она как минимум на полчаса раньше. По идее настроение у неё должно быть хуже некуда...

– Не будет петуха, будут щи с петушиной. По мне, так это лучший вариант и почётный конец для будильника в перьях. Он зажился на этом свете, не я один давно это говорил.

Однако, спустившись вниз, я застал бабу полностью собранной, причёсанной и даже нарядной, ставящей в центр стола огромную сковороду с яичницей-глазуньей (яиц эдак на двадцать – двадцать пять). Свежий хлеб, масло, сметана, горчица, три вида варенья, молоко, облепиховый чай и ароматные пышки! И это не пир на весь мир, это у нас просто такой завтрак.

Больше всего на свете Яга боится, что я у неё похудею. Наверное, это связано с полукриминальным прошлым, когда она жила в лесу и якобы ела всех заезжих принцев, царевичей, королевичей, Иванов-дураков и всяких там Алёнушек.

– Садись уже за стол, Никитушка, остынет ить...

– Бабуль, а кого мы ещё ждём? Нам на двоих такую яичницу не съесть. Даже если Митю подключим, всё равно не факт...

– А съесть надобно, – сурово поджала губки бабка. – Мы ноне серьёзную думу думать будем – как Кощей одолеть да царевну Марьяну из плена вызволить.

– Это если она в плену... – напомнил я и взялся за вилку. – А яйца-то при чём?

– Яйца – продукт наиполезнейший! Они телу бодрость дают, желудку сытость, а уму – ясность необычайную. Так что ешь давай, сыскной воевода, не огорчай бабушку-у!

Я вспомнил, как она гоняла петуха, и поэтому не спорил, хотя

прекрасно понимал, что помру от разрыва желудка, не дойдя и до половины. Ну и ладно...

– Говорю же вам, что когда я был у Кощея, то царица прямым текстом объявила мне, что пришла сюда добровольно, замуж хочет и полна решимости своей искренней любовью исправить закоренелого преступника, вернув его на путь праведности. Короче, шиза!

– Кто? – на миг отвлеклась рассеянно ковырявшая яичницу моя домохозяйка. – Я ить тоже попервоначально думала, что заколдовали дурочку. Ан нет! Сама такая уродилась. Ну и книжек глупых перечитала, конечно... Однако возвратить её надобно.

– Вы не верите в перевоспитание Кощея Кирдыкбабаевича? Вы же перевоспитались...

– Ты вона не умничай, участковый, а яишню ешь давай, – покачав головой, вздохнула она. – Я женщина слабая, беззащитная, меня всегда к добрым людям тянуло. А Кощеюшка наш, он... не свезло ему. Мог бы другим быть, да шибко чёрное сердце имел и страсть неумную всё живое мучить...

– Бабуль, я лопну.

– И что за горе? Вон домовый зашьёт! – хмыкнула Яга, выглядывая в окошко. – Ну глянь-ка, вот и царь-государь пожаловал. Видать, не выдержал у себя в тереме. Душой за сестрицу неразумную болеет...

– Угу, – с первого взгляда подтвердил я. – И, судя по тому, как его штормит, «болел он за неё душою» всю ночь, а к нам пришёл за опохмел... за лекарством.

– Тьфу на тебя, Никитка! Нет в тебе почтительности к монаршим персонам, помазанникам божьим... Ешь говорю, горе моё!

Да, удовлетворённо подумал я, вот к монаршим персонам чего нет, того нет. И, честно говоря, меня это не особенно беспокоит. Вон в боярской думе и без того цареугождение доведено до абсурда. Если Гороху нужны верноподданные комплименты, то ему проще остаться у себя в тереме, а у нас в отделении все равны. Ну, кроме Мити...

– А чего это я такой злой-то? – сам себя спросил я и сам же себе ответил: – Ненавижу яичницу-у...

Горох, вежливо постучав, ввалился в горницу, дыша перегаром и ароматизируя водкой. Судя по чёрным кругам под глазами, его величество вообще не спал, но настроен был самым решительным образом.

– Здоровы будьте, хозяева! Не в обиду будь сказано, но ежели нам Святое Писание велит, как добрым христианам, друг дружке помогать, так и я попрошу, Христа-Бога ради, а нет ли чего покрепче чаю?

– Да тебе и так не много ли, кормилец?

Горох сел и прямо на моих глазах, без малейших ужимок и подготовки, пустил огромную хрустальную слезу. Меня оно не проняло, но сердобольная бабка метнулась к шкафчику за настойкой. Царь спешно принял стопочку, опрокинул, не закусывая, и сразу перешёл к делу.

– Что ж, Никита Иванович, друг сердечный, товарищ верный, пора тебе и ответ держать! А не то, сам знаешь, мой меч – твоя голова с плеч...

– Вы ж не в думе перед боярами выступаете, можете говорить по-простому, – сухо улыбнулся я.

– И впрямь за то прощения просим, – смущённо прокашлялся государь. – Однако вынужден настаивать. То исть чего делать-то будем, а, милиция?

– Ну, как я уже говорил вчера, любые действия мы можем предпринимать только после того, как появится хоть какая-то определённости в корреляции с планами Кощея. Лично мне видится всего два варианта развития событий.

– Ну, ну?

– Первое: ваша троюродная сестра теперь официально является гражданкой Марьяной Бессмертной, а её законный супруг подаёт в Европейский суд на отчуждение у вас её приданого в виде половины царства.

– А я и не отдам!

– В таком случае НАТО как антироссийский военный блок сложится на несколько столетий раньше и...

– И что? Думаешь, побоюсь я той Европы?! Да у нас, может, супротив их пушек... у нас, может... патриотический дух, вот! И вообще мы русские – с нами Бог! Пущай идут, пущай... увидим ещё... пушки у них, а?! Сволочи-и...

– Царю больше не наливать, – попросил я и продолжил: – Второй вариант, экономический. Кощей может просто шантажировать вас тем, что у него в плену ваша сестра, а если вы не выплатите ему, к примеру, миллион рублей, то он её...

– Скока, скока?! Миллион?! Да у нас в Лукошкине целая корова пять рублей стоит! За миллион, за... за такие-то сумасшедшие деньжищи пущай он её сам держит, не жалко!

Баба-яга, невзирая на мой протест, плеснула государю ещё, только чтоб успокоился и не лез с комментариями. Я строго на неё покосился и взглядом предложил Гороху полсковороды оставшейся яичницы – в смысле закусывать же надо. Он прикинул, кивнул и взял мою вилку...

– Итак, повторяюсь, основных рабочих вариантов два. Есть мнение, что переговоры с похитителями нельзя вести ни при каких условиях. Даже если пострадают заложники. Но я всё-таки надеюсь, что мы сможем выручить вашу родственницу, если Кощей...

– А-а! Чтоб меня... – Хлопнув себя по лбу, Горох отбросил вилку и полез за пазуху. – Во! Как раз от этого вашего похитителя. Ещё до третьих петухов какая-то птица чёрная мне клювом в форточку достучалась да на пол вот эту грамотку и сбросила.

– Да что же вы молчали? – разом подскочили мы с бабкой. – Читайте уже, что там?!

– Что, что... А то сами не догадываетесь? – ворчливо буркнул царь, протягивая мне скрученный в трубочку желтоватый лист бумаги с чёрной печатью на красной верёвочке.

– Позволь-ка, Никитушка, я сама вслух прочту, – перехватила письмо моя домохозяйка и осторожно развернула листок. – «Никчёмному царю и бесполезному государю, преглупому Гороху пьянящему...»

– Несправедливое и недипломатичное обращение, – икнул надежда-государь, старательно показывая, как легко он выговаривает длинные слова.

– «...пишет Всея Тёмная Царства Великий Владыка, Благородный и Всенемилостивейший грозный Господин, сам Кощей...»

– Вонючка! – совершенно по-детски обиделся наш Горох. – Понавешал себе громких титулов, самозванец, а меня, значит, и пьяницей можно, и государем негодящим...

– Не перебивайте, пожалуйста, – вежливо попросил я, накладывая царю ещё яичницы, не пропадать же добру. – Что у нас там по существу вопроса? Переходы на личности и обзывательства можно опустить.

– Ну ежели по существу, дак тут тока одно предложение и есть, – скромно опустила взор бабка. – «Меняю голову царевны Марьянки на голову Никитки-участкового!»

– Э, как это? В смысле почему только голову? – нервно уточнил я.

– Дык сам посмотри, вон, прямым текстом и написано.

– Больше ничего?

Яга и царь подтвердили: нет, больше ничего. Мы выдержали длинную рискованную паузу.

– Почему вы сразу не сказали нам про письмо?

– Интересно было на твои планы полюбоваться, – пожал плечами Горох. – Да ты не обижайся. Я ж на него не обижаюсь.

– Вообще-то такое важное сообщение надо было огласить в первую очередь.

– И чего б оно изменило? – приостановила меня глава нашего экспертного отдела. – Вот, Кощеюшка своё слово и сказал. Теперича нам его краплёной колодой играть придётся. Зови сюда Митеньку, будем всей опергруппой думу думать!

– Митя и «думать» – два плохо сочетаемых понятия, – вставил я, но пошёл.

Бывали случаи, когда именно наш младший сотрудник спасал, казалось бы, патовые ситуации. Перефразируя слова весьма неглупого немецкого полководца Бисмарка, наш Митя любую сложную задачу решал посредством непредсказуемой русской глупости. И ничего, срабатывало. Хотя в обратную сторону куда чаще...

Митяй откликнулся сразу же, завершая дежурный выгул бесов-арестантов до сортира и обратно. Уверившись, что сиюминутный расстрел им не грозит, да и зная, чем закончилась попытка сопротивления милиции для их третьего соучастника, наши арестованные вели себя тихо и на санкции не нарывались. Тем более что кормили у нас два раза в день пшённой кашей – просто и сытно. Хозяйственные бесы даже начали потихонечку благоустраивать для себя поруб: подлатали полки, вымели полы, выпросили побольше соломы на пол и на холодрыгу не жаловались. Если бы все арестанты вели себя у нас так прилично, это была бы просто образцовая камера предварительного заключения или трудоперевоспитания.

...В горнице мы все сели по четырём сторонам стола, так, чтоб не делиться по группам, а каждый имел равный голос. Со стола убрали всё: и чай, и самовар, даже скатерть, чтоб ничего не отвлекало. С общего разрешения я оставил раскрытый блокнот, все записи и схемы могли пригодиться и помочь в принятии правильного решения.

– Предлагаю высказываться.

– Дак чё ж я скажу-то, сокол ясный? Ты у нас глава отделения, тебе и решать. Вам, молодым, и карты в руки.

– А я чем провинился? За что наезжаете на сироту? Ещё ничего и содеять не успел, а уже спрос? А если вы про то, как мы с Еремеевым вчера в том же кабаке шестивёдерную пивную бочку на спор... Или вы про то ещё не узнали? Тады упс...

– Так что, сыскной воевода, ты тут народ не мути! Вот бы ещё сам царь-государь за тебя преступления разгадывал и службу нёс! Я кому и за что жалованье плачу? Чёй-то надо, чую, надо пересмотреть вопрос оплаты Лукошкинского отделения...

Короче, все отмазались. Я поскрежетал зубами, но, честно говоря, ни на кого это впечатления не произвело, даже Митя не особо поёжился. Ладно, пёс с вами, господа-товарищи, мне тоже надоело одному за всех отдуваться...

– Предлагаю мозговой штурм! Каждый просто высказывает первое, что пришло ему в голову, и...

– Тётку Матрёну под суд, по ней давно каторга плачет!

– Все думают, царь, царь... А я вам так скажу, нам, царям, за вредность молоко давать надо!

– Спина болит, поскольку радикулит, собака, Васька-кот никак лапками не вытопчет...

– А капусту ейную надобно в орду продавать как оружие отравления массового, во!

– И я, промежду прочим, супротив конституционной монархии и не имел ничего! Тут ведь что главное – гильотину вовремя прикупить...

Яга тоже открыла рот в свою очередь, но быстро захлопнула под моим красноречивым взглядом. Я грохнул ладонью по столу, призывая собеседников к вниманию. Горох обернулся сразу же, Митя ещё минуты три пытался обосновать необходимость ареста и конфискации всей продукции тётки Матрёны государственными интересами России и даже её историческим долгом по отношению к потомкам и странам третьего мира. Успокоился только, когда я второй раз хлопнул по столу. И то потом всё равно делал царю страшные глаза и всячески корчил рожи, как будто ему крем для обуви на язык выдавили...

– Мозговой штурм – это значит быстро и не задумываясь предлагать решение проблемы. Пусть даже самое нелепое и парадоксальное. А общая проблема у нас одна – как спасти царевну Марьяну! Не тётка Матрёна, не трудности самодержавия взглядом изнутри, не радикулит и все болячки пенсионного возраста, ясно?! Царевна Марьяна! Девушка в беде! А вы тут... Слов нет... стыдно же...

Вроде проняло. По крайней мере, все покраснели, собрались, сдвинули брови и дружно уставились на меня в полной готовности исполнить все мои указания. Нет, ну вот что прикажете со всеми ими делать? Я устало покачал головой и сдался.

– Ладно, предлагаю не париться, а тупо согласиться на условия обмена. Получим царевну и... Сразу же он меня не убьёт, захочет поизгаляться и выговориться, это общепринятая бандитская традиция. Так что вы успеете что-нибудь придумать и выручить меня из плена в последний момент.

– Как в сказке? – скептически фыркнула Баба-яга, но тут же добавила:
– Хотя в целом-то я с Никитушкой согласная. Ежели девицу вытащим, все планы Кощея сорвём, а энто уже победа!

– Я могу где-нить схорониться, а как злодей отвернётся, так сзади его бревном в два обхвата по башке лысой огрести! – воодушевлённо предложил Митя.

Надёжа-государь поскрёб бороду, покусал ус и тоже внёс свою лепту:

– Так, если что, то можно и пушечку настенную в кустах спрятать. А как только передача с рук на руки сестрицы моей скудоумн... глупо... недоразвит... ну, об царских сёстрах либо какие они красивые, либо ничего, да? В общем, могу самолично картечью пальнуть, а вы на ступе хватайте участкового – и дёру! Справитесь, бабуленька?

– Да одной левой!

После чего они все живенько, перебивая друг дружку, с юморком и прибаутками начали обсуждать все варианты спасения меня из Кощеева плена. Причём договорились в конце концов до организации моих торжественных похорон за государственный счёт, благо опыт уже есть, а за хороший гроб Шмулинсон со своих дерёт по-божески...

В общем, я в очередной раз понял, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. И если я сам себя не спасу, то о продолжении карьеры начальника отделения лукошкинской милиции можно забыть. Сами похороны, а также открывающиеся в связи с этим перспективы даже в прошлый раз так всем понравились, что повторно меня понесут на кладбище уже с песнями! Не дождётесь...

– Прошу прощения. – Я перебил царя, яростно спорящего с Митей по поводу непременно переименования Базарной площади в Сыскноеводческую. – Вам не пришло пояснение, как именно будет осуществляться обмен.

– Да, поди, как всегда, – беззаботно отмахнулся Горох. – На речке Смородине есть Калинов мост. С обеих сторон лес густой, большое войско не протолкнётся, с той стороны одна тропинка и с нашей одна. Мы завсегда там татарских князей али немецких рыцарей на наших разведчиков меняли. Место известное...

– А Кощей про это место знает?

– Про него все знают, – подтвердила моя домохозяйка. – Прав государь, Кощеюшка в энтом плане традиций рушить не станет. Сам без свиты заявится, и тебе на него следует без подмоги идти. Один на один. А уж мы позади встанем, чтоб царевну с рук на руки принять...

– Когда произойдёт обмен?

– Ежели письмо на рассвете доставлено, так, поди, на закате и ждёт тебя наш злодей беспросветный...

– Только без слёз, – поспешил успокоить я начавшую хлюпать носом бабку. Потому что за ней и Митя пристроился слезу пустить, а царь компанию поддержит. Знаю я их, не надо воды, мне и так себя больше всех жалко... – Ладно, сегодняшнее совещание объявляю закрытым. Царь Горох свободен. Остальные действуют согласно штатного расписания. Бабушка Яга продолжает экспертизу меча-кладенца.

– Дык я и не начинала ещё?!

– Вот именно, а должны были уже закончить. Митя, запрягай кобылу. Едем обследовать место возможного обмена. Знаешь, где оно находится?

– Сей же час у еремеевских ребят спрошу, небось те знают.

– А я? Я что ж, рыжий? – опомнился брошенный царь. – Я тоже хочу задание получить и в спасении сестрицы своей нежно любимой поучаствовать! Не доводи до греха, участковый! Ну пожалуйста-а-а...

– Хорошо, – устало согласился я. – Будь по-вашему, возвращайтесь к себе и как следует отоспитесь. Вечером мне будет необходима ваша помощь.

– От спасибо, Никита Иванович! Вот уважил так уважил! Живота своего не пожалею, денег дам, войско подниму, бояр в первые ряды поставлю! А какая помощь-то требуется?!

– Расскажу на закате. Встречаемся все вместе, за сто шагов до моста на Смородине, договорились?

Горох радостно пожал мне руку, хлопнул по плечу Митяя, поблагодарил Ягу за настойку и яичницу, после чего выкатился за ворота, где был подхвачен под белы ручки бдительным боярством и гарантированно возвращён в свой царский терем. Сколько знаю наших думцев, больше они его из палат нипочём не выпустят!

Наверное, оно и к лучшему, с нашего надёжи-государя станется посреди мирных переговоров выхватить саблю, кинувшись на Кощея, спасая сестру и защищая меня. Рисковать жизнью своего непосредственного работодателя не в наших правилах. Как-нибудь управимся и сами, справлялись же и раньше, правда?

– Царя с собой не берём, – заранее предупредил я бабку.

Яга сразу согласилась, выразительно подмигнув. Я вышел из дому дать необходимые указания Еремееву насчёт сегодняшнего вечера. Расспросил стрельцов, как поудобнее выйти к мосту на Смородине. Оказалось, дорожка близкая, узкая, без лишних загогулин, не собьётся.

– Митя, пойдёшь со мной.

- Куда скажете, с превеликой радостью!
- Прогуляемся до речки и назад.
- Полотенца брать?
- Нет, купаться и загорать не будем, у меня на сегодня другие планы.

Вернувшись в горницу, я застал бабу, разворачивающую на столе плоский свёрток, конфискованный в доме дьяка Филимона. Наконец-то я впервые увидел, каков он из себя, этот легендарный меч-кладенец. Впечатление, прямо скажем, фиговое...

– И вот это оно и есть?! – скептически поморщился я, не в силах сдержать вздох разочарования.

На столе лежал самый простой меч, нормандского стиля, без украшений, рукоять обмотана почти сгнившей кожей. Никаких гравировок на клинке, клейм производителя, памятных надписей или особого стиля. Так, очень старая, изъеденная временем железная основа в виде прямой кованой полосы с перекрестием и массивной головкой, или венцом. Таких «раритетов» полно в любом краеведческом музее и даже в куда более достойной сохранности...

- Он волшебный?
- Не ведаю, Никитушка...
- Ну, у него есть какая-нибудь там магическая аура? Его можно заставить говорить? Он рубит одним ударом сто голов с плеч или ещё что-нибудь сказочное в этом роде?
- Говорю ж тебе, сокол участковый, не ведаю покуда. Думать надо...
- Но ведь зачем-то Кощей его крал?!
- Вот у Кощейушки и спроси, – повысила голос Баба-яга. – А до меня со всякими глупостями не домогайся! Дай срок, проведу экспертизное исследование, тогда и доложуся по всем правилам. А сейчас иди-кось отсель да под горячую руку не лезь. Ты куда собирался?
- На речку Смородину, осмотреть место предполагаемого обмена меня на царевну Марьяну.

– Ну вот и дуй туды, что же встал столбом?! И сам без дела торчишь, и меня от работы отвлекаешь... Васенька, проводи!

Бабкин кот мгновенно выгнул спину, вздыбил шерсть, выкатил глаза, сразу став едва ли не вдвое крупнее, и страшно заскрежетал когтями. Нет, первым драку он бы не начал. Наверное. Но и испытывать судьбу тоже было рискованно – кто знает, что у животного на уме? Я козырнул, пожелал удачи и, быстро закрыв за собой дверь, вышел во двор отделения.

- Митя, пошли!
- Слушаюсь, Никита Иванович!

Погода стояла замечательная, словно бы изо всех сил приглашая совершить лёгкую пешую прогулку. Слава богу, на этот раз я вышел за ворота своими ногами, а не завёрнутый в солому, как украинское сало, провозимое контрабандой из Харькова в Москву. Верный Митя гордо шёл рядом, покачивая взятой напрокат оглоблей и отважно демонстрируя каждому встречному-поперечному готовность защищать мою милость «живота не жалеючи!». Ага...

Обычно живот он не жалеет, когда ест. Бабка вообще считает, что мы на одной его каше разоримся скоро. В чём-то верно, в чём-то нет, своё крохотное жалованье Митя честно отправляет маменьке на деревню, а в отделении работает за четверых, так что всё компенсируется.

Единственный минус, так это то, что идти пришлось окольными путями, не главной улицей через Базарную площадь, а вдоль стены, огородами. Так, конечно, вдвое дольше, но зато хоть приставать не будут. Вышли через западные боковые ворота; стража успела попрыгать с пивом, но у нас всё равно были другие, более важные дела, чем разборка фактов о недопустимости распития спиртных напитков на посту. Я подмигнул Мите, чтоб взял на заметочку, и, больше ни на что не обращая внимания, вышел за пределы городских стен.

Настроение было бодрое и даже радостное. Я почему-то был уверен, что глава нашего экспертного отдела найдёт какие-то волшебные свойства меча-кладенца, что позволит нам изменить расстановку сил на переговорах с Кощеем. И хотя лично на меня этот так называемый кладенец не произвёл ни малейшего впечатления, но раз было затрачено столько сил, чтобы его украсть, – значит, этот предмет всё-таки имеет свою ценность.

...Мы вышли к перекрёстку, нашли указатель, как и было сказано стрельцами, повернули направо и уже через полчаса вышли к лесу. Митя, как всегда, желая порадовать меня новой деревенской историей, нёс очередную душещипательную чушь. Я уже не особо вслушивался, но ему не это было нужно, он у нас и без зрителей может для себя самого полновесный моноспектакль разыграть...

– Тут ему сосед и говорит: дескать, иди, Петруха, в соседнее село. Есть там мельникова дочка Катеринка, дюже красивая, и приданого за ней дадут немало! Вот тока характер у ей, словно ложка перцу в манной каше. К ей многие сватались, дак она одному парню из города башку евонной же балалайкой проломила! Но и наш Петруха оказался не лыком шит: батюшке её, баптисту, на магарыч сунул да сам на хромой кобыле, в лохмотьях, пьян как сапожник на венчание и завалился! Священника в зад

пнул, пономаря вином окатил, а Катерину обалдевшую прям при всех всю за заднее место облапал. А опосля говорит как по писаному: «Теперь она имущество моё. Мой дом, амбар, хозяйственная утварь, мой конь, осёл, мой вол, всё что угодно!» Смотрит Катерина, а чё делать-то, надо ить как-то с энтим хамлом жить, раз уж венчана...

Я автоматически кивал, потому что сюжет вновь казался безумно знакомым. Но если я опять укажу, что и тут мы имеем дело с вольной интерпретацией бессмертного Шекспира, Митька до конца недели нудеть будет, что это их народная, живописательная история, а мой англичанин – бесстыжий ворюга, тырящий всё у простодушных сельчан. Поэтому проще сцепить зубы и не слушать. Однако проще не всегда значит легче...

– И пошла у них развесёлая жизнь! Она ему слово, он ей два, она ему «брито», он ей «стрижено», она в лес, он по дрова, она спать, он песни петь, она есть, он пить, она в дом, он из дому! Так вот и отучил жену привередничать...

– Всё? – кротко спросил я.

– Навродь да... А что?

– Называется «Укрощение строптивой»?

– Нет, «Усмирение сварливой».

– Те же яйца, только в профиль.

– Опять, что ль, скажете, что ваш Шекспир энту историю давно написал? – мигом догадался он, набычившись и раздувая ноздри.

– По крайней мере, что-то очень похожее.

– Вечно у нас, деревенских, городские всё тащут!

– И не говори...

– Чего?

– Заткнись, пожалуйста, – строго попросил я, потому что, кажется, мы пришли.

Лесная тропинка вывела нас к небольшому бревенчатому мосточку без перил, стоящему на крепких дубовых сваях над быстро текущей рекой. Видимо, название Смородина неширокая речушка получила именно за цвет воды, от тёмно-синего до чёрного. Даже на первый взгляд чувствовалось, что глубина здесь немалая, да и течение сильное. С той стороны моста тропинка сворачивала в лес.

В общем-то действительно идеальное место для обмена заложниками или какими-нибудь иностранными шпионами. Мост был неновый, но основательный, по такому хоть КамАЗ пускай, он и не скрипнет. Вот, конечно, было бы здорово, если бы как-то так исхитриться, чтоб царевна перешла на нашу сторону, и в тот же миг под гражданином Бессмертным

рухнули брёвна. Образ смешно вопящего злодея в чёрных доспехах, уносимого суровой рекой, вызвал улыбку...

– Митя, – после секундного размышления спросил я, – а этот мост может вот так вдруг взять и упасть?

– Энтот-то? Не-э, навряд ли...

– А если я очень-очень попрошу?

– Намёк понял, – кивнул он, лёг пузом на мост и, опасно свесившись, опустил золотую голову вниз. – Ну дык что уж тут скажешь... Опоры дубовые, крепкие, расшатать не получится. А ежели подпилы делать, то я так думаю, с полгода пилить будем.

– А если порох?

– Про то вы лучше у Еремеева проконсультируйтесь, – ввернул Митяй умное словечко. – Однако, ежели по-моему, дык с трёх бочонков пороху так рванёт, что лететь тому мосту до городу Стамбулу, ихнему падишаху прямоком поперёк тюрбана, и из-за того инциденту быть войне!

– Митя, – я за шиворот втащил его обратно, – у тебя кровь к голове прилила, несёшь всякую ерунду. При чём тут турецкий падишах, а?

– Не знаю, – задумался он. – Просто картинка эдакая с продолжением в уме нарисовалась.

– Где нарисовалась?

– В уме.

– Ещё раз, где?

– Да ну вас, Никита Иванович, обижаете сироту почём зря. А я, между прочим, у дьяка Фильки читать выучился.

– Помню, – кивнул я. – Тридцать две буквы, тридцать два ругательства. Я Груздеву Филимону Митрофановичу за его авторскую методику азбуки с матом давно собирался административный штраф выписать. Ладно, пошли. Что у нас на той стороне?

Мы перешли через мост и метров на сто углубились по тропиночке в лес. Ну, собственно, всё то же самое, как и на нашей стороне, – берёзки, осины, ёлки, густой смешанный лес. Спрятать десяток человек в засаде, конечно, можно, но смысл? Спрячешь близко – будут заметны, спрячешь поглубже, так они сами ничего не увидят, и пока на крик о помощи выберутся, меня уже убьют пять раз.

– Должен признать, что Кощей Кирдыкбабаевич действительно выбрал идеальное место для переговоров и обмена заложниками. И он придёт сюда именно сегодня, чтобы мы не успели подготовиться, – задумчиво бормотал я себе под нос, оценивая безысходность ситуации. – Итак, мы слева, Кощей справа. Я иду на мост, мне навстречу царевна Марьяна. Допустим, я хватаю

её, бегу и... получаю копьё в спину. Что потом?

Я труп, царевна, надеюсь, тоже. Ну она-то сама виновата, а меня за что? Я против! Значит, срочно нужен другой вариант...

– А дозвоьте мне жизнь положить за любимое отделение? – встрял Митя. – Я вот вашу форму милицейскую надену, фуражечкой сверху накроюсь да обмен и произведу. Небось не признает сразу Кощей, может, он при свете дня плохо видит, а?

– Спасибо, Мить, ты настоящий друг... – сентиментально прокашлялся я. – Но не прокатит, ты меня выше на две головы, и размер у меня сорок восьмой, а у тебя, я так понимаю, пятьдесят шестой. В общем, тебе мою фуражку если только на одно ухо повесить. Но так редко кто носит, поверь...

– Думаете, узнает он меня?

– Узнает. Однако за готовность к самопожертвованию выражаю благодарность от лица всего отделения.

– А медаль?

– Митя, не борзей.

– Уловил, осознал, не борзею. А хоть плюшку у бабушки Яги попросить можно?

Плюшек ему Яга сама навешает, у неё это дело никогда не застревало. Я снова попросил нашего младшего сотрудника не отвлекать меня глупыми разговорами и вновь с головой ушёл в невесёлые размышления. Все методы борьбы с террористами и спасения заложников, известные мне, в этом времени не срабатывали. Никаких идей, как обмануть закоренелого злодея, вызволить царевну и, главное, спастись самому, не было.

Ни на еремеевских стрелцов, ни на царскую гвардию особо надеяться не стоило. И отнюдь не по причине их боевых качеств: и те и другие за меня в бой пойдут не раздумывая. Просто боя, как такового, не будет, Кощей реально серьёзный противник, и ему покрошить всех наших – на раз-два плюнуть, растереть, пойти дальше, не оборачиваясь!

В самом Лукошкине ему воли нет, он отца Кондрата боится, да и вообще на наши земли активно не лезет, всё больше бьёт чужими руками, исподтишка. Увидит, что я не один, просто отменит встречу, не придёт, и как тогда спасать царевну, вообще непонятно. Хотя есть шанс, что против присутствия Яги и Мити Кощей возражать не станет. Ему тоже нужны свидетели его победы, да и случая покуражиться он не упустит. Итого, нас трое – он один. Как понимаете, расклад не в нашу пользу.

Будем надеяться, что Яга хоть чем-то порадует, всё-таки она полдня провела за экспертизой меча...

– Чёй-то смурной вы, Никита Иванович, – честно пытаюсь отвлечь меня от грустных мыслей, подал голос мой младший сотрудник. – Может, мне вам песенку какую спеть али ещё одной историей весёлой побаловать?

– Спасибо. Я ценю, честно. Но петь не надо. Ещё услышит кто, решит, что мы пьяные...

– А я ему в глаз!

– Добрый ты, Митя, и, главное, вежливый! Давай лучше к делу. – Я привычно перевёл его энтузиазм в более мирное русло. – Скажи лучше, где у нас женихи – Павлиношвили и этот... как его... азиат?

– Бельдым-бек? Да вроде всё там же, в кабаке. Из города их выпускать не велено, а сажать покуда не за что. Да и бесы у нас в порубе прописались уже. Бабуля на них не нарадуется, всё внутри вылизали, починили, подправили. Я так думаю, может, не сразу их на каторгу отправлять, а? Пущай сначала баньку починят, крышу перестелют и печь почистят...

– Тоже вариант, почему бы и нет, – не задумываясь, признал я. – Труд исправил многих преступников. Придержим гастарбайтеров до понедельника.

В отделение вернулись примерно через час. Мы спешили, поскольку у меня никакого толкового плана так и не сложилось, а надежда на Ягу вполне могла оказаться эфемерной. Хотя лично я на тот момент верил в бабку как никто!

– Что-то серьёзное произошло за наше отсутствие?

– Никак нет, батюшка сыскной воевода! – гаркнули еремеевцы у ворот. – Всё в наилучшем виде, тишь, покой и общее благоденствие!

Уже приятно. Митю я развернул сразу же, дав задание найти женихов и передать, что в принципе они свободны. Могут возвращаться к своим, пока ещё во что-нибудь здесь не вляпались.

– Бабуль, я вернулся!

Ответа не последовало, хотя Яга, несомненно, была дома. В желудке неприятно похолодело. Я толкнул дверь в горницу и всё понял...

На столе лежал меч. Дымились только что потухшие свечи, из глиняной крынки с молоком выглядывала испуганная лягушка, а за столом, скучаяще подперев рукой щёку, сидела глава нашего экспертного отдела. В свободной руке у неё был полупустой гранёный стакан...

– Выпили?

– Ничё у меня не вышло, Никитушка. – В тоскливых глазах нашей эксперт-криминалистки блестела жалобная слеза. – Старая я стала, ничё не помню, дура седая, бесполезная... Не нашла я у энтого меча никаких

свойств волшебных, тайн заветных, чудес дивных... Нету их!

– Ну... нет, значит, нет, – пожал плечами я. – Однако это не повод впадать в депрессию и заливать горе алкоголем.

– Ой, ой, ой... Ты меня ещё учить будешь... ик! Тебе налить, соколики, а?

– Нет.

– А за компанию?

– Нет, я говорю.

– Ты меня уважаешь? – совершенно по-гороховски выгнула бровь Баба-яга.

Пришлось силой отобрать у неё стакан и убрать бутылку с настойкой обратно в шкафчик.

До заката оставалось часа четыре, вполне успею разобраться с делами, собрать опергруппу (пусть даже неполным составом), и надо отправляться на место встречи, подобно отважному Володе Шарапову.

Страху не было, поскольку мы уже не раз встречались с гражданином Бессмертным; я почему-то был уверен, что сразу он меня не убьёт. Неинтересно. Вот заточить в подвалы глубокие, в тюрьмы каменные, заковать в кандалы железные, морить голодом, мучить холодом. Тьфу, уже начал говорить, как наша бабка...

– Никитушка? – всхлипнуло за моей спиной. – Ты уж по любому-то один не ходи, возьми меня с собой. Да и Митенька шибко обидится, ежели его в отделении оставим.

– За час протрезвеете?

– А то! Вона грибочком мухоморовым закушу и... ик! Ежели не помру, дак и буду как новенькая!

Я махнул рукой. У каждого свои методы опохмелки, и бабкины рецепты порою творят чудеса. Так что пусть «лечится» как хочет – хоть мухоморами, хоть цианидом, хоть кефиром с солёными огурцами...

Я вызвал Еремеева, бегло объяснил ему ситуацию и попросил приложить все силы, чтоб Горох не полез за нами на Смородину. Фома поначалу заартачился и даже обиделся, что его самого не берут. Пришлось взывать к здравому смыслу и чувству долга. Сошлись на том, что если через три часа мы не вернёмся, то он вправе поставить свою сотню «под ружьё» и пешим ходом идти на Лысую гору, мстить.

– Но это вряд ли. Скорее всего, мы просто произведём обмен, вернём царевну, а потом вы элементарно отобьёте меня у Кощея.

– Добро. А он тебя, это, не казнит смертью лютой, безвременной, сразу, как мост перейдёшь?

– Не волнуйся, Фома, не казнит. Захочет поиздеваться, морды построить, я ему тоже подыграю, поплачу там, попрошу не убивать... В общем, думаю, дня два он меня точно промурыжит, а там вы подоспеете, я скажу «спасибо за гостеприимство» – и домой!

– Ох, смотри, Никита Иванович. – Еремеев по-братски приобнял меня на прощанье. – Я тебя уже разок хоронил, второй раз не хочу и не буду!

Я молча пожал ему руку. В глазах Еремеева было честное обещание набить морду этому скандальному Кощею, если я опоздаю с возвращением хотя бы на пять минут. Приятно. Если помните, у нас с ним не сразу заладилось, мы даже подрались, было дело... Потом как-то притёрлись. Поняли друг друга, приняли такими как есть и в общем-то неплохо сработались.

Я никогда не давил на него начальственным авторитетом, Фома честно закрывал меня своей спиной от любой опасности. Вроде, конечно, такого уж повода и не было, но сам факт... Он же ещё и своих подчинённых стрелцов так же строит, парни даже в его отсутствие слушаются меня, как родную маму.

– Митя ещё не пришёл?

– Сами ждём.

– Гоните его сразу ко мне, – попросил я, но именно в этот момент в ворота вломился Митька. Встрёпанный, запыхавшийся, но вроде вполне довольный собой.

Что лично для меня всегда подозрительно...

– Нашёл женихов? – спросил я, подманивая его рукой поближе.

Наш младший сотрудник кивнул, почесал в затылке и как-то не особо резво попрыгал ко мне.

– А чего изволите, батюшка сыскной воевода?

– Мить, – мои нехорошие подозрения только крепли, – я тебя отправил с поручением найти граждан Павлиношвили и Бельдым-бека, передать им, что они вправе покинуть город. Царевна Марьяна на них не повелась, так что...

– Ну дак не сомневайтесь! Обоих нашёл в кабаке «У Вениаминыча» и всё как есть им передал!

– И?

– Чегось?

– Митя, не издевайся, пожалуйста. У меня настроения нет.

– У вас его никогда нет, – обиженно вздохнул он, но я показал ему кулак. – Чё вы сразу-то? Нашёл я и ханского сынка, и кавказского князька, всё пересказал. Поговорил по душам, ну... чтоб сваливали от греха, а про

царевну Марьяну и не думали. Они выпили с горя и пошли...

– Куда? – уточнил я, хотя задним умом понимал, что вопрос лишний. Какая, по сути, разница, куда и когда они направятся, лишь бы у нас под ногами не путались. Не важно... – Ладно, ты молодец. Запрягай кобылу. Через полчаса мы выдвигаемся на Смородину.

– А Бабуленька-ягуленька с нами ли?

– Да, – не очень уверенно ответил я, поскольку пять минут назад бабка была никакая.

Опять нагнетаю. Нервы, нервы, нервы! Нет, видимо, я всё-таки не так спокоен перед предстоящей встречей с Кощеем. Как ни верти, но он неадекватный тип, кто знает, чего от него ждать в данный конкретный момент? Может, то зеркало досталось ему в подарок от мамы, или оно очень дорого стоило, или ещё что...

Митька, вальяжно потягиваясь, ушёл на конюшню, а за моей спиной скрипнула дверь, на крылечко шагнула Яга.

– Я готова, Никитушка... ик! – Моя домохозяйка смущённо прикрыла ротик ладошкой. – Ох, прости, прости старую... Больше не повторится. Клянусь костяною ногой!

– Весомо, – согласился я.

Хотя, конечно, не представляю, как она была намерена расплачиваться по счетам в случае чего...

– Пора уж, соколик, а?

– Пора, Митя запрягает.

– Ты бы меч из горницы прихватил. Хоть он, с моего взгляду, железяка бесполезная, однако же Кощеюшке он был нужен. Может, и удастся сыграть на этом деле и чего ни есть полезного выторговать...

Я не стал спорить. Если Яга чего-то не знает, но подозревает, пусть и безо всяких оснований, лучше к ней прислушаться. Да и на самом деле, может, Кощею всё-таки интереснее получить этот старый меч, чем посадить меня в клетку? Это я так себя успокаиваю...

– Телега подана! – громко прокричал наш младший сотрудник, выводя лошадь под уздцы.

Он ещё раз взбил сено в телеге, поправил подпруги и помог мне вскарабкаться на «трон». Яга ловко пристроилась чуть позади, на сене, свесив ножки в полосатых чулочках.

Митя занял место возницы, присвистнул, причмокнул губами, и рыжая кобыла бодренько двинулась вперёд. Стрельцы распахнули ворота, снимая шапки и провожая нашу опергруппу на операцию. Все улыбались, хоть прекрасно понимали, куда мы едем. Это, кстати, ободряло. Тем более что за

воротами отделения нас уже ждала огромная толпа народу, приветственно махая руками и всячески выражая готовность к... участию?!

– Не робей, батюшка сыскной воевода, я тока кашу доварю, мужика накормлю, детей отмою, скотину встречу, в хате приберусь да сама приоденусь – и к тебе на выручку!

– А чё, православные, подмогнём милиции?! А ты не православный, ты не лезь! Куды ты прёшь, морда ненашенская, а? Чего? Скока вас таких? Скока, скока?! А, ну тады идите, помогайте... Я бы тоже помог, коли б меня стока было...

Сначала мне казалось, что я попал не туда и у меня проблемы со слухом. Народ толпообразно рвался в никому не известном направлении «спасать участкового»! От кого?! Зачем?! Как они вообще узнали, что мы едем на опасное задание...

– Ништо, сыскной воевода, отмашемся! Я вона хоть за семьдесят годков шагнул, а пудовый молот выше кузницы подбрасываю! Ща, только сынков своих кликну... Сенька, Павка, Петька, Мишка, Стёпка, Федька, Борька, Васька, Алёшка, Серёжка! Взяли по молоту и за мной! Не-э, сестёр не брать! Самим надоть поддержать плечом милицию...

– Гутен морген, херр полицей-участковый! Я есть прислан от Немецкий слобода, ферштейн? Их бин должен спросить, сколько законопослушных немцев мы должны выставить на блицкриг у речки Смородина? Айн, цвай, драй? Фир, фюнф, зэкс? Яволь, будут все зибен!

Я не представлял, куда деваться, потому что, похоже, уже всё Лукошкино знало о том, что на вечер у нас забита стрелка с Кощеем. И естественно, всем оно интересно, все хотят помогать, а я-то ещё как последний дурак надеялся царя в тереме удержать. Что там царь, у меня тут уже полк добровольцев с трудовым инвентарём наперевес за телегой марширует!

– Бабушка...

– А чё ты на меня-то шипишь, сокол ясный? Я ни в чём ни разу не повинная, у себя в горнице сидела, экспертизой баловалась...

– И набаловались вы грамм на триста, кажется, да?

– Да тьфу на тебя, Никитка! Я ить уже извинилась, – надулась Яга. – А вот про то, как информация секретная из отделения на весь город просочилась, про то лучше Митеньку своего спроси!

– Он такой же мой, как и ваш, – буркнул я, но не признать бабкиной правоты не мог. – Митя, а ну признавайся, кому ты чего наплёл, что за нами народное ополчение шествует, как за Мининым и Пожарским?

– Не-э, – преспокойно откликнулся он, поигрывая вожжами. – Никому

я ничё не говорил. Окромя приказа вашего личного азиату толстому и кавказцу горбоносому.

– Так... а где ты им это передал? – начал прозревать я.

– Как где? В кабаке! Где ж их ещё найдёшь-то? Я ж вам докладывался: захожу к «Вениаминычу», а там дым коромыслом – свадьба третий день гуляет! А за соседним столиком...

– Убью... – с запоздалой тоской простонал я, оборачиваясь назад, где к общему шествию присоединилась пьянющая невеста в белом и счастливый жених с лопатой наперевес. И это при условии, что Кощей Бессмертный непременно требовал передачи заложницы без свидетелей, один на один?!

Ну что ж, потом сюрприз будет...

– Бабуль, я так понимаю, что сейчас мы всё равно ни от кого не отвяжемся? Но там, поближе к реке, вы как-нибудь сумеете сдержать гневный порыв народных масс? А то он просто уйдёт и не выдаст нам Марьяну.

– Попробую, Никитушка, – углубясь в свои мысли, протянула Яга довольно уверенным тоном. Даже слишком уверенным, как мне показалось.

А на выходе из города, у ворот, нас торжественно дожидались ещё два всадника – толстый и тощий. Эти куда лезут? Я же вроде их по домам отпустил...

– Уй-юй-юй, мы сами Марьянка-ханум спасать будем! – широко осклабившись, помахал мне с седла узкоглазый сын хана Бухатура. – Кто её от шайтан-бабая избавит, за тот её и... – он вытянул губы трубочкой, сладко причмокивая, – и замуж... бар, бар, бар!

Я громко хлопнул себя ладонью по лбу.

– Э-э, зачём так себя бьёшь? – удивился молодой князь Павлиношвили. – За царевну пэреживаешь, да? Не пэреживай, генацвале, я её сам спасу, да! Кто против, зарэжу! Прямо сейчас зарэжу, да?

Мне хотелось сию же минуту вызвать наряд милиции и попросить стрельцов сунуть этих клоунов в поруб дня на два, мозги провентилировать. От этого благоразумного поступка меня удержала подленькая мысль: а может, попробовать их предложить Кощею? Ну как бесплатный бонус к мечу?

– Пусть идут, – махнул рукой я, обращаясь больше к Яге. – Хуже не будет, у нас и так вон какая толпень на хвосте...

– И то верно, – согласилась моя домохозяйка. – Чё ж раньше времени обижать детишек? Пущай попрыгают перед Кощеюшкой, сабельками помашут, друг перед дружкой покрасуются. Потом он их съест, конечно...

Эта концовка меня не очень устраивала, но разберёмся на месте. В конце концов, все рискуем, чем они лучше?

Пока добрались до речки Смородины, количество идущих за нами добровольцев уменьшилось примерно на треть. Кому-то стало скучно, кто-то вспомнил о срочных делах, но большинство было полно решимости идти с опергруппой до конца и своими глазами хоть разок глянуть на легендарного злодея. Автограф они у него, что ли, просить собирались, не знаю...

Когда добрались до реки Смородины, я дал Мите приказ отвести возбуждённый народ шагов на пятьдесят в сторону и укрыть в засаде за поворотом. Кое-кто роптал, что из-за кустов им ничего не видно, но Баба-яга, придя на помощь, быстро навела порядок, пригрозив, что у первого же, кто без разрешения высунется, «сморчок отпадёт». Бабы хихикнули, а мужички, почесав в затылке, дали задний ход. Разумеется, глава экспертного отдела блефовала, но рисковать «сморчком» всё равно никто не посмел. И правильно. Тот же Митяй не раз так нарывался, думая, что бабка шутит, а она всерьёз...

Я же прошёл вперёд, шагнул на мост, пару минут медитируя на быстрое течение тёмных волн. Тишина. Ничто не предвещало скорого приближения гражданина Бессмертного. Может, мы всё-таки ошиблись с датой и временем? По идее надо было дождаться уточняющих указаний этого коварного террориста и уж тогда действовать наверняка.

– Никитушка, – позвала меня с берега бабка, – иди сюды. Вместе встанем, час пришёл...

Я прислушался. Птичье пение действительно стихло, но так всегда бывает на закате. Однако через минуту издалека донёсся стук копыт, и на той стороне моста появился всадник на взмыленном коне. Эстляндский рыцарь фон Паулюсус всё ещё продолжал служить своему чёрному господину. А я-то полагал, что после того перелёта он грохнется и одумается, но нет, увы...

– Мой господинн приближается! Фсё ли готофо для обмена, сыскной фоеводда? – высокомерным тоном начал он, пристально вглядываясь в наш берег. – О! Да ты тутт не один. И старая женщщина здесь, и большой дерефенский парень. Ну что ж, фозможно, этто и к лучшему. Мой хозяинн любит сфидетелей...

Он поднёс к губам медный охотничий рог и хрипло протрубил что-то вроде пионерской зорьки. Причём играл так фальшиво, что Митя, не спросив разрешения, одним махом, от бедра зашвырнул в него оглоблю на

манер городошной биты. Очень удачно, потому как попал как раз в грудь и просто смёл предателя с лошади куда-то за дальний поворот. Оттуда мигом взлетели доселе молчаливые вороны, раздался тяжёлый звонкий удар металла о металл, и через полминуты мерзавец прилетел назад, удачно плюхнувшись прямо на свою лошадь!

– Хм, ну насчёт «удачно» это я поспешил, – тихо отметил я, потому что благородное животное, естественно, взвилось на дыбы и дало дёру обратно по тропинке. Рыцарь, сидя задом наперёд и смешно стучаясь забралом о конский круп, проклинал нас затейливо, по-прибалтийски.

– Чё это было, Никитушка?

– Я так понимаю, сначала Митя попал в фон Паулюсуса, потом фон Паулюсус попал в Кощея, а Кощей попал фоном Паулюсусом в его же лошадь, и сейчас...

Конский топот возвестил о возвращении бумеранга, и уже нормально сидящий герой дня, подняв над головой меч, нёсся на нас с боевым кличем:

– Вира-а-ай!

За нашими спинами раздался ответный визг, и два горячих всадника устремились навстречу третьему.

– Шайтан тебе под хвост целовать, а не Марьянка-ханум! – орал храбрый Бельдым-бек.

– Пачему я весь в черкеске? Патаму что я черкес! Пачему кинжал на пузе? Патаму что галаварэз! – песенно вторил ему храбрый джигит Сосо, как бешеный махая над головой тонкой шашкой в серебре.

– Чудо, ежели себе самому уши не отрубит, – прокомментировала Яга, а Митя смотрел на схватку трёх отважных воителей как замороженный.

Мгновением позже на мосту произошла безобразнейшая драка, в завершение которой три свободные лошадки процокали мимо нас в город, а три булька возвестили о том, что борьба за титул «жених номер один» будет продолжаться уже на дне речки Смородины.

Я снял фуражку, скорбно склонив голову. Баба-яга сдержанно перекрестилась и сплюнула через левое плечо, попав на Митю. Наш младший сотрудник так же сдержанно выругался, но не довёл эмоциональную реплику до конца, потому что на противоположный берег наконец-то выехал главный злодей наших мест, криминальный авторитет Кощей Кирдыкбабаевич Бессмертный!

Не хватало какой-нибудь мрачной музыки в стиле фашистов, марширующих через сожжённые русские деревни на Москву. Огромный вороной конь в чёрных латах с шипастыми подковами и коротко, по-собачьи обрезанным хвостом. На нём сплошной горой такого же

воронёного железа восседал Кощей в дорогуших латах, за обладание которыми задушился бы директор Эрмитажа, с длинным волнообразным клинком почти до земли и в роскошном рыцарском шлеме... шлеме... э-э?..

– Собачья морда, – подсказала всезнающая бабка. – Навидалася я таких псов-рыцарей, ещё и почуднее доспехи были, и кони покрасивше, и щиты с крестами. Лет десять назад избушку мою зимнюю в Финляндии пожечь хотели. Ну я им тоже, не сдержалась, по угольку в кирасу за шиворот. Так уж смешно прыгали, помереть не встать...

– Смотрите, а ить он за собой царевну на верёвке волочит, – возмущённо прервал нас Митя. – Да грубо-то как, ровно собачонку какую!

– Форменное безобразие, – согласился я, хотя вид мрачной Марьяны, связанной, как колбаса Микояновского мясокомбината, не мог не радовать. Конечно, её глаза грозно блистали, но зато рот был предусмотрительно заткнут тряпчочкой.

– Выходи, вражий сын, Никитка-участковый! – глухо, с неприятным дребезжанием, прогромыхало с того берега. – Выходи...ей же час...а... очестен...ир...а...ровавый...ой!

– Чего? – осторожно переспросил я у Бабы-яги. – Концовка какая-то скомканная получилась.

– Эй, злыдень бессовестный! – прокричала моя домохозяйка, храбро делая два шага назад. – Ты чё сказать-то хотел? Повтори, скотина, сделай милость, а то чёй-то невнятно вышло...

– Я говорю, – прокашлялось в забрале, и чёрный конь нервно фыркнул, ковыряя передним копытом землю перед мостом. – Выходи, пёсья кровь, сыскной воевода, на честн... ой...а...ихую...мерть!

– Да ить он тут просто матюками издевается над милицией, – резко прозрел Митька. – А у меня под рукой второй оглобли нет. Может, за лесок, к мужикам, сбегать, чё-нить тяжёлое позаимствовать?

– Нет, мы сюда не драться пришли, – напомнил я, останавливая его героический порыв за шиворот. – Наша задача – спасти царевну. Бабуль, держите меч наготове, возможно, мы договоримся.

Я выровнял дыхание и пошёл. Не буду врать, будто бы в тот момент мне совсем не было страшно. Ноги слегка дрожали в коленях, и очень надеюсь, что не слишком заметно. А за спиной явственно нарастал недовольный ропот народа, припёршегося чёрт-те куда и вынужденно лишённого развлечения...

– Ну дык чё? Чё там происходит-то, мужики?

– Кабы знать... Ничё ж из-за кустов поганных не видно!

– Дык ты бы вона чуток прошёл, подсмотрел да нам и рассказал!

– Ага! Нашли дурака?! Бабка экспертизная предупредила, что враз «сморчок отсохнет»!

– Да, может, она и пошутила?

– Ну так иди и сам проверь! А я своим рисковать не буду...

– Да было б чем, дедуль...

– Мужики, мужики, у меня идея есть! Давайте баб вперёд пустим! У них-то сморчка нет.

– А ну как чё другое отсохнет? Язык, например?

– Тады мою тещу первой толкайте! Пуцай сохнет. Это ж праздник на всю улицу! Гулять будем в ти-ши-не-э...

В общем, пока дошёл, наслушался, это отвлекало и бодрило. Куда легче идти на стрелку с крупным уголовным элементом, зная, что у тебя за спиной человек сто пятьдесят топчется в жажде действия и соучастия. Хорошо ещё, кстати, трезвые! Надеюсь...

Я вышел на середину моста и молча встал, скрестив руки на груди. Кощей толкнул коня шпорами, скрежетнув железом по железу, и встал рядом. На нашем берегу все замерли. Молчание затягивалось.

– Слышь, участковый?

– Да.

– Не шевелись. Можешь сделать вид, что ничего не происходит? – напряжённым шёпотом вырывалось из забрала.

– Ну... попробую, а что?

– Имидж, – многозначительно ввернул Кощей, переходя на просительный тон. – Забери от меня дуру эту.

– А что такое? – Я изобразил лёгкое недоумение.

– Сил моих больше нет! Представляешь, перевоспитывает она меня. Нудит, каждый час покаяться требует, истории душеспасительные рассказывает. Мечтает при мне, как мы опосля свадьбы в деревню уедем, курей заведём, всякие цветочки-венки друг дружке плести будем да куплеты о счастливой любви сочинять. Я уж и орал на неё, и пугал, и грозился...

– Надеюсь, без рукоприкладства?

– С моей стороны без! – Кощей попытался со скрипом развернуться к яростно дёргающей верёвку царевне. – Думаешь, чего я в шлеме? Она в меня вчерась кастрюлей запустила, с макаронами... Дескать, она от них располнеет и я её, толстую, любить перестану. Это вот чё? Это вот, вообще, как?!

– Скорее всего, ПМС, – поморщился я, потому что нет на земле мужчины, который бы хоть раз на эту бомбу не наварлся. – Чисто по-

человечески сочувствую. Но, собственно, чего вы сейчас от меня-то хотите?

– Забери её по-тихому, и в расчёте, а?

– Не могу, вы ведь вроде её с целью законной женитьбы крали?

– Ничего не было! Слышь, ты, ищейка подозрительная, ничего не было! Какой взял, такую и возвращаю, на невинность девичью не покушался даже.

– Ни разу?..

– Ну я ж тебе говорил! Тока один разок и попробовал, макароны по-итальянски сварил, соус песто, фарш болоньезе, вино кьянти, гитару неаполитанскую достал, я на ней два романса играть умею, но... С ней же на шее и ушёл, словив кастрюлей в лоб, потом гитарой по кумполу! Иду к себе, с макаронами на ушах, весь в соусе, и думаю: а так ли оно мне надо, энти ваши полцарства?..

– У нас она была тихая. – Я покосился на красную от обиды царевну Марьяну.

– Вы её просто плохо знаете. Ну так что, берёшь?

– А если нет?

– Дык я тебя, Никита Иванович, за такую обиду прямо здесь, на мосту, лютой смерти предам, – честно пообещал гражданин Бессмертный, и в голосе его чувствовались расшатанные нервы. – Ну ты совесть-то имей, ёлы-палы...

Я принял из его рук кончик верёвки, которой была связана троюродная сестра нашего царя, и намотал на кулак.

– Имейте в виду, официально я заставил вас вернуть царевну.

– Договорились, – хрипло подтвердили из забрала. – Тока, как отойдёшь, я тебе грозить начну. Внимания не обращай, традиция такая. Иначе меня свои же не поймут... И чур, опосля этого разъезжаемся тихо, вслед друг дружке вреда не чинить!

Я молча козырнул. Кощей демонически расхохотался, что в «собачьей морде» звучало как расстроенная фисгармония в стиральной машине на коммунальной кухне. И ведь самое обидное, что сделка могла пройти без сучка без задоринки, но тут...

– Не бойсь, свет Марьяночка, звёздочка моя Вифлеемская! Я, я меч добыл, стало быть, мне тебя и под венец вести! – раздалось за моей спиной так громко, что я едва не подпрыгнул на метр в высоту. – Идёт-бежит спаситель твой храбрый, аки святой Георгий супротив дракона, отважно алкающий!

– Это что ещё за хрен с бугра? – грозно насупился Кощей.

– Думский дьяк Филимон Груздев. Вообще-то он у нас в порубе сидит, – прокашлявшись, подсказал я, тоже ничего не понимая. – И вы на него досье составляли в деле о перстне с хризопразом, не помните?

– Вот ещё я всякую тощую шушеру в дрянной рясе и ермолке помнить буду, – невнятно буркнул главный злодей. – Чего он от меня хочет-то, на что нарывается?

Я неопределённо пожал плечами. По сути, гражданин Груздев всегда нарывается на одно и то же, но посмотрим, может, у него есть план...

– Изыди, сын сатанаилов, к прародителю своему под хвост смердящий! Отступись перед мощью креста животворящего! – Дьяк добежал до мостика и вытянул вперёд руку с зажатым нательным крестиком.

– Ой, боюсь-то как... – откликнулся из-под забрала Кощей. – Прямо вот страшно-страшно-о-о-о...

– Отдавай, злодей, невестушку мою верную!

– Ты его невеста?!

Царевна Марьяна в ужасе вытаращила глаза и яростно замотала головой, типа ничего подобного, чтоб мне опухнуть прямо тут, при всём народе...

– Отдавай, а не то крестом по сусалам отведаешь! Всю сопатку разобью, не помилую! В ухо плюну, землю жрать заставлю, так дам под зад, что со своими же пятками два раза поцелуесси! Расстрига костлявая, мутотень поросячья, немочь белая, скарлатина ходячая, фараон отпирамиденный! Убью же на фиг и отвечать не буду, понял...

Кощей терпеливо выслушал всё до конца и тихо шепнул:

– Уйми психа, участковый, мы так не договаривались. Я с тобой хочу честь по чести разойтись, а тут балаган какой-то с клоунами...

– А я в этом дурдоме каждый день живу, представляете? Но мне его трогать нельзя, не тот момент. Человек же подвиг во имя любви совершает, а не правонарушение какое. Давайте вы его в копчик пнёте?

– Нет уж, ты пинай! Вдруг он заразный, а я потом чесаться буду?

Положение спас сам дьяк, потому что в пылу страсти и вдохновения кинулся с распростёртыми объятиями к царевне. Ну а та недолго думая отработанным махом, на раз встретила его коленом в...

В общем, попала куда надо – хруст скорлупы на всю округу, и гражданин Груздев, сложившись вдвое перочинным ножиком, рухнул с моста на бережок, по счастью не упав в воду. Марьяна гордо вскинула рыжую непокорную голову, и я понял – Кощей прав: от такого милого

сокровища лучше избавиться побыстрее...

– Вернёмся к теме?

– Да уж, как порешили. – Он быстренько передал мне верёвку. – Забирай и сваливай.

...Честно говоря, всё как-то безумно легко получилось. Марьянка упиралась – коза козой, два раза садилась в знак протеста. Но я был неумолим и, как трактор, упорно тащил эту репку домой.

Гражданин Бессмертный старательно обзывался вслед, но из-за забрала весь его обличительный пафос всё равно выглядел незаконченным и кургузым:

– Жалки... тру...!..котина! Подле...!..егодяй! Заячи.....вост ты, поня.....ыскной...оеводишка!

– Никитка! – бросившись вперёд, обняла меня Баба-яга. – Жив? Здоров? И мартышку эту, прости меня, Господи, домой без бою возвернул?!

Я кинул верёвку Мите, подхватывая бабку с мечом. Неужели действительно у нас всё получилось? В этот момент мешковина, в которую был завернут меч, наполовину распахнулась...

– Это ещё что такое?! – Кощей уверенным жестом откинул забрало и вперился в нас жадным взглядом. – Кладенец?! Мой! Наконец-то! Давай, давай его сюды, участковый!

– Митя, уводи царевну, у нас разборки начались, – тихо попросил я.

– Врёшь, сыскной воевода, не уйдёшь! – Кощей демонстративно взялся за оружие. – Сей же час всю опергруппу здесь положу, не помилую!

Собственно, вот после этих провокационных выкриков удержать народ за кустами никакими угрозами уже не было никакой возможности. Мужики плюнули на «сморчки» и могучей толпой выдвинулись на нашу защиту.

– Отвались, дорогой Никита Иванович, под ногами не путайся, мы за тебя мстить будем!

– Не держите меня, бабоньки, дайте жизнью никчёмной за родную милицию пострадать! Они моего мужика за пьяное дело три раза арестовывали, а меня за самогоноварение ни разу. Так вот, упс... Кажись, я чё лишнее сболтнула, да?

– Где он? Кто? Вот энтот, что ль? Энтот?! Один? И всё? И чё он хочет? Да ну? Точно? А не врёшь? И кому он энтот сказал? Он хоть сам понял, на кого наехал? Так, да? Так, что ли? А вот я не понял, чё значит, «забодал своими вопросами»?

Минутой позже перед грозным Кошеем на нашей стороне стояла сплочённая стена лукошкинского люда, сжав кулаки и твёрдо намереваясь

не уступать врагу ни пяди родной земли...

– Ах вот ты, стало быть, как, участковый... Не сдержал, выходит, слова, – самым наглейшим образом оболгал меня гражданин Бессмертный. – Думаешь мечом-кладенцом сестрицу царскую отстоять? А ить силы того меча сам не ведаешь...

Я действительно взялся за меч, неуклюже пытаюсь изобразить Конана-варвара, но оружие явно было не моё и ничем мне помогать не собиралось.

– Что, и Яга, перебежчица, не знает? Мне одному сия тайна ведома! Я один тайное слово знаю... Потому и моё право тем мечом-кладенцом владеть!

– Что будем делать? – шёпотом спросил я у Яги.

– Сбежать бы, да поздно, – философски вздохнула она. – Однако ж лично мне всё едино: хоть пред смертью, а любопытственно глянуть, что ж за слово такое силу меча являет?

– Геонегоне! – неожиданно в полный голос взревел Кощей, вздымая руки в железных перчатках к быстро темнеющему небу.

Вроде ничего не произошло. Меч ничем себя не проявлял, кроме как... вроде бы стал тяжелее. И длиннее. И шире... и... мамочка-а...

– Догадался ли, пёс блохастый, Никитка-участковый?! – захохотал наш преступный злодей, самодовольно откидываясь в седле. – Ты вспомни-ка, ить Бова-королевич от самого Святогора-богатыря тот меч получил. А уж Святогор-то исполинским ростом отличался, по Карпатским горам ездил, ибо мать сыра земля его вес не держала. Неужто думаешь, меч его не был под стать хозяину?

Я уже поставил кладенец рукоятью на землю, а клинок удерживал плечом, но меч продолжал расти! Кощей с коня заливался дебиловатым гоготом, люди в изумлении отступили, а я понимал, что ещё чуть-чуть, и не удержу...

– Митя! Помоги!

Вдвоём мы ещё с полминуты удерживали волшебное оружие, выросшее уже до размеров телеграфного столба.

– Вот и всё! Молите меня о смертушке лёгкой, люди милицейские, или я энтим же мечом вас, как клопов поганных, придавл...

Договорить он не успел, потому что мы тоже не выдержали. В смысле разжали руки, и никем не удерживаемый меч-кладенец просто начал падать.

– Эй, эй, эй! Вы... чего?! Вы это... не того! Я ж вам потом...

Бедный гражданин Бессмертный даже не успел дёрнуть поводья – на него падал огромный древнерусский меч!

Вороной конь оказался умнее своего господина, с ходу прыгнув в реку. Рухнувший меч разрубил мост к чертям пополам, и если бы Кощей хоть на миг замешкался, то посмотрели бы мы на две половинки его хвалёного бессмертия...

А теперь что ж? Оставалось только помахать ему на прощанье, когда быстрый поток Смородины уносил закоренелого преступника куда-то далеко-далеко, ниже по течению.

Народ расхрабрился, начал свистеть и улюлюкать, и даже наша деликатная Баба-яга, не удержавшись, крутнулась на одной ножке.

– А я знаю, знаю, как меч в прежний вид привести! Нужно энтó слово задом наперёд прочитать! Энтó я быстро скумекала. Еногеноег!

Через пару минут у наших ног лежал тот же самый старенький кладенец. Я помог бабке снова завернуть его в тряпочку и подошёл к царевне.

– Если развяжу, кусаться будете?

Она подумала и отрицательно помотала головой.

– Хорошо. – Я осторожно освободил её от кляпа. – К Кощейю ещё раз в гости желаете?

– Тьфу! Тьфу, невкусно как... гад!

– Э-э?!

– Да не вы, а он. – Марьяна ещё раз плюнула в сторону того берега. – Гад, подлец, ничтожество и этот... по-латыни... импотент полнейший, вот!

– Никитушка, скажи ей, что, ежели она ещё раз так при пожилых людях выражаться начнёт, я ей самолично пятнадцать суток закатаю!

Покуда Яга с царевной шумно переходили на личности, я с тоской поглядел на разрушенный мост. Митя терпеливо, с подзатыльниками, объяснял особо интересующимся гражданам, что шоу больше не будет, спектакль окончен, массовке спасибо, и всё, все по домам. Дьяк подковылял было к нам на полусогнутых, но на меня нарываться не стал, а Марьянку вообще обошёл шагов за десять. Интересно, как он умудрился удрать из поруба?

Надеюсь, все трое женихов как-то выплыли, хотя за грузённого доспехами эстляндца не ручаюсь. О гражданине Бессмертном тоже можно было не беспокоиться, он у нас непотопляемый, как цветок в проруби. Жаль, конечно, что не удалось арестовать, но... Как говорится, не в первый раз и не в последний. Мы упорные, мы его поймаем...

– Давайте-ка в отделение.

...Назад добрались за полночь. Рухнули все и сразу. Митя, как только

пересёк порог, так что нам с бабкой пришлось через него перешагивать. Моя домохозяйка ушла в свою комнатку, словно сомнамбула, даже не пожелав мне спокойной ночи. Я лично до своей кровати дошёл, даже, по моему, разделся.

Ну, очень надеюсь, что это я сам разделся, а не домовому пришлось с меня штаны стягивать, потому что, честно говоря, мало чего помню, проснулся уже поздним утром от чьего-то надсадного храпа в ухо. Вот ей-богу, чем меня только не будили, но чтоб храпеть в ухо...

– Чёй-то, а? – Я попытался сфокусировать зрение и одновременно овладеть языком.

Увы, как-то не очень получилось. Ну, по крайней мере, не с первого раза. А когда осознал, что мне в левый глаз смотрит что-то круглое, с красным, чем-то пухлым набекрень и, главное, очень острым клювом...

– А-а-а-а-а!!! – взвыл я, спасаясь под одеяло.

– Ху-хареху-ху-у-у!!!

Но в ту же секунду, исполнившись праведной ярости, я храбро завладел подушкой, обрушивая её на коварного врага. Петух, не ожидавший такой резвости с моей стороны, был одним широким махом сметён за окно и вышвырнут во двор головой вниз. Я с трудом сдержал рвущийся наружу победный вопль вождя ирокезов...

– Который час? – крайне вежливо, даже нежно спросил я, перегнувшись через подоконник.

Петух поднял на меня заплывший левый глаз, помотал головой и мстительно показал язык. На большее он уже не был способен, потому что, к примеру, приложись так я спиной об забор, у меня бы вообще позвоночник накрылся. А пернатый будильник только ухнулся носом в лопухи и лежал там, строя планы, вплоть до завтрашнего утра.

Я на миг приложил подушку к губам, по-ковбойски изображая сдувание порохового дыма со ствола проверенного кольта. Больше не буду злорадствовать, удержусь...

– Йес! – Отойдя от окна, чтоб он не видел, я подпрыгнул вверх, совсем чуть-чуть не дотянувшись до потолка.

После чего бодренько умылся, растёрся полотенцем, прополоскал зубы и, одевшись по полной форме, пошёл вниз, к Яге. Благо снизу уже доносился манящий аромат свежееиспечённых блинов. После вчерашней пытки яичницей это был самый лучший завтрак на свете! Того, кто уверяет, что на завтрак лучше смузи или йогурт, просто пошлите по общеизвестному адресу. Если бы несчастный хоть раз попробовал блины Бабы-яги, он бы никогда не лез с глупыми советами, а стоял бы сутками у

дверей отделения в надежде выцыганить хоть один блин...

– Доброе утро!

– Добрей бывало, – ворчливо откликнулась Яга, даже не оборачиваясь в мою сторону.

– Что-то не так?

– Не, всё так, соколик! Ты ж у нас начальник над всем отделением, стало быть, всё у нас наилучшим образом, замечательнейше происходит, а?

– Бабуль, что случилось? – напрягся я, не садясь за стол.

Моя домохозяйка так выразительно поджала губки, нетвёрдой рукой поправляя платочек, что сразу становилось ясно: виноват я, виноват во всём, прощения не будет во веки веков, а причина моей вины, зевая до треска в щёчках, выходит сонным шагом из бабкиной горницы. Я что, не распорядился, чтоб её доставили в царский терем?

Когда царевна вышла во двор по своим делам, я тихо обратился к Яге:

– Получается, она у вас спала?

– А куда ж мне её класть было, с тобой али с Митенькой?

– Понимаю...

– Да ить ладно, ежели б она спала! Нет же! За всю ноченьку глаз не сомкнула и мне не дала. Извертелась вся, то плакала, то ныла, то кота моего обнимашками замучила, а потом до меня, старой, помогаться стала...

– В каком смысле?

– Ой, не язви, Никитка, не до того сейчас. – Бабка набулькала себе чаю, накапала туда валерьянки, подумав, плеснула чуток и в миску кота. – Заболтала она меня. Почему Кощей такой, а как его изменить, а почему в книжках пишут, что злодеев только любовь меняет, да зачем же вообще истории столь романтические девицам невинным читать дают, ежели в них обманность одна да сплошное чувств расстройство? Вот веришь ли, участковый, не будь дура энта Гороху нашему какой-никакой, а сестрой – пришибла бы помелом по башке али подушкой слегка придушила!

– Или не слегка...

– Ну уж кабы увлеклась... – развела руками моя домохозяйка, попила чайку и вроде бы только-только начала успокаиваться, как из сеней высунулась всклокоченная Митькина голова.

– Никита Иванович, а тут у нас проблема малая, но кусается и царапается, как зараза...

– Тащи её в дом, – уныло разрешил я.

Митя кивнул, вошёл в горницу, а на вытянутых руках под мышки крепко держал бултыхающую ногами царевну.

– Убегу, всё равно убегу! Не заставьте! Не буду у братца жить,

свободы душа требует, любви хочу-у...

– Стрельцы её за подол изловили, когда она без разрешения за баней через забор лезла, – добродушно пояснил наш младший сотрудник без обид на плевки и попытки пнуть его каблучком. – Еремеев вроде как к царю-батюшке нарочного послал с докладом, дескать, найдена и беглянка, и меч-кладенец. Однако ж, может, нам пока тигру эту суматранскую в поруб сунуть?

– Нет, Мить, с особами царского рода мы вынуждены обращаться иначе, – вежливо поправил я. – Сажай гостью в угол между мной и главой экспертного отдела. Мы её чаем с блинами откармливать будем.

– Мучного не ем, – разом насупилась Марьяна.

– Потолстеть боитесь? Да бросьте, какие ваши годы!

Царевна фыркнула, повела носиком и тоже решила, что годы действительно ещё никакие.

– Ну, может, один и съем... Для приличия, – деликатно пробормотала она, а потом как кинулась на блины, умяв первую горку с такой скоростью, что любой Карлсон бы нервно покуривал в уголке. И это, граждане, был только разогрев...

– Изголодалась, видать, в Кощеевом царстве, сиротинушка, – жалобно вздохнула Баба-яга, пододвигая вторую тарелку с блинами. Домовой у печки трудился уже в три сковороды...

Минут через двадцать в отделение ворвался небольшой конный отряд боярской гвардии во главе с царём Горохом. Царь был в ночной рубашке, плисовых шароварах, тапках без задников. Лицо ворвавшегося в горницу государя было бледно с чела, красно в щеках, черно под глазами и с мягкой синюшностью в области носа. Новогодняя палитра советского Деда Мороза, одним словом...

– Где?! Где моя ненаглядная? Марьянушка-а! – Царь широким взмахом отодвинул меня в угол. – Иди я обниму тебя по-братски!

– Никуда я не пойду. – Царевна ловко задвинула в объятия Гороха обалдевшую от таких ласк бабку.

Надёжа-государь, мягко приподняв мою домохозяйку, пересадил её на лавку, поближе к самовару.

– Милая сестрица, пойдём же из отделения до дому до хаты!

– Деспот ты, сатрап и вообще... как это... тираннозавр!

– Смилуйся, они ж все вымерли...

– А ты остался-а!

Мы не вмешивались, мы их слушали. И надо признать, что столько эпитетов в адрес всеми любимого царя-батюшки никогда не слышали.

Честно говоря, в паре моментов это было чисто эстетическое наслаждение...

– Ты всегда меня третировал! Я не хочу и имею чисто человеческое право не хотеть! Мало ли где у тебя по географически-политическим планам зачесалось?!

Не знаю, как Яга, а лично я пересел с чашкой чая в уголок и от всей души искренне наслаждался опущением своего постоянного работодателя куда-то значительно ниже полуподвала. Горох краснел, бледнел, шёл пятнами и не знал, куда деть глаза, пока его троюродная сестра лепила нашему владыке всё, что она о нём думала, прямым текстом, без извинений и экивоков с намёками на тухлую толерантность. Я перечислять не буду, мне оно не надо, а вы вправе включить фантазию...

– Всем цыть! – неожиданно подняла голос Баба-яга. – Мне все ваши взаимные упрёки слушать без радости. Давайте-ка вы к себе возвернётесь и там продолжите. А вот непосредственно по работе отделения у кого-нибудь претензии есть? Объявись, мазохистушка...

Добровольно, как вы понимаете, никто не откликнулся. Ну, собственно, это и правильно. Марьяна высказала Гороху примерно половину того, что бы сказал я сам, будь у меня время и настроение. Ну и ладно, главное, что буквально через пару минут я заметил, что троюродная язва нашего государя тихо заткнулась и уставилась в окно...

– Вот, Христом Богом клянусь, что ни сном ни духом даже... Ну почти... Я ж не мог предполагать, что ты с Кощеем заодно порешишь... Эй? Я, вообще, к кому обращаюсь?!

А вот это по большому счёту уже и не важно. Потому что Яга ткнула меня острым локотком в бок, чтобы я перевёл взгляд в нужную сторону. Туда, где во дворе нашего отделения на белом коне, подбоченясь, сидел неизвестный мне боярин в парадных доспехах воеводы царской гвардии. Молодой и красивый парень лет двадцати пяти, с короткой русой бородкой и голубущими глазами в обрамлении длинных ресниц. Так вот на кого она уставилась...

Ну а мне в принципе было достаточно одной минуты, чтобы понять очевидное: в сравнении с этим роскошным красавчиком у бедняжки Марьяны просто не было ни малейших шансов. По крайней мере, пока государь не проследил её взгляд и не хихикнул:

– Ты чего это, сестричка? Мишку Медведева заметила? Да плюнь, у него, кроме внешности, ни ума, ни амбиций, ни...

Я встал и своей рукой, без малейшего пиетета, заткнул рот царю Гороху. Тот было взбрыкнул, пытаясь меня укусить, но...

– Ни ума, ни амбиций, только внешность, – выразительным шёпотом напомнил я.

– А... э... Марьянушка, – довольно быстро сориентировался государь. – Дак я впредь против твоего сердечка отродясь идти не посмею. Кто тебе люб, тот и мне зять! Хочешь, познакомлю?

– Что? Ах, с ним? Как можно, он же... красавчик какой, право слово...

Ну, как вы понимаете, в принципе на этом можно было бы и ставить точку. Бесы были отправлены нами по этапу и, сколько мне известно, неплохо устроились на Сахалине. Я их не осуждаю, они своё получили и срок мотали честно, учитывая, что там, под боком у Японских островов, Кощею их уж точно никак не достать.

Скандалный дьяк Филимон Груздев за склоки, организацию беспорядков, народные волнения, провокации, бегство из-под стрелецкой стражи во время похода в туалет и вообще неподобающее поведение был наказан отцом Кондратом прилюдным покаянием и суровой епитимьей в виде двух недель молитвенного бодрствования на старом кладбище у мнимой «могилы участкового». Меня за «воскрешение» полностью помиловали, даже к церковному порицанию не приговорили. Кощей, как вы понимаете, так ни разу и не объявился, хотя сомневаюсь, что смыло его надолго и навсегда.

Потом, к общей радости, сразу все трое женихов заявили уже к вечеру. Правда, один связанный и с набитой мордой, но зато граждане Бельдым-бек и Павлиношвили были полностью оправданы перед лукошкинским законодательством. А по этому прибалту всё равно давно тюрьма плакала, так что тут тоже всё честно.

Меч-кладенец торжественно вернули в подвалы. По большому счёту пользоваться его способностью к увеличению в разы нам нужды не было. О чуде моего «воскрешения» народ забыл удивительно быстро. Возможно, потому, что факт разрубания мечом моста и спихивание в реку гражданина Бессмертного показалось простым людям куда более зрелищным. Да и каждый же потом уверял, что самолично участвовал в борьбе против Кощея, кулаками махал, ругался или язык ему показывал. Я, честно говоря, и сам постарался всё побыстрее забыть – кому приятно вспоминать собственные похороны...

Однако хуже всего, что наш беспросветный уголовник ничего не забыл и купание в тяжёлых доспехах в речке навело его на мысль о плавсредстве. Но это я чуток забегаю вперёд, к следующей истории, а пока мы сидели в горнице за чаем и пытались ставить последние точки в этом шумном,

насыщенном нешуточными страстями деле...

– Бабуль, так кто, по-вашему, бесов нанял?

– Известно кто, Кощеюшка.

– Мм... Я имел в виду их контакты здесь, в Лукошкине. Если гражданин Бессмертный опасается сюда соваться, значит, ему нужен резидент. Да и бесы намекали на то, что заказ озвучивала молодая девушка...

– Никитушка, – даже обиделась Баба-яга, – ты вот куда намёки суёшь, а? Ты знаешь, скока у нас девушек? Уж пожалуйста, без особых оснований, по одной тока бесовской брехне, цельный город в подозреваемые не записывай. Ить мы ж показания брать замучаемся...

Да, честно говоря, я и в мыслях такого не держал.

Но всё равно, всё равно, всё равно, ощущение недосказанности осталось...

P.S.

В тот день мы все легли пораньше, а пробуждение было весёлым. И виноват в этом... Вы не поверите, не петух, не Кощей, а наш кот Васька!

Давайте уж по порядку. Лично я проснулся по первому «ку-ка-ре-ку!», сел на кровати, сладко зевнул с риском вывернуть нижнюю челюсть, спустил ноги вниз, сунул в тапки и...

– Мать твою, Васька, сволочь, в зоомагазин без когтеточки, драть тебя некому, подонок, однозначно-о!

Это не то, что вы подумали. Это хуже... Бабкин кот всё-таки расстарался грязно отомстить мне за недавнее обсыпание мукой. Но как он узнал-то?!

– Поймаю, убью. Расстреляю. Торжественно. Перед строем, у забора, с последней сигаретой и завязанными глазами. Я ему даже самолично ложку валерьянки налью, прежде чем скомандовать – пли!

– Васенька?! Чтоб тебя... За что?!! – взывала внизу бабка так, что, наверное, было слышно по всему терему.

– Васька! Сукин ты кот! – почти одновременно взревел и Митин бас.

Хм, получается, это не мне одному подложили по дохлой мышке в каждую тапку? Значит, он не знает наверняка, что это я. На данный момент, судя по шуму и мату, досталось всем. И это отнюдь не значит, что мне пора признаваться. Чёрный кот сделал своё дело, выпустил пар, остальное не так важно, переживём...

P.P.S.

Чего я, собственно, вру? Я же и близко тогда не знал, что у нас будет дальше и что мне удастся пережить. Хотелось бы, конечно, выглядеть поумнее, подогадливее, посообразительнее, что ли...

Но ведь не было же этого, правда? Было как было, давайте уж и дальше будем честными друг перед другом, мне так проще. Тем более что следующее дело расставило всё по своим местам. Но хуже всего, что именно тогда я, кажется, влюбился...